

закрытые

рустам
александер

18+

жизнь гомосексу-
алов в советском
союзе

закрытые

рустам
александр

18+

жизнь гомосексу-
алов в советском
союзе

Рустам Александер

**Закрытые. Жизнь гомосексуалов
в Советском Союзе**

Rustam Alexander

Red Closet: THE HIDDEN HISTORY of Gay Oppression in the USSR

Manchester University Press

© Рустам Александер, 2022

© О. Быкова, перевод с английского, 2023

© ООО «Индивидуум Принт», 2023

Благодарности

Я хотел бы поблагодарить Феликса Сандалова, главного редактора замечательного российского издательства Individuum, а также всех его сотрудников, причастных к изданию данной книги на русском языке. Отдельно хочу поблагодарить Ольгу Быкову и Олега Егорова за блестящий перевод с английского на русский.

Москва, 2022

Предисловие

Дорогой читатель!

Перед вами книга, описывающая жизнь советских гомосексуальных людей в период с 1933 по 1991 год. История советских гомосексуалов мрачна и тяжела, ведь в СССР эта категория населения подвергалась отнюдь не только уголовному преследованию. Их порицали в обществе, пытались лечить таблетками и сомнительной психотерапией, да и просто считали людьми второго сорта. Мужчинам, которые испытывали гомосексуальное влечение, приходилось жениться и жить в постоянном страдании, разрываясь между требованиями общества и своими естественными желаниями, данными им природой. Не важно, служил ли ты государству, был ли звездой эстрады или просто имел хорошее положение в обществе, — жизнь всех гомосексуалов в СССР была сложной и опасной.

События и ситуации, описанные в данной книге, — не плод моего воображения. Все они основаны на реальных исторических источниках советской эпохи, которые легко найти в библиотеках и архивах. Если у читателя возникнет такое желание, в примечаниях содержится вся необходимая информация о том, где эти источники находятся.

Несмотря на желание сделать повествование захватывающим, как историк я понимал, что обязан оставаться верным историческим свидетельствам, не искажать и не перевиравать их в угоду сюжету. Поэтому, работая над «Закрытыми», я стремился как можно тщательнее ознакомиться с доступными источниками. В большинстве глав есть диалоги. Некоторые из них приводятся непосредственно из источников и в таком случае снабжены сноской. Некоторые — воссозданы на основе собранной мной информации и также снабжены соответствующей сноской. Наконец, некоторые беседы и эпизоды я описал, руководствуясь собственным пониманием и интерпретацией того или иного источника; поскольку у меня нет веских доказательств, что реплики звучали именно так, их я оставил без сносок.

Источники, которые легли в основу книги, включают архивные материалы, уголовные дела о мужеложстве, советские книги и прессу,

воспоминания мужчин, прошедших курс психотерапии от гомосексуальности, неопубликованные диссертации и многое другое. Некоторые из них более полны и доступны для понимания; другие – фрагментарны и с трудом поддаются расшифровке. В таком случае я брал на себя смелость реконструировать разговоры и отдельные эпизоды, опираясь на собственное понимание источников, поскольку у меня было общее представление о том или ином сюжете, но не доставало деталей. Также я намеренно старался писать доступным языком, не утяжеляя текст научными терминами и теоретическими концепциями, чтобы сделать книгу максимально понятной для более широкой, неакадемической аудитории.

Было бы совершенно невозможно написать данную книгу и опустить сексуальные сцены – без них нельзя полностью воссоздать жизнь советских гомосексуалов в условиях тоталитарного общества. Поэтому я хочу заранее вас предупредить – некоторые главы содержат описания того, как советские гомосексуалы взаимодействовали между собой, в том числе в сексуальном плане. И если, вам, дорогой читатель, нет восемнадцати лет, а также если вы считаете для себя такие описания неприемлемыми, недопустимыми и так далее – пожалуйста, отложите эту книгу прямо сейчас. Цель данной книги – не скандализировать, не «пропагандировать» эту тему, а показать, как выглядела объективная реальность для гомосексуальных людей в советском обществе.

Я также хотел бы отметить: несмотря на то, что данная книга касается в том числе жизни советских гомосексуальных женщин, всё же основная ее тема – советские мужчины-гомосексуалы. Заранее приношу за это извинения. Причина проста: в отличие от мужских гомосексуальных связей, которые в СССР считались преступлением, однополые связи между женщинами не были криминализированы и уголовно не преследовались. Этим и объясняется отсутствие каких-либо существенных источников о гомосексуальных отношениях между женщинами в СССР. Совершенно очевидно, что для того, чтобы адекватно описать историю лесбийских отношений в СССР, понадобилась бы отдельная книга, и я надеюсь, что такая в скором времени появится.

Также хотелось бы кратко объяснить читателю логику использования слов «гомосексуал/гомосексуальность»

и «гомосексуалист/гомосексуализм» в данной книге. В Советском Союзе людей, которые практиковали однополые отношения, называли «гомосексуалистами». Слово это несет крайне негативную окраску и подразумевает, что такие люди больны, что укладывалось в логику советской власти, по которой само влечение к людям того же пола рассматривалось исключительно как «половое извращение». Слово «гомосексуал» более нейтрально и правильно – оно просто обозначает вариант сексуальной ориентации, как «гетеросексуал» или «бисексуал». Так как в Советском Союзе широко использовалось именно негативно окрашенное слово «гомосексуалист/гомосексуализм» (даже сами гомосексуалы называли себя «гомосексуалистами»), то в диалогах героев и исторических документах я сохранил это слово, но в авторском тексте употребляю корректное «гомосексуал/гомосексуальность».

Читателю могут пригодиться некоторые общие сведения об истории гомосексуальности в России. До восемнадцатого века гомосексуальное поведение было на удивление широко распространено, что осуждалось как путешественниками из других стран, посещавшими Россию в тот период, так и священнослужителями Русской православной церкви. Однако в годы правления Петра Великого гомосексуальное поведение стало объектом государственного регулирования. В 1716 году Петр I утвердил Воинский устав, который ввел телесные наказания за мужеложство, а также смертную казнь или пожизненные каторжные работы за гомосексуальные контакты, которые сопровождались изнасилованием или другими насильственными действиями. Впрочем, эти правила касались только солдат на регулярной службе и не распространялись на общество в целом.

Впервые гомосексуальное поведение было криминализовано во всем российском обществе в 1832 году, когда Николай I принял новый Свод законов, предусматривавший наказание за мужеложство. Согласно параграфу 995, под запрет попали сексуальные контакты двух мужчин по обоюдному согласию, а параграф 996 предусматривал наказание за гомосексуальное изнасилование и соращение несовершеннолетних мужского пола. Хотя гомосексуальные половые связи по обоюдному согласию теперь были запрещены, этот закон редко применялся на практике^[1].

Большевики, захватившие власть в конце 1917 года, полностью отменили Уголовный кодекс Российской империи, в том числе положения, запрещающие секс между взрослыми мужчинами по обоюдному согласию. В новом советском Уголовном кодексе, принятом в 1922-м и измененном в 1926 году, сексуальные контакты между взрослыми мужчинами не были криминализованы – следовательно, теперь они считались законными^[2]. Историки до сих пор спорят о том, намеренно ли большевики легализовали мужскую гомосексуальность или просто упустили этот вопрос из виду^[3]. Тем не менее факт остается фактом: в течение более чем десяти лет, вплоть до начала 1930-х годов, мужская гомосексуальность в СССР была не была запрещена законом.

История, которая рассказывается в этой книге, начинается в 1933 году, когда Иосиф Сталин решил вновь ввести уголовное наказание за мужеложство, обрекая тысячи советских гомосексуалов на уголовное преследование, травлю и другие формы варварского обращения, которое продолжалось почти семь десятилетий.

Часть I

При Сталине

Глава 1, в которой Сталин решает объявить мужскую гомосексуальность преступлением

Москва, 1933–1934

Иосиф Сталин и его приближенные ненавидели гомосексуалов. На самом деле гомосексуалами они их никогда и не называли – только педерастами. Безжалостный вождь, ответственный за смерть и страдания миллионов советских людей, не заботился о политкорректности.

Советскому Союзу, крупнейшему коммунистическому государству в мире, было на тот момент чуть больше десяти лет. В 1917 году большевики во главе с Владимиром Лениным ловко воспользовались нарастающим политическим кризисом, который привел к падению царской династии Романовых, правившей Россией более трех столетий. Затем они использовали в своих интересах слабость и неэффективность Временного правительства, которое свергли в октябре того же года, полностью захватив власть.

Придя к власти, большевики быстро расправились с теми, кто выступал против их партии и порядков. Для начала они вывезли царскую семью из столицы и зверски убили всех ее членов. Затем, силами наспех созданной тайной полиции, устроили массовые казни сторонников царского режима. Началась кровопролитная и разрушительная Гражданская война: сторонники новой власти боролись с теми, кто ей сопротивлялся. К 1922 году большевики под руководством Владимира Ленина победили своих врагов и образовали новое государство – Союз Советских Социалистических Республик (СССР), в состав которого вошли Россия, Украина, Беларусь, Грузия, Армения и Азербайджан. Правительство перешло под полный контроль учрежденной большевиками Коммунистической партии, которую возглавил Ленин.

В 1924 году Ленин впал в кому и умер, оставив страну в руках своих ближайших соратников. Один из них, Иосиф Сталин, быстро сориентировался в обстоятельствах: устранив всех соперников одного

за другим, он взошел на вершину власти, сменил Ленина и стал единоличным правителем СССР.

Опасаясь иностранного вторжения, Сталин хотел превратить преимущественно аграрный Советский Союз в индустриальную державу. В 1928 году он провозгласил начало «индустриализации». Его планы по модернизации советской экономики были поистине амбициозными и ставили невероятно высокие цели: он требовал увеличить добычу угля на 111 %, производство чугуна – на 200 %, а электроэнергии – на 335 %^[4]. Чтобы достичь этих целей, Сталин ввел систему суровых наказаний для тех, кто отказывался работать. Так, если рабочие не выполняли план, они подвергались критике и публичному унижению со стороны руководства завода. Тех, кто не выходил на работу, – в условиях все более суровых репрессий и изнурительного труда это стало частой проблемой – обвиняли в саботаже пятилетнего плана и либо расстреливали, либо отправляли в трудовые лагеря, где заключенных буквально сводили в могилу непосильным трудом^[5].

Чтобы прокормить советских рабочих в городах и предотвратить нехватку продовольствия, Сталин решил повысить производительность сельского хозяйства. Он ввел новую политику коллективизации: фермеры и крестьяне в деревнях должны были отказаться от индивидуальных хозяйств и вступить в крупные колхозы, подконтрольные государству. У тех, кто сопротивлялся, – а таких было немало – отбирали землю. Их арестовывали, депортировали в трудовые лагеря и даже расстреливали. Сталин был особенно суров к зажиточным крестьянам, или кулакам, которых намеревался «ликвидировать как класс». В итоге эта политика привела к массовому голоду в деревнях, особенно в Украинской ССР, где погибли миллионы людей.

Сталина это как будто не беспокоило. Чтобы укрепить свою власть в партии, он приступил к созданию культа собственной личности. В 1929 году вся страна с размахом праздновала его пятидесятилетие. В ходе торжеств Сталин был провозглашен единственным преемником и наследником Ленина^[6]. В 1933 году он выступил с триумфальной речью на пленуме Центрального комитета Коммунистической партии и объявил цели первой пятилетки успешно достигнутыми. Вскоре пресса окрестила Сталина «вдохновителем всех побед», а в газетах

стали появляться коллективные благодарственные письма, восхвалявшие его мудрое правление. Официальная пропаганда не упоминала зверств, которыми сопровождалось сталинское стремление к индустриализации и коллективизации, а критиковать вождя становилось все опаснее.

Любой, кто не работал и отказывался это делать, считался проблемой, которая требует немедленного решения. Тайная сталинская полиция – ОГПУ – активно выискивала и наказывала таких людей, стремясь привлечь их к работе, а если те оказывались несговорчивыми, бросала их в жернова быстро растущей системы трудовых лагерей, где люди погибали от изматывающего принудительного труда.

По инициативе ОГПУ начались репрессии против так называемых асоциальных элементов – проституток, попрошайек, алкоголиков и бездомных, – которые бродили по Москве, Ленинграду и другим крупным городам. Уже в 1933 году сотрудники ОГПУ устраивали облавы на рынках и вокзалах, отправляли неугодных в лагеря или тюрьму без суда и следствия.

Изначально гомосексуалы к категории асоциальных элементов не относились. Партийное руководство не упоминало их в официальных документах и, казалось, вообще не беспокоилось об их существовании. Однако в ходе многочисленных рейдов тайной полиции по бульварам и уединенным квартирам в больших городах гомосексуалы попали в поле зрения властей^[7].

Теплой августовской ночью 1933 года, во время самой обычной облавы, сотрудники ОГПУ ворвались в московскую квартиру, в которой, по их данным, располагался бордель. Внутри шумная толпа распивала алкоголь, из патефона звучала громкая музыка, а воздух был заполнен густым дымом. Люди, находившиеся в квартире, не сразу заметили незваных гостей в форме, и те какое-то время стояли у двери, наблюдая за происходящим. Из-за дыма, который мешал что-либо толком рассмотреть, сотрудники ОГПУ поначалу подумали, что толпа в основном состоит из женщин. Однако вскоре им стало ясно, что многие из этих женщин – на самом деле переодетые мужчины. Их лица были разрисованы и напудрены, они говорили пискляво и называли друг друга женскими именами, обнимая сидящих рядом солдат.

– Товарищи, что вы смотрите? – крикнул один из сотрудников ОГПУ. – Немедленно схватить этих извращенцев!

Люди из ОГПУ скинули граммофон со стола, и в комнате воцарилась тишина. Затем они набросились на собравшихся, стали валить их на пол, а некоторых даже избили, не в силах сдержатъ отвращения. Задержанных в ту же ночь доставили на допрос в штаб-квартиру ОГПУ. Следователи выяснили, что эти мужчины не только пили и устраивали вечеринки, но и участвовали в «извращениях», то есть занимались сексом с мужчинами. Выбивая у задержанных признательные показания, следователи узнали, что этот притон был не единственным в Москве и что подобные заведения существуют и в других крупных городах.

В тот же день о рейде доложили Генриху Ягоде, главе ОГПУ и приближенному Сталина, печально известному организацией массовых депортаций и убийств невинных людей. Ягода немедленно приказал своим подчиненным найти подобные притоны в других городах и задержать как можно больше их посетителей.

15 сентября 1933 года Ягода поручил своему секретарю набрать длинную телеграмму Сталину, в которой сообщал, что «педерасты» вербуют молодых людей в свои ряды в разных городах по всему Союзу. Он отчитался о рейдах, которые провели его подчиненные в Москве и Ленинграде, задержав до 130 человек. По словам Ягоды, они участвовали в тайных организациях, создавали притоны и занимались шпионажем. Зная о паранойе Сталина и его страхе перед иностранным вторжением, Ягода сообщил, что члены этих кружков стремились подорвать советский режим, развратить рабочую молодежь и даже пытались проникнуть в армию и флот^[8].

Докладывая Сталину о задержанных группах гомосексуалов, Ягода обратил внимание вождя, что в советском законодательстве отсутствуют законы о мужеложстве, которые позволили бы заключить этих людей в тюрьму, и предложил немедленно такие законы принять.

Захватив власть в 1917 году, большевики действительно отменили законодательство царской России, включая наказания за мужеложство, и тем самым гомосексуальность официально вышла из-под запрета. Тем не менее телеграммы Ягоды в 1933 году убедили Сталина что мужское гомосексуальное поведение вновь следует запретить. Интересно, что Ягода не предлагал считать женскую

гомосексуальность преступлением и даже о ней не упоминал. Очевидно, гомосексуальные мужчины чаще привлекали внимание ОГПУ, поскольку встречались и общались в барах, ресторанах, общественных туалетах и других местах, куда могла нагрянуть тайная полиция. Лесбиянки же, как правило, вели себя более скрытно.

В своей телеграмме Ягода настаивал, что гомосексуалы занимались шпионажем, – так он играл на бесконечной паранойе Сталина по поводу иностранного вторжения, главным образом со стороны Германии, где в начале 1933 года пришел к власти Гитлер. Хотя Сталин и его приближенные считали, что правление Гитлера продлится недолго и не будет представлять опасности для СССР, уже очень скоро стало понятно, что они ошибались.

До Сталина также доходили слухи, что немцам удалось внедриться в гомосексуальные круги Москвы, получить секретную военную информацию и посеять раскол в партии, поэтому он быстро отреагировал на предложение Ягоды ввести уголовную ответственность за мужеложство: «Надо примерно наказать мерзавцев, а в законодательство ввести соответствующее руководящее постановление». Затем доклад попал на стол Вячеслава Молотова, близкого соратника Сталина и члена Политбюро, высшего руководящего органа Коммунистической партии, и тот сделал на нем пометку: «Конечно надо! Молотов». Лазарь Каганович, другой влиятельный член ближайшего окружения Сталина и Политбюро, также подписал: «Правильно! Л. Каганович»^[9].

Холодным зимним днем 13 декабря 1933 года Ягода доложил Сталину, что он и его офицеры окончательно ликвидировали сборища гомосексуалов в Москве и Ленинграде; к отчету он приложил проект нового закона о мужеложстве. Проект Ягоды предусматривал наказание до пяти лет лишения свободы за половой акт между двумя мужчинами по обоюдному согласию и до восьми лет за «насильственное» мужеложство. Новый закон должны были включить в уголовные кодексы всех советских республик.

Пока Сталин рассматривал проект закона, Ягода решил провести чистки советской культурной элиты: о гомосексуальности многих выдающихся ее представителей ОГПУ уже было известно. В феврале 1934 года сотрудники ОГПУ выяснили, что директор Государственного литературного музея Владимир Бонч-Бруевич приобрел дневники и

бумаги ленинградского поэта Михаила Кузмина, чьи любовные связи с мужчинами ни для кого не были секретом^[10].

Сам Кузмин никогда не избегал изображения однополой любви в своих работах. Дневники и бумаги, которые Бонч-Бруевич от него получил, содержали неприкрытые описания гомосексуальной любви, и сотрудники ОГПУ конфисковали их в надежде узнать больше о гомосексуалах Москвы^[11]. Хотя с этого момента Кузмин был в опасности, ему удалось избежать судебного преследования благодаря перестановкам в ОГПУ, которые привели к некоторой паузе в его деле. Кузмин умер в 1936 году.

Другим представителям советской интеллектуальной элиты, например Николаю Клюеву, повезло меньше. Как и Кузмин, он не скрывал своей гомосексуальности и однажды даже передал рукопись поэмы с гомосексуальными мотивами редактору журнала «Новый мир» Ивану Гронскому. Читая рукопись Клюева за завтраком в своей квартире вместе с другом Павлом, Гронский никак не мог уловить смысл произведения. Это была поэма о любви, но оказалось, что лирический герой был влюблен не в девушку, как предполагал Гронский, а в юношу. В недоумении Гронский нахмурился и посмотрел на Павла, который читал утреннюю газету в своем кресле-качалке. Гронский бросил ему рукопись:

– Паша, посмотри. Ни черта не понимаю!

Павел взял рукопись и тут же разразился хохотом.

– Чего ты, Пашка, ржешь?

– Иван Михайлович, чего же тут не понимать? Это же его *жена*.

Раскатистый смех Павла заполнил всю комнату.

– Омерзительно! Я не собираюсь это публиковать. Захотелось пойти и вымыть руки – Гронский содрогнулся от отвращения^[12].

Несколько недель спустя Клюев явился в офис Гронского в Москве.

– Получили поэму? – поинтересовался Клюев.

– Да, – ответил Гронский.

– Печатать будете?

– Нет, эту мерзость мы не пустим в литературу. Пишите нормальные стихи, тогда будем печатать. Если хотите нормально работать, мы дадим вам такую возможность.

– Не напечатаете поэму, писать не буду, – уперся Клюев. – Или вы ее напечатаете, или я не буду работать.

– Тогда разговор будет короток. В Москве вы не останетесь, – пригрозил Гронский.

– Мое условие: или печатайте поэму, или я работать не буду, – настаивал Клюев. Он действительно не слишком заботился о том, чтобы его печатали, поскольку предпочитал читать свои стихи близкому кругу.

Проблема Клюева была не только в гомосексуальности. Поэма о возлюбленном, безусловно, возмутила Гронского, однако не была столь же крамольной, как другие стихи Клюева, в которых он критиковал советское правительство. Их Гронский читал без возмущения, а вот гомосексуальные мотивы в последней поэме вызвали у него острое отвращение, которое переросло в желание наказать стихотворца. В 1933 году Гронский несколько раз встречался со Сталиным и рассказал ему о подрывной поэзии Клюева, что послужило поводом для возбуждения уголовного дела. В феврале 1934 года Клюев был арестован, а в 1937 году – расстрелян.

С марта по апрель 1934 года, пока Ягода преследовал гомосексуальных представителей советской культурной элиты, его законопроект о мужеложстве прошел утверждение в высших органах РСФСР и других союзных республик. Новый закон имел порядковый номер 154-а и состоял из двух частей. Первая предусматривала уголовную ответственность за добровольное мужеложство – лишение свободы на срок от трех до пяти лет. Вторая объявляла вне закона так называемое насильственное мужеложство, которое влекло за собой более суровое наказание – от пяти до восьми лет лишения свободы.

Сталин и его подручные не распространили никакой информации о принятии закона о мужеложстве, поэтому большинство мужчин, чьи действия отныне считались преступными, просто не знали о его существовании. В этом нет ничего удивительного: когда дело касалось вопросов государственной политики, сталинский режим предпочитал скрытность и двусмысленность^[13]. Вместо того чтобы выносить четкие предписания, Сталин предпочитал давать народу сигналы о том, чего стоит ожидать. Таким сигналом могло стать публичное выступление или статья вождя, редакционный обзор в одной из крупных советских газет или, что случалось довольно часто, показательный судебный процесс над видным чиновником, который ассоциировался с теми или иными инициативами. Все это указывало

на очередной поворот в советской политике и транслировало позицию партии. Однако власть никогда не давала четких объяснений, что эти сигналы подразумевают, как следует действовать чиновникам и обычным гражданам. Историк Шейла Фицпатрик считает, что такая секретность в законотворчестве была необходима Сталину для создания ореола таинственности вокруг режима – и, как следствие, укрепления своей власти ^[14].

В отношении нового закона о мужеложстве тактика была аналогичной. 23 мая 1934 года Максим Горький, советский писатель и рупор сталинских идей, представил закон широкой общественности. В своей статье «Пролетарский гуманизм», опубликованной в главных советских газетах «Правда» и «Известия», он туманно намекнул, что в СССР, в отличие от «культурной» Германии, гомосексуальность наказуема:

Не десятки, а сотни фактов говорят о разрушительном, разлагающем влиянии фашизма на молодежь Европы. Перечислять факты – противно... Укажу, однако, что в стране, где мужественно и успешно хозяйствует пролетариат, гомосексуализм, развращающий молодежь, признан социально преступным и наказуемым, а в «культурной» стране великих философов, ученых, музыкантов он действует свободно и безнаказанно^[15].

Помимо историй из жизни представителей советской культурной элиты, в дневнике Кузмина, конфискованном сотрудниками ОГПУ из Государственного литературного музея, также описывались приятельские отношения автора с некоторыми высокопоставленными советскими чиновниками – например, неоднозначная дружба с бывшим главой Министерства иностранных дел СССР Георгием Чичериным^[16]. К тому времени Чичерин уже четыре года как вышел на пенсию, часто болел и вел уединенный образ жизни. Может быть, именно поэтому его решили не трогать и позволили спокойно умереть в своей постели в 1936 году. Однако ведомство, которое он возглавлял, стало мишенью ОГПУ. Опасаясь возможного внедрения гомосексуалов-шпионов из-за рубежа, сотрудники тайной полиции хотели выявить как можно больше геев среди советских дипломатов.

Вскоре они вышли на Дмитрия Флоринского, которого Чичерин лично пригласил на работу в министерство в 1920 году и чья гомосексуальность вскоре стала очевидной. Сотрудникам ОГПУ удалось схватить молодых любовников Флоринского, и все они дали показания против чиновника. Они рассказали, что Флоринский использовал бывшую жену в качестве приманки для привлечения молодых людей: обещал, что они смогут заняться с ней сексом в его присутствии. Они также утверждали, что дипломат вел распутную жизнь, соблазнял юношей и склонял их к содомии.

Сначала Флоринский отрицал свою причастность к мужеложству, но под пытками все же оговорил себя. После жестокого допроса он не только признался в содомии, но и объявил себя немецким шпионом^[17]. В 1939 году его расстреляли за шпионаж. Дело Флоринского ознаменовало начало репрессий в отношении гомосексуалов в советских государственных органах.

В сталинском СССР никто не мог быть уверен в собственной неприкосновенности, и вскоре автор закона о мужеложстве, печально известный глава ОГПУ Генрих Ягода сам пал жертвой сталинского террора. В июле 1934 года ОГПУ, которое он возглавлял ранее, перестало существовать как независимый государственный орган и вошло в состав Народного комиссариата внутренних дел (НКВД) – эта аббревиатура еще долгие годы внушала людям страх. Хотя Ягода был назначен главой организации, вскоре он перешел дорогу Николаю Ежову, и тот, чтобы занять место соперника, устроил против него заговор. Впоследствии Ежов стал главным идейным вдохновителем Большого террора 1937 года, во время которого многие советские граждане были отправлены в трудовые лагеря или расстреляны по сфабрикованным обвинениям в шпионаже и заговоре против партии.

В марте 1937 года все тот же Ежов организовал задержание Ягоды по обвинению в шпионаже. Сотрудники НКВД провели обыск по месту жительства Ягоды и обнаружили, что автор закона о мужеложстве, который так беспокоился о моральном разложении молодого поколения под влиянием гомосексуалов, сам был не чужд разврата. Офицеры нашли порнографическую коллекцию из почти четырех тысяч фотографий, а также порнофильмы и бесчисленные предметы женской одежды: чулки, шляпки и шелковые колготки. В описи имущества фигурировали также коллекция трубок и

портсигаров с порнографическими изображениями и даже один резиновый фаллоимитатор [\[18\]](#).

В марте 1938 года на показательном суде Ягода был приговорен к расстрелу вместе с двадцатью другими опальными партийными функционерами. Все они были казнены в тот же день. Приговор привели в исполнение с особым садизмом: прежде чем расстрелять, Ягоду усадили на стул и заставили наблюдать за расстрелом других осужденных. На казни присутствовал преемник Ягоды Николай Ежов, который приказал перед расстрелом избить Ягоду до полусмерти [\[19\]](#).

В результате крутого, но отнюдь не удивительного поворота судьбы Ежов вскоре и сам попал в опалу. Палачи в сталинской России часто становились жертвами. В 1939 году Ежова обвинили в заговоре против советского государства. Более того, он признался, что с самого начала карьеры неоднократно вступал в гомосексуальные связи [\[20\]](#). В том же году его расстреляли. Воистину, взявшие меч...

Глава 2, в которой шотландец отстаивает права советских гомосексуалов

Москва, 1934

Гарри Уайту было всего двадцать семь, однако он уже мог похвастаться многочисленными профессиональными успехами – и все благодаря своему таланту и трудолюбию^[21]. Гарри вырос в семье шотландского художника. Ни один из его родителей не интересовался ни иностранными языками, ни журналистикой, что не помешало Гарри выучить в школе несколько языков, в том числе русский, который увлекал его больше всего. А в 16 лет он бросил школу и поступил на работу помощником в офис газеты *Edinburgh News*, что послужило началом его журналистской карьеры.

Знание русского подогревало любопытство Гарри к СССР, революции и социализму, равно как и его желание жить в этой стране. В Шотландии Гарри не был счастлив по одной простой причине: он не мог открыто встречаться и иметь романтические отношения с другими мужчинами. Шотландское законодательство предусматривало наказание за мужеложство и клеймило таких, как Гарри, преступниками и извращенцами. В СССР, напротив, не существовало законов, направленных против гомосексуалов, – Гарри не смог найти никаких запретов в советском Уголовном кодексе. Более того, большевики казались гораздо меньшими пуританами, чем шотландцы, а некоторые из видных членов партии – например, Александра Коллонтай – даже выступали за «свободную любовь».

В 1931 году Гарри вступил в Коммунистическую партию Великобритании – с этого момента он стал совмещать журналистскую и политическую работу. В 1932 году, когда Гарри было двадцать пять, его пригласили в Москву в качестве штатного корреспондента российской англоязычной газеты «Московские новости». Гарри без раздумий принял приглашение. Переезд в СССР открывал захватывающие профессиональные и личные перспективы и казался ему идеальным решением: Гарри мог работать в международной газете первого коммунистического государства и жить как открытый гомосексуал, не опасаясь уголовного преследования и осуждения.

Работа в Москве шла очень хорошо. Начальник Гарри, главный редактор газеты Михаил Бородин, был впечатлен его преданностью и трудолюбием и уже в 1933 году повысил его до заместителя. Гарри был в восторге: казалось, переехав в СССР, он сделал правильный выбор, он даже подал заявление о переходе из Британской коммунистической партии в Коммунистическую партию СССР.

В личной жизни Гарри тоже наметились некоторые улучшения. Освоившись в городе, Гарри стал отправляться на разведку в общественные туалеты и парки, где надеялся встретить таких же мужчин, как он сам. Эта стратегия работала в Шотландии и должна была наверняка сработать в СССР, где гомосексуалы жили более свободно. Так оно и случилось: он начал встречаться с местными мужчинами и заводить среди них знакомства.

Один из них, Иван, действительно понравился Уайту. Высокому и светловолосому Ивану, как и Гарри, было около тридцати. Он приехал в Москву учиться на инженера. Иван, очарованный иностранным акцентом и опрятным костюмом с носовым платком в петлице, тоже увлекся Гарри. Иван никогда раньше не встречал иностранца, говорящего по-русски, – как, впрочем, и любого другого иностранца. Они любили вместе гулять и виделись все чаще.

Однако в декабре 1933 года Иван исчез. В тот день Гарри и Иван договорились встретиться в одном из центральных парков Москвы, а затем пройтись по городу. Но Иван так и не появился. После нескольких дней молчания Гарри решил позвонить ему. Иван жил в одной квартире со своей сестрой Александрой, которая, как он рассказал Гарри, знала об образе жизни брата и не одобряла его. Чтобы не расстраивать Александру, Иван попросил Гарри не звонить ему, если не случится ничего срочного, и сказал, что лучше будет звонить сам. Но Гарри уже не мог ждать. Он нашел в записной книжке номер Ивана и набрал его.

Трубку взяла сестра Ивана. Ее голос дрожал – что-то явно было не так. Когда Гарри попросил позвать к телефону Ивана, Александра сорвалась: «Иван в большой беде! Не звоните сюда больше! Это все из-за вас и таких, как вы! Вы, иностранцы, не понимаете, насколько всё это серьезно».

Гарри совершенно опешил. Он не знал, что сказать, но всё же спросил Александру, что случилось. Она ответила: «А то вы не

знаете... Вот что бывает, когда вы этим занимаетесь. Поймали его. Не звоните сюда больше! Или они и за вами придут!» Она повесила трубку. Гарри сжимал трубку в руке, пытаясь успокоиться. Сердце колотилось.

Таких, как вы? Что она имела в виду? Иностранцы? Или это о гомосексуальности Ивана? Нет, этого не может быть. Ведь советский закон не запрещает гомосексуальность – такие люди свободны быть собой. Это одна из причин, почему Гарри вообще приехал в СССР. Здесь не было законов, по которым его могли бы преследовать.

Когда испуг и шок немного улеглись, Гарри собрался с мыслями и придумал план. Он обратится в ОГПУ, чтобы выяснить, что случилось с его другом. Он также хотел узнать, действительно ли дело было в гомосексуальности, чтобы избежать возможных неприятностей в будущем. Если такие, как он, под запретом, ему придется покинуть страну.

Обычный советский гражданин дважды подумал бы, прежде чем обратиться в ОГПУ с подобным вопросом. Эта организация и ее здание на Лубянской площади, менее чем в километре от Кремля, внушали страх москвичам. Тех, кого ОГПУ обвиняло в шпионаже или контрреволюционной деятельности, допрашивали в подвалах здания. Многих избивали, некоторые умирали под пытками. Войти в двери штаб-квартиры ОГПУ часто означало никогда больше оттуда не выйти.

История ОГПУ началась в 1917 году, когда большевики захватили власть и учредили ЧК (чрезвычайную комиссию) – специальный государственный орган, предназначенный для борьбы с противниками нового режима. ВЧК быстро стала синонимом террора и массовых репрессий. Закон не ограничивал деятельность спецслужбы, и она без суда арестовывала, пытала и казнила всех, кого считала врагом государства. По мере того как советский режим становился все более тоталитарным, могущество тайной полиции тоже росло. В попытке избавиться от страшной репутации в 1923 году ЧК была переименована в ОГПУ, однако на отношение народа это мало повлияло.

Получить номер телефона ОГПУ и договориться о встрече оказалось несложно. В конце концов, Гарри был заместителем главного редактора «Московских новостей» и имел кое-какие связи.

Ему потребовалось несколько дней, чтобы записаться на прием и получить пропуск, без которого попасть в ОГПУ было невозможно.

Вход в штаб-квартиру управления находился в старом здании с историческими дверями и барельефом с изображением Карла Маркса над ними. У дверей Гарри замешкался, собираясь с мыслями и задаваясь вопросом, не приведет ли его визит к неприятностям. Но потом он напомнил себе, что в СССР гомосексуальность не считается преступлением, так что бояться ему нечего.

Пока Уайт шел по длинным мрачным коридорам, ему трижды пришлось предъявить пропуск. Проверив документы, угрюмые охранники с винтовками указывали дорогу. Вскоре Гарри оказался в комнате следователя, который согласился поговорить. Он был одет в форму и курил. В кабинете стоял диван – важный атрибут интерьера. Очень часто допросы длились целый день, и в перерывах между ними следователь мог немного отдохнуть.

Офицер ОГПУ посмотрел Гарри прямо в глаза.

– У меня здесь друг, – начал Гарри, и офицер мгновенно нахмурился. – Нет, он не преступник, но был задержан ОГПУ и доставлен сюда.

– Вы знаете причину?

– Да... Его арестовали, потому что он гомосексуалист.

Офицер нахмурился еще сильнее. Что-то изменилось, когда Гарри произнес слово «гомосексуалист». Атмосфера сразу стала напряженной. Гарри взял себя в руки и продолжил:

– Видите ли, я тоже гомосексуалист, и...

Офицер прочистил горло – тема явно вызывала у него дискомфорт.

– Я не хочу ничего об этом слышать. Вашего друга не могли сюда доставить из-за этого. В СССР это не является правонарушением. Должно быть, он совершил какие-то другие преступления, о которых вы не знаете. Вы хорошо знакомы?

Гарри покачал головой и спросил, может ли он свободно, на законных основаниях встречаться с другими мужчинами и иметь с ними романтические отношения.

– Вы можете делать всё, что захотите. Мы ничего против этого не имеем, уверяю вас.

В тот же день Гарри вернулся в редакцию, растерянный и всё еще расстроенный. Его начальник, Бородин, знал о гомосексуальном

образе жизни своего подчиненного, хотя они никогда это толком не обсуждали. Однако в тот день Гарри решил рассказать о случившемся, не упоминая, что сам ходил в ОГПУ. Бородин внимательно выслушал его и сказал: «Гарри, вы знаете, я не одобряю противоестественные сексуальные отношения. Но я считаю вас хорошим коммунистом, и то, что вы... гомосексуалист... нисколько не умаляет вашей ценности как революционера. Я доверяю вам, и вы можете вести такой образ жизни, какой захотите. В конце концов, я вас повысил. Я доверяю вам. И, конечно, не считаю преступником».

Когда Гарри упомянул о разговоре с сестрой Ивана и ее словах о том, что брата задержали, Бородин сказал: «Не думаю, что это как-то связано с его наклонностями. Наверное, он совершил какие-то другие серьезные преступления. В наше время шпионы и предатели есть везде».

Шли недели, но Гарри по-прежнему ничего не слышал об Иване. Не удовлетворившись ответами ОГПУ и Бородина, он решил проверить, действительно ли что-то изменилось в советском законодательстве, и отправился в Государственную библиотеку имени Ленина, где обратился к Большой советской энциклопедии – самому крупному и авторитетному письменному источнику в Советском Союзе.

Энциклопедию писали и редактировали выдающиеся советские академики и ученые, а ее содержание определялось на самом высоком государственном и партийном уровне. Статьи располагались в алфавитном порядке, поэтому Гарри не составило труда найти нужный пункт – «Гомосексуализм». Статья занимала несколько страниц, и ее автор, выдающийся советский психиатр Марк Серейский, утверждал, что гомосексуальность является неизлечимым медицинским заболеванием. Он также комментировал правовое регулирование гомосексуальности. Серейский критиковал дореволюционный закон о мужеложстве, называя его «абсурдным»:

Помимо того что это законодательство, направленное против биологического отклонения, является абсурдом само по себе и не дает реальных плодов, оно действует крайне вредно на психику гомосексуалистов. До сих пор в передовых капиталистических странах далеко еще не закончена борьба в пользу отмены этих лицемерных установлений.

По сути, автор гордился тем, что в СССР, в отличие от западных стран, гомосексуальное поведение не было наказуемым преступлением. По словам Серейского, советское законодательство не просто было безразлично к гомосексуалам и позволяло им встречаться с такими же мужчинами, как они сами, – само советское общество помогало им стать полноценными членами коллектива:

Уже отсюда становится ясным, что советская оценка особенностей и отличий гомосексуалистов далеко не совпадает с тем, что мы наблюдаем на Западе. Понимая неправильность развития гомосексуалиста, общество не возлагает и не может возлагать вину за нее на носителя этих особенностей. Этим самым нарушается в значительной мере та стена, которая естественно воздвигается между гомосексуалистом и обществом и заставляет первого глубоко уйти в себя.

Наше общество... создает все необходимые условия к тому, чтобы жизненные столкновения гомосексуалистов были возможно безболезненнее и чтобы отчужденность, свойственная им, рассосалась в новом коллективе^[22].

Том энциклопедии, в котором содержалась статья о гомосексуализме, был опубликован в 1930 году – следовательно, взгляды, отраженные в статье, не успели устареть. Это также означало, что Ивана, вероятно, задержали не по обвинению в мужеложстве, а за что-то еще. Возможно, он и правда занимался какой-то контрреволюционной деятельностью и не рассказывал об этом Гарри.

Прошло несколько месяцев, и Гарри уже начал забывать об исчезновении Ивана, но однажды в мае 1934 года Бородин подошел к его столу. Главред аккуратно разложил перед Гарри несколько страниц какого-то официального документа и жестом предложил взглянуть. Гарри надел очки, и первые две строчки бросились ему в глаза: «154-а. Половое сношение мужчины с мужчиной (мужеложство) – лишение свободы на срок от трех до пяти лет». Гарри был потрясен и озадачен.

Выяснилось, что перед ним – копия новейшего сталинского указа о мужеложстве. Гарри бегло прочитал его и отодвинул в сторону, не веря своим глазам.

– Это не может быть правдой. Примерно месяц назад я читал статью в Большой советской энциклопедии: там говорилось, что

Советский Союз не считает это преступлением, и что советское общество хочет помочь таким, как я, жить более счастливой жизнью. Каким образом этот закон сделает меня счастливее?

– Автор статьи, должно быть, сам гомосексуалист. – Бородин пожал плечами. – Наверное, когда он ее писал, мало кто знал о подобных извращениях. Вот на что теперь надо ориентироваться, – он указал на копию указа о мужеложстве и ушел.

Гарри был одновременно напуган и разгневан. Не в таком Советском Союзе он хотел жить и работать. Вместо того чтобы придерживаться прогрессивного подхода к сексуальным отношениям, СССР теперь пошел по стопам капиталистических стран, где такие, как Гарри, считаются преступниками. Тот факт, что Большая советская энциклопедия, истина в последней инстанции, где статьи проходили проверку и цензуру на самом высоком уровне, открыто заявляла, что гомосексуалам в СССР рады, озадачил Уайта еще больше. Вся эта путаница заставила Гарри отправиться к московскому психиатру, к которому он уже неоднократно обращался.

После революции и последующей отмены царских законов о мужеложстве молодое поколение советских психиатров увлеклось исследованием истоков гомосексуальности. В 1920-х годах многие из них знали о призывах к толерантному отношению к гомосексуалам в некоторых европейских странах и стремились отстаивать такие же ценности у себя на родине. Советские психиатры не видели никакой проблемы в гомосексуальности своих пациентов, если те честно жили и усердно трудились. Они считали, что лучше помочь им принять свою сексуальную ориентацию, а не пытаться ее лечить^[23]. Таким образом, статья Марка Серейского, которую Гарри прочитал в Большой советской энциклопедии, точно отражала современные на тот момент медицинские представления.

– Вы знали, что гомосексуалисты теперь объявлены преступниками?

Доктору Бергу, который повидал немало гомосексуальных пациентов, вопрос показался абсурдным.

– Что за чушь! Это невозможно. У нас в стране нет такого закона. Такие законы существовали в царской России, но не в СССР. – Берг произнес это без тени сомнения.

Гарри достал из портфеля бумагу и протянул ее доктору. На несколько мгновений в комнате повисла тишина. Доктору Бергу было нечего сказать: в документе за подписью Сталина прямо говорилось, что мужеложство отныне считается преступлением.

– Разве вы раньше не говорили мне, что гомосексуализм – это болезнь? – спросил Гарри. – Разве это не болезнь? Разве в СССР не относятся к этому терпимо? Вы говорили мне, что я могу с этим жить.

Доктор откашлялся и заерзал в кресле.

– Только между нами, молодой человек: я действительно считаю, что это болезнь, и искренне не вижу смысла преследовать таких людей. Есть совершенно неизлечимые случаи, таким людям нельзя помочь – они такие, какие есть. Вы такой, какой вы есть, и вы можете устраивать свою жизнь так, как хотите. Честно говоря, я до сих пор не могу поверить, что этот закон действительно принят... – Тут доктор перешел на шепот. В сталинском СССР, как известно, и у стен были уши.

– И я не могу, – наивно согласился Гарри. – Я собираюсь написать товарищу Сталину и рассказать ему об этом. Должно быть, произошла ошибка, его не проинформировали должным образом. Может быть, я смогу передать ему ваши слова, и они поменяют свое решение; вы авторитетный врач и могли бы меня поддержать.

Доктор снова заерзал в кресле, его спокойствие сменилось озабоченностью и даже страхом.

– Гарри, – тихо сказал он, – я бы попросил вас не ссылаться на меня по этому поводу и не упоминать мое имя, если вы решите заняться этим вопросом... Надеюсь, вы понимаете.

И Гарри наконец-то понял. Ситуация действительно была неопределенной, и Гарри не хотелось, чтобы доктор пострадал из-за его попыток выяснить правду. Набравшись смелости, Гарри решил во второй раз обратиться за разъяснениями в ОГПУ. Но на этот раз, вместо того чтобы отправиться туда лично, он позвонил.

– Мы будем жестоко наказывать каждого, кто виновен в мужеложстве. Это всё, что я могу вам сказать, – голос на другом конце провода звучал раздраженно и сердито.

Через неделю Гарри явился в офис Бородина.

– У меня для вас письмо. Вы ведь редактор. Может быть, вы сможете задать этот вопрос товарищу Сталину и попросить его

разъяснений.

– Какой вопрос?

Бородин не каждый день получал просьбы связаться лично со Сталиным, но в глубине души понимал, о чем идет речь.

– О законе о мужеложстве. Должно быть, произошла ошибка, – продолжал Гарри. – Я читал энциклопедию, советовался с врачами, и они мне сказали, что такой закон бесполезен. Так что, может быть, вы могли бы обратиться к товарищу Сталину, а он мог бы как-то прокомментировать происходящее. Я уже обращался в ОГПУ. Сначала они мне сказали, что не имеют ничего против меня как гомосексуалиста. Но теперь говорят, что собираются наказывать тех, кто виновен в этом преступлении.

– Гарри, послушайте, мне ничего такого здесь не нужно. Не пишите товарищу Сталину, нам не нужны проблемы. Я не для того вас продвигал, чтобы вы своими необдуманными действиями поставили и свою, и мою работу под угрозу. Заберите письмо, я не собираюсь его читать. Порвите его, чтобы никто не видел, и возвращайтесь к своим обязанностям. И впредь живите по советским законам.

Но Гарри не собирался сдаваться и все равно отправил Сталину письмо. Это было не личное обращение с просьбой разъяснить причины ареста Ивана, а эмоциональное приглашение к дискуссии о роли гомосексуальности в советском обществе. Письмо заняло несколько страниц и содержало около 4500 слов. Несмотря на уважительный и осторожный тон, оно выражало решительное несогласие с решением Сталина криминализировать мужеложство в СССР. Здесь Гарри ступил на опасную почву: Сталин не отличался терпимостью к тем, кто подвергал его политику сомнению или проявлял нелояльность. К 1934 году многие партийные функционеры, которые выразили хотя бы малейшее несогласие со Сталиным, были расстреляны или отправлены в ГУЛАГ.

Сталину действительно писали многие советские граждане. Благодаря этим письмам вождь мог судить о настроениях в народе. Писем было так много, что сталинским чиновникам пришлось учредить специальный отдел для их обработки. Отдел состоял из пятнадцати сотрудников, в чьи обязанности входило чтение писем, а также дополнительных служащих, которые помогали регистрировать, каталогизировать, рассылать и архивировать письма. Письма, не

представлявшие интереса, направлялись в архив; остальные — в правительственные органы или соратникам Сталина, а некоторые после тщательного отбора попадали на стол вождю^[24].

Гарри начал письмо с броского заголовка: «Может ли гомосексуалист быть членом Коммунистической партии?» Так он сразу привлек внимание цензоров. Должность заместителя редактора «Московских новостей» и иностранное гражданство Уайта также увеличивали шансы, что Сталин прочитает письмо. Вот что говорилось в письме:

Дорогой товарищ Сталин!

Хотя я иностранный коммунист, все же, я думаю, Вам, вождю мирового пролетариата, не покажется неестественным, что я обращаюсь к Вам с просьбой осветить вопрос, который, как мне представляется, имеет большое значение для целого ряда коммунистов как в СССР, так и в других странах мира.

Вопрос заключается в следующем: может ли гомосексуалист считаться человеком, достойным быть членом Коммунистической партии?

Недавно изданный закон об уголовной ответственности за мужеложство, по-видимому, означает, что гомосексуалист не может быть признан достойным носить звание советского гражданина. Будучи лично заинтересованным в этом вопросе, я обращался с ним к целому ряду товарищей из ОГПУ и Наркомюста, к психиатрам и к товарищу Бородину. Все, чего я добился, — это ряд противоречащих друг другу мнений. В связи с отсутствием ясности, которая существует в этом вопросе, я и обращаюсь к Вам в надежде, что Вы сумеете найти время, чтобы изложить свое мнение.

Разрешите мне изложить Вам этот вопрос так, как я его понимаю. Прежде всего мне хотелось бы указать на то, что я рассматриваю положение гомосексуалистов, являющихся по своей классовой принадлежности рабочими или трудящимися вообще, как аналогичное положение женщины при капиталистическом строе и аналогичное положение угнетаемых империализмом цветных рас; оно также во многом подобно положению евреев при гитлеровской диктатуре, да и вообще нетрудно увидеть в нем аналогию с положением любой социальной прослойки, подверженной

эксплуатации и преследованию в условиях капиталистического господства.

Анализируя характер преследований гомосексуалистов, надо иметь в виду, что гомосексуалисты бывают двух родов: во-первых, такие, которые являются таковыми с самого рождения; во-вторых, есть гомосексуалисты, толкаемые иногда порочностью, а иногда и экономическими соображениями. Исследования показали, что гомосексуалисты первого типа существуют примерно в равной пропорции среди всех классов общества и составляют около 2 % населения. Если принять эту пропорцию, то выйдет, что в СССР около 2 млн гомосексуалистов. Не говоря уже о том, что среди них имеются наверняка и такие, которые оказывают помощь социалистическому строительству, – но неужели возможно, как того требует закон 7 марта, подвергнуть заключению такое большое количество людей!

Надо сказать, что даже в СССР существуют условия, усложняющие быт гомосексуалистов и часто ставящие их в тяжелое положение: я подразумеваю трудность нахождения партнера для полового акта, поскольку гомосексуалисты составляют меньшинство населения, которое вынуждено в той или иной мере скрывать свои истинные наклонности.

Каково отношение буржуазного общества к гомосексуалистам? Категорически отрицательное. Капитализм, нуждающийся для своего процветания в огромной резервной армии труда и в пушечном мясе, рассматривает гомосексуализм как фактор, грозящий снизить рождаемость. Но в то же время, ухудшая жизненные условия трудящихся, капитализм создает объективные условия для роста числа гомосексуалистов, в силу материальной нужды становящихся на этот путь.

В СССР же такой проблемы нет: смертность уменьшается, повышается рождаемость.

Я всегда считал неправильным выдвигание отдельного лозунга об освобождении гомосексуалистов. Я полагаю, что это освобождение является неотделимым от общей борьбы за освобождение всего человечества от гнета частнособственнической эксплуатации. У меня не было намерений делать из этого проблему, однако в настоящее время сама

действительность выдвигает этот вопрос, и я считаю существенно важным добиться принципиальной ясности.

Товарищ Бородин указал мне, что тот факт, что я гомосексуалист, ни в какой степени не уменьшает мою ценность как революционера. До публикации закона в ОГПУ мне было сказано: «Против вас ничего инкриминирующего нет». Специалист-психиатр, с которым я говорил по этому вопросу, отказался поверить в существование подобного закона, пока я не показал ему экземпляр его.

Совершенно очевидно, что в период, предшествовавший опубликованию закона, общественное мнение по этому вопросу не было ни в какой мере враждебно по отношению к гомосексуалистам. И это нисколько не удивляло меня.

Товарищ Бородин указал мне, что я не должен придавать большого значения статье о гомосексуализме в Большой советской энциклопедии, потому что — как он сказал — автор ее сам гомосексуалист.

Во-первых, я не думаю, что следует относиться с недоверием к истории Коммунистической партии, если она написана коммунистом; во-вторых, мне достаточно хорошо известна действенность советского политического контроля над печатью, чтобы допустить возможность опубликования статьи с серьезными уклонами в издании такого характера, как Большая советская энциклопедия. Если это возможно в отношении отдельных статей в каком-нибудь незначительном журнале или газете, то не в Большой советской энциклопедии.

Я посетил двух психиатров, добываясь ответа на вопрос о возможности «излечения» от гомосексуализма, — Вы, может быть, удивитесь этому. Я готов был пойти на все, лишь бы избежать необходимости оказаться в противоречии с советским законом. Если бы возможность излечения действительно была установлена, тогда все было бы, конечно, проще.

Несомненно, желательно, чтобы большинство людей были нормальными в половом отношении. Я боюсь, однако, что этого никогда не будет. И я думаю, что мое опасение находит свое подтверждение в фактах истории. Напоминаю Вам, что гомосексуалисты составляют всего два процента населения;

вспомните также, что среди этих двух процентов были такие исключительно одаренные люди, как Сократ, Леонардо да Винчи, Микеланджело, Шекспир и Чайковский. Я ни в коем случае не намерен защищать абсурдную теорию о том, что гомосексуалисты принадлежат к породе каких-то сверхчеловеков, что гомосексуализм и гениальность – синонимы. Однако я полагаю, что некоторые виды таланта, в частности таланты в области искусства, поразительно часто сочетаются с гомосексуализмом; это следует иметь в виду.

Когда оба психиатра, которых я посетил, вынуждены были под давлением моих вопросов признать, что существуют случаи неизлечимого гомосексуализма, я установил свое отношение по этому вопросу окончательно.

Надо признать, что существует такая вещь, как неискоренимый гомосексуализм, и отсюда, мне кажется, как вывод следует признать неизбежным существование подобного меньшинства в любом обществе. В таком случае нельзя найти никакого оправдания для того, чтобы объявить этих людей уголовно ответственными за их отличительные черты, в создании которых они ни в какой степени не повинны, которые они не в состоянии изменить, даже если бы они этого хотели.

Таким образом, пытаясь рассуждать в соответствии с принципами марксизма-ленинизма, я и пришел в заключение к противоречию между законом и теми выводами, которые вытекали из моей линии рассуждения. И именно это противоречие заставляет меня желать авторитетного высказывания по этому вопросу.

С коммунистическим приветом!

Гарри Уайт^[25]

Сталин действительно прочитал письмо Гарри. И оно его не впечатлило. Наивный шотландец не вызвал у диктатора ничего, кроме насмешки и презрения. Сталин нацарапал на письме:

В АРХИВ. ИДИОТ И ДЕГЕНЕРАТ. ИОСИФ СТАЛИН

Будучи лишенным сочувствия к миллионам граждан СССР, которых он приказал расстрелять или отправил умирать в ГУЛАГ,

Сталин наверняка не испытывал особой симпатии и к таким, как Гарри.

О существовании гомосексуальности Сталин узнал, отбывая заключение в царских тюрьмах в начале 1900-х годов. Гомосексуальная активность там, как правило, сводилась к одному сценарию: старшие и более опытные заключенные жестоко насиловали новичков, которые затем приобретали статус «педерастов» – мужчин, сексуально доступных для других заключенных и принуждаемых к подчинению. «Педерасты» находились на низшей ступени тюремной иерархии, могли также начать заниматься проституцией или предлагать себя другим заключенным, чтобы выжить. Был и другой способ стать «педерастом» – за несоблюдение кодекса тюремных порядков. Таких заключенных также насиловали и подвергали сексуальному унижению^[26].

Тот факт, что и Ягода, и Сталин использовали слово «педерастия», не только демонстрирует степень и, возможно, пределы их познаний о гомосексуальности, но и намекает на их происхождение. Это также показывает, какие ассоциации у них вызывало это слово, так что реакция Сталина на письмо Гарри Уайта едва ли заслуживает удивления. Сталин, очевидно, представлял себе гомосексуальность или «мужеложство» как инфекцию вырождения, которая зародилась в тюрьмах и могла распространиться в армии и на флоте.

Гарри так и не получил от Сталина ответа. В 1935 году он покинул Москву и СССР.

Глава 3, в которой молодой сибиряк приезжает в Москву в погоне за мечтой

Москва, 1937

Для девятнадцатилетнего Саши 1937 год стал особенным^[27]. Он поступил в престижное Московское театральное-музыкальное училище имени Глазунова, осуществив мечту многих начинающих артистов. Саша родился в Благовещенске, захолустном городке недалеко от границы с Китаем, с населением около 60 000 человек, и всегда стремился как можно скорее покинуть родной город, чтобы построить актерскую карьеру в столице. Когда в Благовещенск с гастрольями приезжали артисты из Москвы, Саша мечтал, чтобы они взяли его с собой. Родители, однако, не одобряли его желания стать актером: они считали такой заработок слишком ненадежным, да и вообще не хотели, чтобы сын куда-то уезжал.

К тому времени, как он окончил школу, мать с отцом все же смирились с этой мыслью и даже дали ему денег на дорогу. В 1937 году Саша купил билет на поезд и отправился в долгое – почти пятидневное – путешествие из Сибири в Москву. Пока поезд грохотал по рельсам, Саша смотрел, как мимо проносятся бескрайние леса и поля, и представлял свою новую жизнь в столице СССР.

В училище принимали по итогам прослушивания. Саше предстояло декламировать стихи и прозу, танцевать и играть на музыкальном инструменте, а также демонстрировать другие сценические таланты, чтобы произвести впечатление на именитых актеров в приемной комиссии. Ему, очевидно, это удалось: после прослушивания Саша нашел свое имя на стене у входа в аудиторию в коротком списке зачисленных.

В 1937 году в Москве и других крупных городах стали пропадать люди. Причиной ночных исчезновений были аресты НКВД. Под покровом темноты к дому подъезжала машина, из нее выходили два-три человека в черных плащах. Они молча находили нужную квартиру, стучали в дверь и будили жильцов. Затем сухо объясняли, что одного из членов семьи обвиняют в политическом преступлении. Квартиру обыскивали, переворачивая все вверх дном. Наконец обвиняемому

приказывали собратся и пройти за сотрудниками тайной полиции. Некоторым собранные вещи так и негодились: многих арестованных расстреливали уже через несколько часов после ареста. Других отправляли в лагерь. Пропавшие, как правило, назад не возвращались.

Пик Большого террора, как принято называть этот период советской истории, пришелся на 1937 год. Его жертвами становились как высокопоставленные чиновники и генералы, которых Сталин подозревал в неблагонадежности, так и простые люди. Последних могли обвинить в шпионаже или заговоре против советского режима: достаточно было бросить неосторожное замечание о зарубежном певце или случайно наступить на разворот газеты с фотографией Сталина. В обществе царили страх и мнительность. Люди подслушивали за соседями и друзьями и писали доносы – одни думали, что это защитит их от репрессий, другие преследовали личные цели. Именно в это время Саша начинал путь к своей мечте.

Вся его жизнь вращалась вокруг театра и занятий по актерскому мастерству. С раннего утра и до позднего вечера Саша пропадал на уроках и репетициях, едва успевая поесть. Жизнь артиста оказалась труднее, чем он ожидал, но это не мешало ему целиком посвятить себя театру. При этом его беспокоило, что у него нет свободного времени, чтобы устроиться на работу и начать зарабатывать. Стипендия, которую он получал, была мизерной, и ее не хватало, чтобы расплатиться с родителями за билет. Но такова была цена мечты, и Саше приходилось идти на жертвы.

Репетиции длились почти до полуночи, и к концу дня Саша был измотан до предела. В один из теплых осенних дней он познакомился с Павлом, который учился в том же институте. Павлу было двадцать три. Они столкнулись у входа в училище, где студенты обычно курили после занятий. После короткой дружеской беседы Павел пригласил Сашу прогуляться и посмотреть Москву.

Тот мало где успел побывать и охотно принял приглашение Павла. Они сходили на Красную площадь и даже прокатились вместе на недавно открывшемся метро. Саше очень понравился город, как и компания Павла: тот оказался хорошим собеседником и быстро расположил Сашу к себе. Саша признался Павлу, что мечтает стать

актером, объездить весь СССР и, возможно, даже повидать мир. Павел внимательно слушал его и кивал в ответ.

С тех пор молодые люди стали видаться чаще. После пар они допоздна гуляли по Москве, хотя обоим приходилось рано вставать на занятия и репетиции. Во время одной из прогулок по Арбату Павел завел разговор, который поначалу показался Саше странным:

– Если честно, в наше время трудно стать известным актером. Актриса, конечно, может устроиться в какой-нибудь театр, если понравится режиссеру... Да и актер может найти работу, если приглянется какой-нибудь престарелой актрисе или... режиссеру, которому нравятся мужчины. Я знаю одного такого актера, могу вас с ним свести – он мне иногда помогает деньгами и все такое. Однажды помог мне оплатить расходы на день рождения.

– И много таких? В театре, – спросил Саша уже заинтересованно.

– Да, много. В Москве таких людей немало.

Когда Саша вдруг спросил Павла, из таких ли он сам, Павел пояснил:

– Не совсем. Мне нравятся и женщины, и мужчины. С мужчинами я начал встречаться совсем недавно. И знаешь, некоторые могут тебе помочь. Хочешь, покажу тебе, где они встречаются?

Саша кивнул, и они пошли дальше. Вскоре они вышли к темному парку. Единственным источником света были фонари. Некоторые пары сидели на скамейках, другие прогуливались. Парк был со всех сторон окружен дорогами и роскошными многоквартирными домами. Деревья росли довольно густо. У входа в парк стоял памятник русскому химику Тимирязеву и небольшое строение – общественный туалет. Подземный.

Тут они увидели мужчину. У входа тот замешкался, внимательно посмотрел направо, потом налево. Саше показалось, что он то ли ждет кого-то, то ли хочет убедиться, что за ним никто не следит.

– Видишь этого? Он постоянно сюда приходит, – сказал Павел. – Учится в институте кинематографии. Он обычно появляется здесь так поздно, чтобы никто его не видел. Смотри, сейчас зайдет.

Мужчина скрылся в туалете.

– Иногда приходит пьяным, когда возвращается из ресторана. Бродит по кабинкам, ищет, вдруг кто-нибудь готов... А когда пьяный, лапает всех подряд.

– Солдаты тоже бывают, – продолжил Павел. – Кто-то из-за денег, кто-то хочет хорошо время провести. У многих действительно туго с деньгами. Как у меня.

В местах, которые Павел показывал Саше, скрывались остатки гомосексуальной субкультуры, которая существовала в Москве уже давно. Хотя в царские времена мужеложство считалось преступлением, русские гомосексуалы находили множество способов встретиться.

Уже в 1800-х годах богатые купцы и другие представители высшего сословия, нередко женатые, посещали коммерческие бани, где всегда было много молодых людей, готовых оказать сексуальные услуги. В основном это были крестьяне, приехавшие в Москву за лучшей жизнью. Некоторые из них занимались сексом за дополнительную плату, другие – потому что получали от этого удовольствие. Состоятельные купцы искали также связей с официантами в ресторанах. Те, в свою очередь, могли как брать плату, так и заниматься сексом просто потому, что им это нравилось^[28].

Начиная примерно с 1870-х годов гомосексуальные отношения и секс стали более распространенным явлением в крупных городах России. Дело больше не ограничивалось связями представителей высшего сословия с крестьянами. Городские гомосексуалы постепенно привыкли встречаться в парках и общественных туалетах, где они показывали себя и демонстрировали, что готовы познакомиться с другими мужчинами. После 1917 года гомосексуальная жизнь в крупных советских городах претерпела некоторые изменения. Наступивший экономический кризис, а также желание большевиков пресечь разврат в ресторанах и банях привели к тому, что гомосексуалы стали встречаться в парках и общественных туалетах еще чаще^[29].

Несмотря на характерную для сталинской эпохи атмосферу всеобщей слежки, подозрительности и страха, мужчины, которые испытывали влечение к другим мужчинам, все же умудрялись вести привычный образ жизни. Павел, к примеру, предпочитал знакомиться с новыми партнерами в туалетах. Особенно нравился ему один на Трубной площади. В этом туалете в кабинках не было дверей, поэтому все могли друг за другом наблюдать. С одной стороны, это способствовало знакомствам, с другой – мешало уединиться. И все же

Павлу удалось встретить в этом туалете много таких же мужчин, как он сам.

На протяжении следующих недель Саша и Павел продолжали гулять по Москве, иногда заходили в парки и скверы, где много раз заводили новых знакомых. Однажды они занялись сексом в квартире Павла, но, хотя это их и сблизило, ни у кого не было желания связывать себя серьезными отношениями. После секса они курили и говорили о театре и своих театральные буднях, обсуждали однокурсников и гадали, кто из них тоже любит мужчин, а кто нет.

Их отношения продолжались почти год. Летом 1938 года Павел окончил театральное училище и должен был уехать в Хабаровск, где ему предстояло три года работать в местном театре. Образование в СССР было бесплатным – с одной оговоркой: после окончания вуза человека направляли на определенную должность в любую точку Советского Союза на три года. Отказ послужил бы основанием для уголовного преследования.

Отъезд Павла Сашу не опечалил – напротив, ему захотелось самостоятельно исследовать новые места и знакомиться с мужчинами. Он стал смелее и теперь не только спускался в общественные туалеты один, но и подходил к сокурсникам в поисках секса. Это было рискованно, но Саше нравился адреналин, к тому же ему было трудно устоять перед некоторыми симпатичными студентами. Кроме того, он был уверен, что в училище много таких же, как он, поэтому риск, по его мнению, был минимальным.

С Сашей на курсе учился Иван, который Саше нравился. И однажды Саша сделал первый шаг: как когда-то Павел, он представился Ивану и предложил подружиться. Беседуя с Иваном о театре, он иногда пытался свернуть разговор в сторону гомосексуальных отношений между мужчинами, чтобы посмотреть на его реакцию. Обычно эти разговоры происходили в училище во время перерывов между занятиями или в квартире Саши. Как-то Саша признался Ивану, что предпочитает мужчин, и что они привлекают его больше, чем женщины. Иван сделал вид, что не понял, что пытается сказать его приятель, и их дружба продолжалась как ни в чем не бывало.

Впрочем, после этого Саша сделал еще один смелый шаг: когда они оба были в туалете училища, он предложил Ивану заняться сексом.

— А ну-ка повернись, — сказал Саша, нетерпеливо разворачивая Ивана к стене. Иван оттолкнул его и, не сказав ни слова, выбежал из туалета. После этого случая их отношения испортились.

Саша продолжал действовать решительно, использовал ту же тактику с другими студентами, и вскоре по училищу поползли слухи о его сексуальных предпочтениях. В конце 1930-х годов такие слухи могли легко довести человека до тюрьмы, но Саша об этом не знал. Иногда он не мог контролировать свои импульсы, которые ему так долго приходилось подавлять.

С 1938 по 1941 год Саше удалось встречаться с другими мужчинами; за это время у него накопилось много знакомых, чьи имена он записывал в небольшой блокнот. Бурная гомосексуальная жизнь Саши разворачивалась в необычное время — на фоне репрессий и ночных исчезновений внутри страны и растущей напряженности за рубежом. Гитлеровский режим набирал силу, и в 1939 году Германия напала на Польшу. В том же году СССР подписал с Германией пакт о ненападении.

В феврале 1941 года Сашино везение закончилось: кто-то написал на него донос. При Сталине доносы и внезапные аресты не были редкостью. Сотрудники НКВД ворвались в Сашину квартиру в центре Москвы и тщательно ее обыскали. Они наткнулись на его маленькую записную книжку с номерами телефонов и адресами. Понимая, что времени мало, они немедленно проверили эти адреса и нашли мужчин, с которыми Саша встречался. Сашу доставили в НКВД, сфотографировали и взяли отпечатки пальцев.

Поначалу Саша не хотел сознаваться в преступлении, хотя следователь и пытался быть дружелюбным. Но вскоре энкавэдэшник потерял терпение и пригрозил изнасиловать Сашу стоявшей на столе бутылкой, а затем пообещал, что позволит другим заключенным сделать с ним то же самое. Саша поддался и дал показания против других мужчин, раскрыв их имена. Следователи быстро нашли и допросили их всех.

При Сталине для вынесения обвинительного приговора было достаточно дать признательные показания. Фактически огромное количество уголовных дел, возбужденных НКВД во время Большого террора, было основано на признаниях, которые сотрудники комиссариата выбили из обвиняемых. Не было необходимости в

тщательном и беспристрастном расследовании. Основу дела Саши составили его собственные признательные показания и свидетельства других людей, часть из которых убедили выступить в качестве потерпевших. Материалы передали в суд.

Большой террор серьезно подорвал советскую судебную систему, поскольку власти были куда больше заинтересованы в обвинениях, репрессиях и казнях, чем в соблюдении надлежащей процедуры расследования. Обычные суды, однако, все еще существовали и даже поддерживали некое подобие правосудия.

Сталин, который по-прежнему стремился внушить страх и добиться безоговорочного повиновения народа, был также озабочен международной репутацией СССР и считал, что видимость правосудия делает Советский Союз похожим на «нормальное государство»^[30]. Дело Саши, как и многие другие, рассматривалось на, казалось бы, «нормальном» заседании: в зале суда присутствовали судья, обвиняемый, очевидцы, прокурор и адвокат. Даже Сашин друг Павел был задержан в Хабаровске и доставлен в Москву, чтобы предстать перед судом.

При Сталине, как, впрочем, и на протяжении всего существования СССР, у адвокатов было мало возможностей добиться оправдательного приговора. Поскольку внесудебный террор стал обыденным явлением, адвокаты были нужны лишь для сохранения видимости судебного процесса. Печально известный генеральный прокурор СССР Андрей Вышинский, лично вынесший множество смертных приговоров невиновным людям, постоянно критиковал советских адвокатов за их стремление защищать интересы клиента в ущерб советскому государству. По словам Вышинского, адвокат должен был защищать своего клиента так, чтобы его работа не шла вразрез с интересами государства. Адвокаты, опасаясь потерять работу и тоже оказаться на скамье подсудимых, не испытывали особого желания оспаривать аргументы прокурора.

На громком показательном процессе, который состоялся в ноябре – декабре 1930 года и вошел в историю как «Дело промпартии», защита продемонстрировала «идеальное» поведение, какого и ожидало советское государство от адвокатов. Председательствующим судьей был сам Андрей Вышинский, подсудимыми – группа известных советских экономистов и инженеров, обвиняемых по сфабрикованному

делу о государственной измене. Вместо того чтобы представить прокурору доказательства невиновности своих клиентов, один из адвокатов поздравил его с исторической обвинительной речью и кротко заметил, что нет необходимости в физической ликвидации его подзащитных, на чем настаивало обвинение. Таким образом, адвокат держался безупречно: не оспаривал обвинение и даже не попытался смягчить приговор^[31].

Саша и другие обвиняемые в мужеложстве могли ожидать еще меньшего от адвокатов, которые не только не хотели рисковать своим положением, но и были крайне плохо осведомлены о юридической практике, связанной с законом о мужеложстве. Само по себе такое преступление было новым явлением, не было никаких указаний или инструкций о том, как защищать таких клиентов, поэтому адвокатам приходилось полагаться исключительно на собственное понимание дела. Среди адвокатов и судей не было единого мнения относительно того, что следовало считать мужеложством; в некоторых случаях закон о мужеложстве применялся даже в тех случаях, когда, согласно материалам дела, между участниками имел место только оральные секс.

Суд состоялся 27 июня 1941 года, через четыре дня после того, как Германия напала на СССР. В суде Саша признал свою вину лишь частично.

— Меня к мужеложству никогда не тянуло. Я всегда старался вырвать из себя эту грязь.

— Почему же тогда вы занимались мужеложством с другими актерами? — спросил прокурор.

— Я всего лишь хотел завести знакомства среди актеров. Я надеялся получить работу в театре, поэтому и стал этим заниматься. Я знал, что многие актеры так живут. Честно говоря, я хотел рассказать об этом матери — я зашел слишком далеко. Я даже хотел пойти к врачу, но мне было страшно. Я знал, что меня за это арестуют.

Павел, однако, полностью признал свою вину и рассказал, что узнал о наклонностях Саши от своего бывшего любовника Андрея. Стоило Саше переступить порог театрального института, как Андрей указал на него Павлу и уверенно заявил, что Саша — один из них. Павел также признался, что влечение к мужчинам у него появилось в

возрасте двадцати одного года. Раньше он не был уверен, стоит ли прислушиваться к своим желаниям, но затем наконец им поддался.

На судебном заседании присутствовали и другие мужчины, с которыми у Павла и Саши были сексуальные отношения. Некоторые из них были признаны потерпевшими, другие тоже получили тюремные сроки. Один из них, тридцатилетний Михаил Брусникин, пытался оправдать свои действия: «Во всех случаях совершения актов мужеложства я был выпивши. Выпиваю я потому, что чувствую себя одиноким, это угнетает меня, и поэтому я искал утешения в вине. С женой я прожил с 1929 по 1939 год, но с большими перерывами. Женщины меня привлекают и сейчас, но, когда я выпью вина, меня тянет к мужчинам. Я думал, что это результат того, что я болен шизофренией. Когда я трезв, мужеложство кажется мне отвратительным».

Суд приговорил Сашу к шести годам лишения свободы. Другие мужчины получили аналогичные приговоры. Сашиной мечте стать актером не суждено было сбыться.

Глава 4, в которой звезда эстрады ведет двойную жизнь и втайне страдает

Москва, 1940

Вадим Козин был, вероятно, самым популярным советским певцом 1930-х годов. Несмотря на то что сам Козин предпочитал живые выступления, появление музыкальных записей, радио и граммофонов способствовало тому, что его слава быстро распространилась по всему Союзу, а имя было у всех на устах. Подобно молодому Фрэнку Синатре, выходя на сцену, он заставлял людей в зале кричать от восторга и плакать от радости. Зрители тянули руки в отчаянной попытке дотронуться до артиста, и очень часто во время и после выступлений сотрудникам милиции приходилось сдерживать толпы штурмующих концертные залы. Козин пользовался народной любовью и упивался ею.

Хотя песни Козина были невероятно популярны в народе, он часто подвергался критике со стороны высокопоставленных партийных чиновников за излишнюю сентиментальность и отсутствие настоящего социалистического духа. В партии считали, что истинный певец социализма должен петь о советских рабочих и прославлять их самоотверженный труд на благо родины. Музыка Козина была совсем другой: он пел о романтических чувствах, о едва уловимых оттенках жизни, о радости и боли, о надежде и страданиях^[32]. Козин всегда выходил на сцену в элегантном коричневом костюме, со сверкающим бриллиантом в петлице и шелковым платком в руке. Им восхищалось огромное количество советских граждан — его любили рабочие, колхозники, государственные служащие и даже солдаты и командиры Красной армии, которым надоели официальные пропагандистские песни.

Козин был избалован славой и обожанием публики и довольно часто вел себя как капризная дива. Он терпеть не мог микрофоны и буквально объявил им войну: соглашался петь только при условии, что на сцене микрофона не будет. В противном случае Козин мог просто отказаться выступать, несмотря на ожидающих его поклонников. На одном из концертов организаторы осмелились проигнорировать

требование Козина и оставили микрофон на сцене. Поначалу он ничего не понял и успел допеть до середины песни, как вдруг заметил микрофон в нескольких метрах от себя. Бросив гневный взгляд за кулисы, Козин, ко всеобщему изумлению, оборвал песню и в бешенстве покинул сцену. Обескураженные организаторы бросились к микрофону и быстро унесли его. Через несколько минут Козин вновь вышел к публике – с улыбкой и готовый петь ^[33].

Козин был также печально известен тем, что ни с того ни с сего отменял концерты, чем разочаровывал поклонников и ставил в неловкое положение организаторов, которым приходилось объясняться перед публикой. Кроме того, певец брал непомерно высокую плату с театров, где выступал, и имел список требований, которые должны были неукоснительно соблюдаться при подготовке к его приезду. Подобно экзальтированной оперной диве или поп-певцу, который хочет показать свою власть, он требовал, например, чтобы гримерная была устлана коврами и уставлена букетами.

Мало кто знал, что сложный характер и вспыльчивость Козина были результатом затяжного эмоционального кризиса и глубокого чувства неудовлетворенности. Несмотря на всю любовь и преклонение, в советском обществе Козин чувствовал себя неполноценным и чрезвычайно уязвимым. Главной причиной было скрытое эмоциональное и физическое влечение к красивым мужчинам, которое он испытывал с детства. Когда Козин впервые осознал эти чувства, он был напуган и растерян. Примерно к двадцати пяти годам после безуспешных попыток подавить желание он наконец сдался и позволил себе экспериментировать. Его первый сексуальный контакт с другим мужчиной произошел во время одного из первых концертных туров по СССР. Козин описывал его так:

В группе со мной ездило акробатическое трио: муж, жена и его брат, молодой интересный парень лет 26, чуть старше меня. Он был бледен, держался обособленно, любил быть один, не курил. А так как и я не курю, то мне пришлось жить с ним в одном номере, и так почти всю полугодовую поездку. Однажды ночью после концерта, уже после месячного концертирования, в каком-то городе в гостинице в номере была одна широкая постель, а другая приставная койка. Он сказал, чтобы я шел к нему на кровать. «Расскажи, как ты любишь? Я знаю, что я тебе нравлюсь, а

ты мне тоже нравишься. Но какой ты, расскажи откровенно, а я расскажу, какой я. Как ты раньше жил?» Я все ему откровенно рассказал. Он меня крепко, до боли обнял и, поцеловав, сказал: «Сегодня спи, а завтра будем разговаривать»^[34].

В течение нескольких дней он объяснил мне все «тонкости», но, как ни заставлял меня быть активным, у меня ничего не получалось. Несколько раз я был для него пассивным, но никакого ощущения от этого не получал. Я откровенно сознался, что больше не хочу ему давать. Мне было приятно лежать рядом с ним и, когда он уснет, самому себе проонанировать. Однажды он это заметил, стал меня в это время целовать. «Так вот что ты в конце концов любишь! Я то же самое, я иногда люблю один представлять себе мужчину и онанировать». После этого разговора мы продолжали спать вместе, но никаких физических соприкосновений не было...^[35]

По мере того как карьера Козина шла в гору и он стал выступать в Москве, число его поклонников росло в геометрической прогрессии. Его караулили у служебного входа после концертов, визжали, кидались навстречу с цветами и выпрашивали автографы. Ему признавались в любви и мужчины, и женщины. Иногда Козин полунамеками приглашал красивых мужчин в свой гостиничный номер после концерта. Однако сдержанность и чувство стыда так и не позволили ему воплотить свои сексуальные фантазии в жизнь:

Хотя мне и нравятся юноши, я лишь мысленно представляю себя с ними пассивным, а физически я смогу, будучи рядом с ним, лишь проонанировать, а иногда даже мне достаточно посидеть и поговорить с понравившимся человеком, и, когда он уйдет, я один, мысленно представляя его, буду онанировать. Этот человек может лежать, спать рядом со мной, я к нему не прикоснусь, мне будет приятно, что он находится около меня^[36].

К тридцати Козин смирился со своим влечением и принял то, что с ним придется как-то жить:

Я понял, что я человек ненормальный, неполноценный. Если в чувствах к мужчине я был более смелым, я знал, что самым худшим будет, если меня обругают психопатом, «не рыбой и не мясом», то в отношении женщины остаток моего мужского «Я» не мог

перенести чувства стыда за мою неполноценность. Я озлобился...
[\[37\]](#)

В годы наибольшей популярности в Москве перед войной меня окружала масса молодежи. Я часто сидел с ними в ресторанах, заказывал на всю компанию ужин, оплачивал, а сам уходил к себе в номер. Никто из них мне не нужен был, я думал, пусть они посидят за мою юность и повеселятся. Сто, двести рублей [средняя зарплата советского рабочего] для меня ничего не стоили, ибо я зарабатывал до 125 тысяч в месяц. Отсюда шли толки, что я развращаю молодежь пачками... [\[38\]](#)

Несмотря на то что тайной полиции было известно о сексуальных похождениях Козина (роскошная гостиница «Метрополь» в самом центре Москвы, где жил певец, тщательно прослушивалась), его не трогали. До поры до времени. В декабре 1944 года, вскоре после дня рождения Сталина, глава НКВД Лаврентий Берия вызвал Козина в свою резиденцию для беседы о содержании его песен.

Приближенный к вождю Берия в те годы внушал не меньший страх, чем сам Сталин. На протяжении многих десятилетий он организовывал самые кровавые чистки и одним росчерком пера отправлял тысячи советских граждан в ГУЛАГ, под пытки или на расстрел. Его боялись даже военачальники. В Красной армии ходил эвфемизм «пить кофе у Берии» – для обозначения чисток. Как и его предшественники, Берия был не только бессердечным убийцей, но и развратником. Его жертвами становились молодые женщины, которых его телохранители хватали на улицах и доставляли в особняк, где Берия насиловал их. «Можете кричать, но это не имеет значения, – говорил он своим многочисленным жертвам, – лучше подумайте и ведите себя как нужно». После изнасилования женщины получали букет цветов от телохранителя Берии – в знак того, что секс был «по обоюдному согласию». Тех, кто осмеливался оказать сопротивление, бросали за решетку [\[39\]](#).

Берия, конечно, знал о том, что Козин предпочитает мужчин, и презирал его за это. Гетеросексуальность удивительным образом позволяла насильнику ощущать собственное нравственное превосходство. Манерность певца также вызывала у Берии раздражение и отвращение, однако при встрече с Козиным он этого не показывал.

– Ну, расскажи, Вадим, что ты поешь по праздникам? – спросил Берия.

Вадим напел свою единственную песню, в которой прославлялось советское государство.

– И это всё?! – удивился Берия. Он ожидал, что в репертуаре Козина будет больше политических песен.

– Всё, – несколько равнодушно ответил Козин.

– Ну, знаешь ли... Тебе надо подготовить что-то для него, – сказал Берия, жестом указывая на портрет Сталина на стене. – Ему будет очень приятно.

– Я лирический певец и ничего другого разучивать не буду.

Берия улыбнулся.

– Так и не будешь? – вопрос прозвучал как угроза.

– Не буду.

– Точно не будешь? – спросил Берия более серьезно.

– Не бу-ду.

– Ну ладно, иди. Будем считать, что разговор не состоялся^[40].

Несколько недель спустя НКВД подписал приказ об аресте Козина. В феврале 1945 года, в возрасте сорока двух лет, Козин был приговорен к восьми годам лишения свободы за контрреволюционную агитацию в военное время, развратные действия в отношении несовершеннолетних и мужеложство. Его отправили в трудовые лагеря на Колыме, в одну из самых страшных колоний сталинского ГУЛАГа. Изоляция от внешнего мира, низкие температуры и ужасные условия жизни приводили к рекордно высокой смертности среди заключенных^[41].

Однако исключительный талант и известность Козина спасли его от смерти. Заключенных артистов и певцов взяла под крыло руководившая культурной деятельностью лагеря Александра Гридасова, жена одного из начальников Магаданского ГУЛАГа Ивана Никишова. Благодаря заступничеству Гридасовой Козину разрешили выступать в Магаданском музыкально-драматическом театре, и его концерты пользовались огромной популярностью у местных жителей. Но, несмотря на то что Козин продолжал выступать, он по-прежнему оставался заключенным ГУЛАГа, и его жизнь находилась во власти комендантов.

Однажды Козин выступал на закрытом вечере для магаданских офицеров милиции и начальников ГУЛАГа. К началу концерта зрители были уже в подпитии. Занавес раздвинулся, и перед публикой предстал Козин – он стоял в окружении букетов, облокотившись на рояль. Зал на мгновение замер, а затем взорвался аплодисментами. Кто-то выкрикнул: «Козину – ура!» Остальные подхватили и стали скандировать: «Ура! Ура!»

Вдруг из ложи поднялся разъяренный и едва стоящий на ногах генерал Никишов:

– Кто крикнул «ура»?! Вы кому кричите ура?

Зрители мгновенно замолчали и посмотрели в его сторону.

– Вы кому кричите ура? Педерасту?! – кричал он, указывая на испуганного Козина. – Только правительству можно кричать ура! Убрать дурака из зала! А ты, – он бросил гневный взгляд в сторону певца, – вон со сцены!

– Кто? Я? – робко спросил Козин.

– Да, ты! Вон со сцены! В карцер немедленно! – рявкнул Никишов.

Козин бросился со сцены в гримерку, а за ним – Александра Гридасова.

– Вы не волнуйтесь, Вадим Алексеевич, никакого карцера, я все улажу! – приговаривала она, пытаясь его успокоить. Гридасова тут же кому-то позвонила, и Козина отвезли в лазарет, где он провел следующий месяц, притворяясь больным. Когда об инциденте все забыли, Козин вернулся на сцену, хотя пережитое унижение надолго осталось в его памяти^[42].

Козин был освобожден в 1950 году, но, вместо того чтобы вернуться в Москву, предпочел остаться на должности творческого работника и библиотекаря при лагере. После смерти Сталина в 1953 году Козин постепенно вернулся к концертной деятельности. В 1955 году, в возрасте 52 лет, вместе с магаданской труппой он начал гастролировать по области.

К этому возрасту Козин уже не боролся со своим желанием. Он принял его и научился с ним жить. Его, однако, раздражали артисты труппы, которые все до единого были в курсе его сексуальной ориентации и, как ему было известно, злословили о нем за его спиной. В 1955 году Козин выразил свое возмущение в дневнике:

Погода по-прежнему действует мне на нервы. Так же на меня действует и уж очень низкий уровень культуры наших артистов. Я все время пытаюсь понять, отчего это происходит. Смысл всех их разговоров в конечном счете сводится к похабщине, двусмысленности, анекдоту. Такая «тема» их удовлетворяет и одинаково интересна и мужчинам, и женщинам. При всем моем, как все считают, «глубоком моральном падении» мне никогда не придет в голову сказать в компании нечто подобное, от их разговоров мне, человеку 50 лет, делается как-то совестно и тошнотворно. А эти люди – мужья и жены – считаются не нарушающими норм общественной морали. Черт бы побрал такую мораль и этику! Это настоящее ханжество и лицемерие, которое приведет в конечном итоге к упадку и вырождению личности. Нет, как можно подальше держаться от них, как можно меньше точек соприкосновения с ними^[43].

У Козина также появилась определенная осведомленность о гомосексуальности и понимание того, что он является жертвой дискриминации со стороны государства. В своем дневнике он описал случай, который произошел с ним в Свирске в августе 1955 года:

За кулисы приходил парень – Кувишинов Федор Григорьевич. участник самодеятельности ДК Боханского района. По его словам, он взял 3-е место в Иркутске, исполняя русские песни. На вид ему лет 29, говорит бабьим голосом, по речи – психически недоразвитый, а вернее, полумужчина-полуженищина. Пришел и по-детски наивно спросил: «Скажите, я могу поступить к вам в бригаду артистом?» – «А что вы умеете делать?» – «Я пою русские песни, но мне в жизни не везет, вот одному парню повезло, он попал в Черемховский театр, получает там 350 рублей. Вот бы мне такое счастье привалило...»

Козин пишет о ненависти к советской власти и существовавшим в обществе представлениям о том, что сексуальные отклонения можно скорректировать усердным трудом:

Я закрыл глаза и слышал голос и интонации бабы-крестьянки... Что мне было ответить 30-летнему неженатому мужчине, который не понимал своего положения и хотел податься в

искусство от своих несчастий? Ни в чем не повинный пасынок природы. Он чувствовал, что он не такой, как все парни. Он боялся этого, но надобно было примкнуть к какому-то полу, и здесь, в захолустье, он стал таким, каким я его увидел. Человек, не имеющий никакой культуры, вдвойне несчастен в таком положении. Он подвергается гонениям, насмешкам и подобен курице, поющей по-петушиному. Разве она виновата? Находятся умники, которые безапелляционно разглагольствуют, дескать, поработает до десятого пота, вся дурь и выскочит! Тупые самодовольные болваны, которым чужды и непонятны переживания этих несчастных людей, находящихся в ужасном положении, преследуемых и караемых, а за что? За насмешку и ошибку природы. Меня приводит в бешенство этот тупой лозунг: труд – вот самое радикальное лекарство! Идиоты! Вот такой бы разжиревший болван со своей «научной теорией» и поработал бы до десятого пота, я бы хотел тогда увидеть, в каком бы он был состоянии на бабе!^[44]

Козин пытался даже утешить себя мыслью, что его гомосексуальность – не признак вырождения, как твердило ему общество, а черта по-настоящему одаренного человека:

Как это ни странно, а такое почти противоестественное сочетание гениальности с многочисленными пороками и недостатками, нарушающими придуманные самими же людьми нормы морали и поведения, существовало, существует и будет существовать во все времена. Такова человеческая природа. Уклонение от нормы – удел гениальных людей. Гениальность всегда ходит бок о бок с ненормальностью... Чайковскому его извращенность, преследуемая законом, не помешала создавать гениальные музыкальные произведения, насыщенные такими эмоциями, которые были не под силу Римскому-Корсакову, ибо он был менее ненормальный. А Гоголь? А Леонардо да Винчи? А Шопен? Да что тут говорить^[45].

К пятидесяти Козин смог наконец-то преодолеть парализующий стыд и пришел к осознанию, что способен спать с мужчинами и испытывать к ним чувства:

Я без ума от одного человека. Как мне хочется хоть раз, хоть на одно мгновение заглянуть в глубину этих глаз. Почему они встали на моем пути? Опять эти зеленые глаза. Как бы я носил на руках этого человека. Почему это так бывает? Появился один человек, и больше нет на свете ничего святого. Он один заполнил все. Кто этот человек, никто никогда не узнает. Но я полюбил, как мальчишка, как влюбленная девушка. И ничего от человека не надо. Глядеть в зеленые его глаза, без усталости, часами. Сколько лет прошло, когда вновь появились эти роковые зеленые глаза, почти тридцать лет. И в душе снова бушует ураган, словно наступила весна, расцвела сирень, и ты стоишь перед огромным букетом чудесной белой сирени, только что распустившейся, вдыхаешь аромат и боишься дотронуться до благоухающих чудесных белых молодых лепестков. Хочется встать на колени перед этим букетом, и прикоснуться губами, и целовать, целовать без усталости цветы, пить их нектар, как было тридцать лет тому назад. Только одному человеку я дам прочитать эти безумные строки. Жизнь наша устроена совершенно иначе, и потому невозможно жить так, как ты хочешь. Хотя в той жизни, которой я хочу жить, ничего сверхъестественного нет. Есть настоящая, хорошая дружба и полное доверие друг к другу, скрепленное проявлением крепкого чувства такой силы, перед которой отступят и страсти, и любовь. Нежность и дружба сильнее страсти и любви. Крепкое рукопожатие после проявления капли нежности и дружбы – и жизнь станет совсем иной. Я пишу эти строки и заливаюсь слезами: неужели моя мечта не сбудется и мне не удастся прикоснуться к букету юности и силы? Если бы в жизни было бы иначе, какой был бы оказан ему культ личности. Ведь это зеленые глаза ^[46].

Несмотря на принятие себя и душевное спокойствие, которого Козин наконец достиг к зрелости, его беды на этом не закончились. В октябре 1959 года Козин давал концерт в Хабаровске. Как-то вечером у входа в гостиницу «Дальний Восток», где остановился певец, его поджидал привлекательный юноша, появившийся, казалось, из ниоткуда. Юноша представился Гришей, сказал, что его ограбили, и поинтересовался, не может ли Козин дать ему денег на билет домой. Козин пригласил Гришу в свой номер и дал пятьдесят рублей. Гриша,

похоже, хотел чего-то большего, поэтому Козин заказал в номер еду и они вместе поужинали. После чего, выпив вина, легли на кровать.

То, что произошло дальше, только убедило Козина в Гришиной гомосексуальности и желании близости. Он и не подозревал, что Гриша был информатором КГБ, которому поручили соблазнить певца и заманить его в ловушку. Через несколько часов в номер ворвались сотрудники КГБ в штатском и обнаружили обнаженного Гришу в постели с Козиным. Козин сразу понял, что встреча была подстроена^[47].

КГБ конфисковал его личный дневник и возбудил новое уголовное дело. Хотя на этот раз Козин провел в тюрьме всего несколько месяцев, он понял намек и оставил всякую надежду вернуться на сцену. Это уголовное дело сломило певца, он не смог оправиться от повторного унижения. Козин прожил в Магадане до самой смерти в 1994 году. После освобождения ему разрешили давать только местные концерты, а журналистам запретили упоминать его имя в прессе^[48]. Подобно Оскару Уайльду, заключенному в Редингскую тюрьму за любовь к мужчинам, выдающийся талант Вадим Козин был растоптан.

Глава 5, в которой поход в баню заканчивается кошмаром

Вологда, 1949

Несмотря на то что СССР вышел из Второй мировой войны сверхдержавой, за победу над нацистской Германией пришлось заплатить слишком высокую цену^[49]. Война унесла десятки миллионов жизней советских граждан и привела к полной разрухе. Многие вернулись с фронта ранеными или вовсе пожизненными инвалидами. Люди были истощены повсеместной антисанитарией, хроническим недоеданием и многолетними ожесточенными боями. Война привела к острой нехватке мужчин: в сельской местности на каждые 100 женщин приходилось всего 28 мужчин в возрастной категории от 18 до 49 лет. Беспрецедентный демографический кризис заставил Сталина и его министров разработать меры, направленные на улучшение ситуации. Они предполагали ввести систему поощрений и наказаний, которая побуждала бы людей вступать в брак и рожать больше детей^[50].

Условия жизни подавляющего большинства советских граждан после войны были ужасны. Многие жили в перенаселенных общежитиях, бараках и коммунальных квартирах. У большинства не было возможности уединиться для самых простых бытовых дел, например чтобы принять душ или постирать. Даже в Москве в большинстве жилых домов не было водопровода и канализации, не говоря уже о центральном отоплении, поэтому жильцы были вынуждены устраивать примитивные туалеты во дворах или на улицах. Чтобы согреться, многие пользовались дровяными печами^[51]. Неудивительно, что секс в таких условиях казался недоступной роскошью.

14 июля 1949 года 49-летний Григорий Кравцов вышел из гостиницы в городе Вологда, где он остановился на время концертной поездки со своей театральной труппой и музыкантами из Ленинграда. Это был их последний день в Вологде – группа Кравцова уже отыграла все запланированные концерты, так что у него наконец-то появилось свободное время. Он решил сходить в местную баню^[52].

Бани в СССР послевоенных годов были популярны, особенно с учетом того, что ваннные и душевые во многих домах отсутствовали. Почти в каждом советском городе, независимо от его величины, можно было найти хотя бы одну общественную баню, открытую для посещения с полудня до позднего вечера. Планировка советских бань была типовой: в раздевалке и комнате отдыха посетители могли снять одежду и повесить на крючки. Затем, полностью раздетые, они проходили в выложенную плиткой моечную, где мылись с помощью ручных черпаков или под кранами с горячей и холодной водой. В бане также располагалась парилка [\[53\]](#).

Григорий уже не раз бывал в Вологде, и очень любил местную общественную баню: она идеально подходила для того, чтобы расслабиться после напряженного концертного графика. Баня располагалась в одном из высоких кирпичных зданий, примыкающих к местному заводу, поэтому его работники были там завсегдатаями.

В тот летний день Григорию повезло: обошлось без очередей у входа, да и вообще, казалось, посетителей было немного. Оставив вещи в раздевалке, Григорий сразу направился в парную. Там было несколько мужчин, но пар стоял настолько густой, что Григорий едва мог разглядеть их лица. На секунду он закрыл глаза, чувствуя, как тело пробирает жар, а потом пошел в моечную.

В углу моечной Григорий заметил пару молодых людей: один лежал лицом вниз, а другой намыливал ему спину. Их громкие голоса эхом отражались от стен. Григорий оглядел комнату в поисках кого-нибудь, кто мог бы помочь ему с мытьем, и заметил юношу, который, похоже, тоже только что вошел. Их взгляды встретились, и через несколько мгновений юноша предложил намылить Григорию спину. В таком предложении не было ничего необычного, мужчины в общественных банях часто так делали в порядке дружеского жеста. Молодой человек представился Василием, и они с Григорием решили после бани выпить пива и поболтать. Советские власти осуждали регулярное пьянство и пытались ему противодействовать, но у многих советских граждан, особенно мужчин, употребление крепких напитков вошло в привычку. Так они отвлекались от тягот послевоенной жизни и завязывали новые дружеские отношения [\[54\]](#).

Григорий любил баню в том числе по своим причинам. Безусловно, париться было полезно для здоровья, и Григорий получал от этого

истинное удовольствие, как и многие другие советские люди. Но была и другая, не менее важная причина: посещение бани давало таким мужчинам, как Григорий, законный повод задержаться в компании других обнаженных мужчин и завести новые знакомства. Поскольку вход в бани был платным, они были безопаснее общественных туалетов, парков, автобусных станций или уличных знакомств. Кроме того, полная нагота посетителей позволяла Григорию сразу распознавать таких же, как он сам.

Григорий и Василий вышли из бани и направились в ближайший ларек за пивом. Когда они допили, Григорий собирался было вернуться в гостиницу, но Василий вдруг предложил купить бутылку водки и продолжить в каюте пришвартованного неподалеку судна-газохода, где он работал. Григорий охотно принял приглашение.

Тем же вечером Григорий очнулся, лежа на траве. Он насквозь промок и не понимал, что происходит. Протерев глаза, он увидел, что перед ним стоит милиционер и пытается привести его в чувство. Хотя Григорий не сразу пришел в себя, он моментально понял, что у него проблемы. Он что-то бормотал в свое оправдание. Пот стекал по спине и лицу. Горло горело, хотелось пить. Милиционер поднял Григория, надел на него наручники и бросил на заднее сиденье своей машины.

Сначала Григорий подумал, что его везут в вытрезвитель. Но, оказавшись в отделении милиции, сразу понял, что дела его плохи. Сотрудники привели его в тускло освещенную комнату с маленьким зарешеченным окном и усадили перед сурового вида следователем. Тот попросил милиционеров выйти из комнаты, а затем достал из ящика стола лист бумаги и ручку и пододвинул их в сторону Григория.

– Вы, должно быть, знаете, почему вы здесь. Чтобы не тратить наше время и избавить всех от лишних хлопот, вы сейчас напишете признание в том, что изнасиловали товарища Василия Ошуркова, – сказал он будничным тоном.

Григорий был потрясен. Признание? Изнасилование? О чем этот человек говорит? Он стал напрягать память, чтобы вспомнить, что произошло. Голова пульсировала – комната вокруг кружилась, и на мгновение Григорию показалось, что он теряет сознание. Запястья болели от наручников. Затем он постепенно начал вспоминать. Баня. Молодой человек, Василий. Газоход. Водка. Поцелуи и все остальное.

Григорий отрицал все обвинения и отказывался в чем-либо признаваться.

Следователь пригласил войти пару человек. Это были мужчина и женщина, которых Григорий никогда раньше не видел.

– Эти люди, – сказал следователь, указывая в их сторону, – видели вас на газоходке. Они видели, как вы входили в каюту к Ошуркову, а потом видели вас голым на полу в его каюте.

Мужчина и женщина кивнули в знак согласия.

Допрос, казалось, длился вечно. Григорий категорически отказывался признавать себя виновным и пытался убедить следователя, что был слишком пьян, чтобы вступить с Василием в половую связь. Он объяснял, что у него проблемы с сердцем, что не позволяет ему выступать активным партнером в половом акте. Потом настаивал, что, будучи отцом трех дочерей, ведет нормальную половую жизнь и не страдает никакими сексуальными отклонениями. Когда действие алкоголя стало ослабевать, Григорий потребовал, чтобы его подвергли судебно-медицинской экспертизе, которая, как он считал, наверняка установила бы его половое бессилие. В этом следователи ему отказали.

– Не нужно вам никакого медицинского освидетельствования! – резко оборвал его следователь. – Вашего друга уже обследовали, и врачи подтвердили, что между вами был половой акт противоестественного характера.

После нескольких безуспешных попыток принудить Григория к самооговору следователь отправил его в камеру – дожидаться суда.

Василия в тот же день нашли пьяным на газоходке. Милиция сопроводила его в участок. На него надели наручники и усадили на стул напротив того же самого следователя.

– Кто этот человек, которого вы привели в каюту? – спросил следователь.

Василий повесил голову – он был все еще пьян и совершенно сбит с толку.

– Мы знаем, что он актер из Ленинграда... Что актер из Ленинграда делал в вашей каюте? – продолжал следователь.

Василий молчал.

– Ну хорошо, я понимаю, что все это очень неприятно для вас, поэтому давайте с этим покончим. Вот бумага и ручка – вы должны

дать письменные показания, что этот мужчина вас изнасиловал. Вы будете жертвой, а он – преступником. Понятно?

Следователю не пришлось долго давить на Василия Ошуркова, чтобы он «сознался», – молодой человек никогда раньше не имел дела с милицией и был готов на всё, чтобы выпутаться из неприятностей. Он дал необходимые показания, в которых подробно описал, как познакомился с Григорием и что произошло между ними в каюте. Он также подтвердил, что Григорий его изнасиловал. Следователь остался доволен – он вложил протокол допроса в папку и приказал другому милиционеру снять наручники.

– Вам придется обратиться в местную поликлинику и попросить у хирурга медицинское заключение. В нем должно быть указано, что вы были изнасилованы. Также вы должны будете присутствовать на суде в качестве свидетеля. И, пожалуйста, без глупостей, – добавил следователь. Он снял с Василия наручники и усмехнулся, обнажив кривые зубы.

Суд по делу Григория Кравцова прошел 20 августа 1949 года за закрытыми дверями, как и многие другие дела, связанные с половыми преступлениями. В зале присутствовали прокурор, молодая врач Тамара Феофанова, которая осматривала Василия, секретарь, судья, подсудимый Григорий Кравцов и свидетель Василий Ошурков. Василий повторил свои показания в суде, как и требовал следователь, упомянув, что врач Феофанова осмотрела его и установила, что его рассказ соответствует действительности.

Григорий сидел за решеткой на скамье подсудимых и непонимающе смотрел на Василия. Он был уверен, что тот не станет против него свидетельствовать, но теперь был полон решимости защищаться так отчаянно, как только мог. Следующей давала показания сама Феофанова – молодая женщина лет двадцати пяти, которая, судя по всему, только начинала свою медицинскую карьеру. Она подтвердила, что действительно осматривала Василия Ошуркова, но не упомянула, действительно ли она вынесла какое-то конкретное заключение. Григорий решил рискнуть и спросил судью, может ли Феофанова уточнить свои показания.

– Вы можете подтвердить, что между мной и Ошурковым имел место половой акт? – спросил Кравцов. Феофанова стояла на

свидетельской трибуне – ее явно смущало, что ее вызвали в суд для обсуждения подобного вопроса, и она практически заикалась.

– Нет, – ответила она, качая головой. – Я могу только подтвердить, что я его осматривала и зафиксировала его жалобы. Вот и всё.

– Удалось ли вам обнаружить какие-либо следы полового акта на его теле, белье или где-либо рядом с ним? – продолжал Кравцов.

– Нет, – повторила она.

Чтобы убедиться, что эти показания приняты к сведению, Кравцов повернулся к судье, который делал пометки. Через несколько минут судья объявил перерыв и удалился в совещательную комнату. Как только он скрылся из виду, Феофанова поднялась со скамьи. Покраснев, она обратилась к залу:

И зачем меня втянули в это грязное дело? Я не судебно-медицинский эксперт, и в судебных делах я вообще некомпетентна. Я с самого начала отказывалась от такого заключения и выдачи справки и рекомендовала оперуполномоченному с этим делом обратиться к судебному эксперту – врачу-специалисту по судебно-медицинским экспертизам. Требуемое заключение должен был дать судебный врач-эксперт, а не я. Но оперуполномоченный гражданин Грязных настоял на том, чтобы таковую справку о медосмотре Ошуркова я выдала. И сейчас я судом поставлена в такое положение, что эту справку я должна подтвердить письменно, в силу требования суда^[55].

Когда заседание возобновилось, Кравцов повторил судье слова Феофановой, но человек в мантии молчал.

– Я требую, чтобы меня освидетельствовал судебно-медицинский эксперт, а не просто врач из местной поликлиники, – повторил Кравцов, стараясь звучать уверенно, но его голос дрожал.

– В этом нет необходимости, – сказал прокурор. Он поднялся с места, повернулся к судье и протянул лист бумаги. – Мы передали материалы дела высококвалифицированному судебному эксперту, и он уже сделал свое заключение: вы могли совершить половой акт. Я зачитаю выдержку из итогового отчета:

«Как сказано в учебнике профессора Попова, человек, находящийся в состоянии легкого опьянения, способен совершить половой акт, а в состоянии сильного опьянения – не способен. Но,

как видно из данного дела и показаний самого пострадавшего, есть возможность предполагать, что таковой акт состоялся»^[56].

Кравцов стоял в своей клетке, вытаращив широко раскрыв глаза. Как они могли опираться на медицинское заключение, если никакого медицинского обследования на самом деле не проводилось? Кравцов понял, что следователи собираются осудить его любой ценой и ничто их не остановит. Он сел на скамью и закрыл лицо руками.

Для дачи показаний вызвали других свидетелей – мужчину и женщину, которых Кравцов видел в день своего допроса. Оказалось, что это капитан газохода и повариха. Оба отрицали, что видели Ошуркова и Кравцова во время полового акта, и сказали, что не могут подтвердить, что акт действительно имел место. Судья несколько раз уточнил, видели ли они что-нибудь, но они отвечали, что не видели^[57].

– Единственное, о чем я могу свидетельствовать, – когда я увидела Кравцова в каюте Ошуркова, тот был очень пьян, – сказала женщина. – Он лежал на полу и, видимо, был без сознания. Я сразу же спросила Ошуркова, кто этот человек, на что Ошурков сказал мне: «*Черт его знает, наверное, какой-то педераст*». Затем он начал громко спорить со мной, потом совсем вышел из себя: стал ругаться, бить тарелки из буфета. Колотил себя в грудь и называл Кравцова педерастом...^[58]

Судебное заседание подошло к концу, и судья удалился для принятия решения. Через несколько минут он вернулся, чтобы вынести окончательный вердикт. Держа в руках толстую папку, он объявил Григория Кравцова виновным в мужеложстве и приговорил его к четырем годам лишения свободы. По неожиданному стечению обстоятельств судья признал виновным и Василия Ошуркова и, несмотря на данное следователем обещание неприкосновенности, приговорил его к трем годам лишения свободы^[59]. На Ошуркова, потрясенного и испуганного, надели наручники и взяли под стражу сразу после оглашения приговора.

Несмотря на то что мужеложство по обоюдному согласию продолжало считаться преступлением в 1940-х и 1950-х годах, у следователей практически не было возможности представить доказательства по таким делам, разве что подозреваемые были пойманы с поличным. Поэтому приходилось искать другие пути. Грязны́х, который вел дело Кравцова и Ошуркова, нашел подходящий

для себя метод: если оба мужчины подозревались в мужеложстве, он заставлял одного подозреваемого дать показания против другого, обещая иммунитет от судебного преследования, а в итоге сажал обоих.

Советским следователям действительно не хватало теоретической базы, которая позволила бы вести дела о мужеложстве по обоюдному согласию. Большинство руководств по судебной медицине сталинской эпохи не содержали четких инструкций о том, как расследовать подобные случаи. Так, в одном из популярных справочников за авторством выдающегося специалиста Николая Попова говорилось, что судебно-медицинские эксперты мало чем могут помочь следователям, поскольку на теле подозреваемых обычно не остается никаких идентифицируемых следов содомии^[60].

Как и многие другие советские осужденные, считавшие, что суд обошелся с ними несправедливо, Кравцов и Ошурков в том же году попытались обжаловать приговор. Кравцов написал несколько длинных писем в Верховный суд СССР в надежде добиться отмены приговора. В этих письмах он обращал внимание судей на признание, которое сделала доктор Феофанова, когда судья удалился в совещательную комнату:

Совершенно ясно, что молодой врач, не сведущий в судебно-медицинских экспертизах, не мог дать правильного объективного заключения и оказался на поводу у оперуполномоченного. А отсюда видно, что заключение, данное врачом-неспециалистом, не может служить основанием для суда и не является доказательством вменяемого мне преступления, тем более что справка была написана в форме предположения, а не подтверждения, и составлена в основном со слов и жалоб пьяного Ошуркова, доставленного с конвоем, а не на основании соответствующих специальных лабораторных исследований^[61].

Кравцов также комментировал поведение Ошуркова, который дал в суде противоречивые показания относительно того, что между ними произошло:

Следует учесть, что Ошурков физически намного здоровее меня; кроме этого, он был менее пьян, чем я. Поэтому, естественно, я не мог применить к нему насилие. Этим фактом опровергается его лживое показание, данное на предварительном

следствии, об изнасиловании его. Следует обратить внимание на то, что на предварительном следствии Ошурков говорил об изнасиловании его, а в судебном заседании говорил о том, что он согласился на мужеложство. Первоначально он разыгрывал роль потерпевшего, но потом отказался от этого и стал говорить об обоюдном согласии, не предполагая, что в таком случае будут нести ответственность оба. Вероятно, он полагал, что в случае обоюдного согласия судить никого не будут^[62].

Затем он ссылаясь на показания очевидцев, которые, по его словам, ничего не видели, что делало их показания бесполезными.

Верховный суд оставил в силе решение суда, а соответственно и приговор Ошуркову. Неудивительно: в конце 1940-х годов советские власти развернули масштабную кампанию против оправдательных приговоров, что привело к резкому сокращению их числа^[63]. Кроме того, после войны в СССР стали уделять больше внимания качеству подготовки уголовных дел и особенно пристально следили за возвращением дел на доследование и судьбой подсудимых^[64]. Уголовные дела, по которым не был вынесен обвинительный приговор, считались «проваленными в суде». Такие «провалы» плохо отражались на репутации и личных делах следователей, и те старались избежать их любой ценой, даже если необходимость доследования казалась обоснованной и неизбежной^[65].

Именно поэтому следователю Грязных было так важно, чтобы дело Кравцова закончилось обвинительным приговором для него самого и его партнера. Грязных прекрасно понимал, что, если дело развалится, начальство наверняка обвинит его в «некачественной работе», а его имя попадет во всевозможные выговоры и официальные документы. Но у следователя была и другая, не менее сильная мотивация добиться осуждения обоих мужчин: он презирал гомосексуалов, или «педерастов», как он их называл. Для него осуждение таких людей было делом профессионального долга и чести: он считал, что, отправляя их в тюрьму, очищает общество от разврата, который они распространяют. Поэтому шансов избежать уголовного преследования у Кравцова и Ошуркова не было.

Глава 6, в которой советские гомосексуалы отправляются в Сибирь «на лечение»

Иркутск, 1952

Игорь Степанович Сумбаев был очень успешным психиатром. Его слава распространилась далеко за пределы родного Иркутска. В двадцать пять он окончил медицинский факультет Саратовского государственного университета, после чего отправился в Вену, где изучал психоанализ у самого Зигмунда Фрейда. Фрейд оказал большое влияние на его взгляды о психологии человека, и, даже когда в 1920-х идеи Фрейда в СССР запретили, Сумбаев продолжал их придерживаться.

Сам факт обучения Сумбаева у Фрейда не так уж необычен. Дореволюционная Россия была одной из первых стран, где с готовностью приняли теорию психоанализа. Труды Фрейда издали в России уже в 1904 году, и многие российские студенты-медики, врачи и психиатры отправились в Европу стажироваться и расширять свой кругозор, что привело к росту популярности психоанализа по всей стране^[66].

После революции ситуация стала меняться. К концу 1920-х работы Фрейда подверглись критике со стороны советских властей за «буржуазный» характер. Во время арестов и репрессий 1930-х исследования в области психоанализа и теория Фрейда в СССР оказались полностью вне закона^[67]. Причина запрета была проста: психоанализ и его постулаты в корне противоречили советскому тоталитаризму. Сталин хотел добиться от советских граждан единодушной и безоговорочной верности режиму, а также насадить полную нетерпимость к малейшим отклонениям от установленных общественных норм. Психоанализ побуждал к интроспекции, в то время как Сталин хотел, чтобы советский человек идеализировал и превозносил его собственную персону, а не копался в себе.

Многие психиатры, увлеченные психоанализом, отказались от своих занятий ради собственной безопасности, но не Сумбаев, который продолжал практиковать психоанализ тайно. Рискованные интересы не помешали ему преуспеть профессионально: в 1939 году он был назначен главврачом психиатрической клиники Сибирского

медицинского института в Иркутске. Клиника была совершенно не похожа на большие современные больницы, которые строились в крупных городах. По сути, это был простой бревенчатый дом с несколькими комнатами. Однако Сумбаеву он нравился именно таким, и он верил, что когда-нибудь клиника станет крупным центром психиатрии.

Помимо психоанализа и изучения человеческого подсознания, Сумбаева увлекала еще одна, не менее проблематичная и спорная в СССР тема – гомосексуальность. Впервые Сумбаев вживую столкнулся с гомосексуалами 22 января 1932 года, когда в его клинику обратился девятнадцатилетний Петр. Петр пришел на прием со своим отчимом, оба были смущены и поначалу отказывались прямо говорить о том, что их беспокоило. Их смятение было так велико, что ни тот, ни другой не могли подобрать слов, чтобы описать постыдную «болезнь» Петра. Юноше, казалось, было неловко в присутствии отчима. Догадавшись, что происходит, Сумбаев попросил оставить их наедине. Тогда Петр разрыдался и признался Сумбаеву, что не хочет жить и подумывает о самоубийстве^[68].

Сумбаев успокоил юношу и заверил его, что все, чем он собирается поделиться, останется между ними. Петр взял себя в руки и рассказал, что так сильно страдает из-за того, что его привлекают мужчины. После беседы Сумбаев обстоятельно записал историю болезни пациента:

Лет с 12 почувствовал, что его влечет не к женщинам, а к мужчинам, но тогда еще не осознавал, что такое влечение является ненормальным. Только лет в 15 вполне отчетливо уяснил сущность своей болезни. Обычно влечение появляется только при одном виде мужчины, хотя бы и незнакомого. Приходится немедленно уходить от него, так как боится, что чем-либо выдаст свое ненормальное влечение и тем опозорит себя... К женщинам он не испытывает никакого сексуального влечения, хотя некоторые нравятся как товарищи. Никто до сих пор не замечал его извращение. В 1927 году, узнав, что лечиться от гомосексуализма бесполезно, пытался покончить жизнь самоубийством. Вытащили из петли. Вообще больной отмечает, что у него преобладает скверное настроение в связи с мыслями о своем извращении; часто плачет в уединении^[69].

Сумбаев заверил молодого человека, что может ему помочь, однако предупредил, что процесс выздоровления займет некоторое время. Он также рассказал ему о методе «свободного рисунка», который собирался применить. Петру предстояло сделать серию спонтанных зарисовок. Затем, глядя на свои рисунки, он должен был говорить обо всем, что приходит ему в голову. На основании этих ассоциаций Сумбаев собирался исследовать внутренние конфликты и чувства пациента^[70].

За три месяца терапии Петр создал 155 рисунков, и Сумбаев встретился с ним, чтобы обсудить их содержание. Из рисунков Петра Сумбаев сделал вывод, что у пациента все же было влечение к женщинам, но подсознательное. Сумбаев описал этот случай в своей статье «К психотерапии гомосексуализма» (1936):

После уяснения указанного психологического механизма у больного впервые в жизни сначала ослабело влечение к мужчинам, а затем появилось половое чувство к одной его знакомой. В связи с переездом родителей в Крым пришлось закончить анализ раньше времени. Тем не менее Петр уверял, что он чувствует себя в сексуальном отношении вполне нормально... Хотя дальнейшая судьба больного и осталась неизвестной, но, учитывая все обстоятельства случая, можно думать о стойкости достигнутого результата^[71].

Рассказы о достижениях Сумбаева передавались из уст в уста. Единственная публикация в советском научном журнале также способствовала росту его репутации как врача, специализирующегося на лечении гомосексуальности. Пациенты приезжали к нему в Иркутск со всего Советского Союза по совету друзей и психиатров. Они боготворили Сумбаева и надеялись, что его опыт поможет им как можно скорее избавиться от своего «недуга». На приеме мужчины часто с трудом могли объяснить, что с ними происходит, – они были смущены, растеряны и напуганы. Многие никогда не слышали слова «гомосексуализм» и называли его «пороком» и даже «грехом». Однако Сумбаев понимал, что они имели в виду, и помогал облечь переживания в слова. Он внимательно и с участием выслушивал их, просвещал в вопросе гомосексуальности и давал надежду на выздоровление.

О том, что в 1934 году Сталин объявил гомосексуальность вне закона, Сумбаев узнал не сразу, а лишь несколько лет спустя. Сталин и его приближенные приняли закон о мужеложстве в тайне, поэтому многие – не говоря уже о тех, кто жил в отдаленных российских городах вроде Иркутска, – просто об этом не знали. Хотя отныне гомосексуальность считалась преступлением, Сумбаев по-прежнему рассматривал ее как болезнь, поддающуюся лечению, и продолжал принимать в своей клинике пациентов, но уже с особой осторожностью. Недостатка в гомосексуальных пациентах не было; более того, многие мужчины настолько жаждали стать гетеросексуалами, что принимали решение навсегда остаться в Иркутске, чтобы до конца жизни лечиться и находиться под наблюдением Сумбаева.

Сумбаев в том числе курировал молодых психиатров, которые приходили к нему на практику. Тех, кто внушал доверие, Сумбаев обучал основам психоанализа и даже собственным методам лечения гомосексуальности. Двое его стажеров, Николай Иванов и Арон Белкин, достигли большой известности в советской сексопатологии.

В 1951 году двадцатичетырехлетний выпускник Горьковского медицинского института Арон Белкин приехал в клинику Сумбаева в Иркутске для прохождения медицинской практики. Когда Белкин впервые встретился с Сумбаевым, его немного смутила внешность профессора: из-за толстых стекол очков на него исподлобья смотрел полноватый лысеющий человек. Однако Сумбаев быстро очаровал Белкина. Молодой практикант подавал надежды, и вскоре Сумбаев раскрыл ему диссидентский характер своей медицинской практики. То, что Белкин узнал от Сумбаева, противоречило всему, чему его учили в университете. В числе шокирующих открытий Белкина было и то, что теорию психоанализа Зигмунда Фрейда можно с успехом применять в лечении пациентов с неврозами. Для Белкина, который успел усвоить, что Фрейд был просто апологетом буржуазной идеологии, а его идеи ошибочны, это стало настоящим потрясением.

Часть II

При Хрущеве

Глава 7, в которой наследники Сталина разбираются с гомосексуальностью в ГУЛАГе

1953–1959

Когда 1 марта 1953 года за окном стало темнеть, охранники Ближней дачи забеспокоились: за день Сталин так и не вышел из своих комнат и был подозрительно тих. Набравшись храбрости, один из охранников и горничная решились заглянуть к нему и стали свидетелями шокирующей сцены: вождь лежал на полу своей спальни, все еще в сознании, и издавал бессвязные звуки. Еще он обмочился. Члены Политбюро – ближайший круг Сталина – быстро прибыли на место, но им сказали, что хозяин спит, и попросили не беспокоить. Не осознав всей серьезности ситуации, они уехали. Врачей вызвали только на следующий день. Спустя еще несколько дней, 4 марта, по радио передали сообщение о болезни Сталина, а 5 марта он умер. Причиной смерти был назван обширный инсульт^[72].

Забальзамированное тело Сталина, облаченное в китель, было выставлено в Колонном зале Дома Союзов – там же, где проходило прощание с Лениным. Постамент, на котором лежал гроб, утопал в цветах. Казалось, их свезли со всего Советского Союза. Тысячи людей выстроились в очередь, чтобы проститься с диктатором, которого они одновременно боялись и боготворили. Пропаганда основательно промыла им мозги и внушила, что Сталин – непререкаемый авторитет и единственная надежда СССР на светлое будущее. Советская пресса тиражировала фотографии толп скорбящих и публиковала письма советских граждан, оплакивающих смерть вождя. По радио нацию торжественно призывали сплотиться перед лицом великой утраты.

Толпы, хлынувшие на улицы в день похорон 9 марта, были настолько огромны, что в давке погибли и пострадали сотни людей. Вскоре для поддержания порядка в столицу вошли военные. Бывшие приближенные Сталина в черных и коричневых пальто несли гроб вождя на своих плечах от Дома Союзов до Мавзолея. Каждый из них теперь думал о том, как обеспечить себе место в новом руководстве

страны, а главное – как выйти победителем из неизбежной жестокой схватки за кресло преемника.

Основными кандидатами на сталинский пост были бывший начальник тайной полиции и отпетый насильник Лаврентий Берия, ветеран Гражданской войны и протеже Сталина Георгий Маленков, а также первый секретарь Московского областного комитета КПСС Никита Хрущев, который в то время казался наименее вероятным преемником. Заявляя о своей приверженности коллективному руководству, эти трое поделили власть между собой, но в действительности каждый из них вел подковерную борьбу против остальных.

Помимо передела власти, ряд других неотложных проблем требовал внимания наследников Сталина. Одной из них был ГУЛАГ – обширная сеть трудовых лагерей, разбросанных по самым холодным и негостеприимным районам СССР. Миллионы советских граждан – уголовники, политические заключенные, женщины и дети – размещались в примитивных переполненных бараках. Их морили голодом и заставляли работать. Измотанные ужасными условиями и изнурительным трудом, заключенные часто болели и умирали.

К началу 1950-х система ГУЛАГа находилась в глубоком кризисе. Руководство на местах с трудом справлялось с растущим числом заключенных. Те, в свою очередь, все чаще саботировали работу и бунтовали. Полная реорганизация напрашивалась сама собой.

Вскоре после смерти Сталина Лаврентий Берия, который теперь руководил Министерством внутренних дел, амнистировал миллион заключенных, надеясь тем самым обеспечить себе кресло преемника. Хрущев, обеспокоенный растущим влиянием Берии, организовал против него заговор при поддержке Маленкова и ряда высокопоставленных военных. В июне 1953 года Берия был арестован и снят со всех постов. В декабре его расстреляли^[73]. Оставшиеся претенденты на место Сталина, Хрущев и Маленков, продолжили реформировать ГУЛАГ.

Освободив из трудовых лагерей тысячи заключенных, советское руководство задалось вопросом, как быстро и эффективно интегрировать их обратно в общество. Начальникам ГУЛАГа было предписано обучать заключенных новым навыкам и проводить идеологическую обработку, чтобы подготовить к освобождению. Не

менее важно было проследить за тем, чтобы бывшие зэки не тащили в новую жизнь тюремные привычки и порядки. Руководство ГУЛАГа было особенно обеспокоено проблемой гомосексуальности, опасаясь, что массовая амнистия приведет к распространению однополых отношений в СССР.

27 января 1956 года начальник ГУЛАГа Сергей Егоров подписал указание, которое было разослано по всем трудовым лагерям и колониям страны:

Главное управление лагерей и колоний МВД СССР располагает сведениями об участившихся среди заключенных (как мужчин, так и женщин) случаях мужеложства, лесбийской любви и других видов половых извращений, а также насилия и заражения сифилисом на этой почве. Считая такое положение ненормальным и могущим иметь серьезные последствия, прошу вас детально изучить это явление на месте и представить в Главное управление исправительно-трудовых лагерей и колоний МВД СССР к 15 марта 1956 года подробную докладную записку... [\[74\]](#)

Вскоре Егорову стали поступать отчеты от региональных начальников ГУЛАГа с предложениями ужесточить наказания за однополый секс, установить ночное наблюдение за койками, собирать заключенных на публичные лекции о вреде сексуальных извращений и даже криминализировать лесбийские отношения среди заключенных [\[75\]](#).

Начальники ГУЛАГа сообщали и еще об одной проблеме – широко распространенных в мужских бараках гомосексуальных изнасилованиях. Более взрослые зэки насиловали новичков, превращая их в «пассивных педерастов». Над такими «пассивными педерастами» мог надругаться любой заключенный, после чего эти несчастные молодые люди занимали самую нижнюю ступеньку в тюремной иерархии. Комментируя существование такого порядка, начальники ГУЛАГа писали: «...преступники-рецидивисты, которые из-за длительного пребывания в лагерях и тюрьмах, не имея семей и предаваясь случайным половым связям, развили порок мужеложства... их партнерами, а точнее жертвами, становятся молодые заключенные, которых преступники-рецидивисты под угрозой расправы насилуют и превращают в пассивных педерастов...» [\[76\]](#)

Несмотря на то что работа врачей ГУЛАГа была отнюдь не простой, руководство часто недооценивало их труд, ругало за высокий уровень заболеваемости в лагерях и другие нерешенные проблемы^[77]. Начальники лагерей, как правило, не заботились о здоровье заключенных, рассматривая тех исключительно как рабочую силу, повышающую общую производительность ГУЛАГа. Но теперь, когда высшее руководство подчеркивало необходимость как следует подготовить заключенных к освобождению, им пришлось изменить свое отношение к врачам и признать свою потребность в квалифицированных медиках.

Врачи ГУЛАГа, в свою очередь, охотно включались в борьбу с гомосексуальностью. По сравнению с их обычными задачами – контролем за состоянием бань и борьбой с эпидемиями, – исследование гомосексуальности казалось чем-то новым и интересным. Доктор Красуский из психиатрической больницы Ярославской исправительно-трудовой колонии посвятил этой теме целую научную статью под названием «К вопросу изучения извращенных форм половых взаимоотношений заключенных-женщин» – шестьдесят восемь страниц наблюдений и рекомендаций о том, как обращаться с лесбиянками^[78].

Красуский впервые узнал о женской гомосексуальности из бесед с женщинами-заключенными. Они обращались в тюремный лазарет за гинекологической консультацией и иногда признавались ему в романтических и сексуальных связях с другими женщинами. Красуский внимательно выслушивал пациенток, а затем советовал прекратить гомосексуальные отношения как вредные для женского здоровья^[79]. Если верить его наблюдениям, вступавшие в однополые контакты женщины жаловались на апатию, потерю аппетита и заболевания половых органов^[80]. Многие лесбиянки сталкивались с осуждением со стороны других заключенных и были вынуждены жить в постоянном страхе, что их раскроют, – это не могло не сказываться на их психическом здоровье. Больше всего, однако, Красуского беспокоило то, что гомосексуальные отношения между женщинами оказывались на редкость прочными и часто напоминали гетеросексуальный брак. Партнерши в таких отношениях ухаживали

друг за другом, писали любовные стихи и хранили абсолютную верность возлюбленным^[81].

Одна из пациенток Красуского Лариса призналась, что, когда надзиратели отправили ее партнершу в карцер, пытаясь разлучить их, она терпеливо дожидалась ее освобождения. Другие женщины, столкнувшиеся с давлением со стороны лагерной администрации за однополые романтические отношения, бунтовали, отказывались работать и не подчинялись приказам. В своей статье Красуский также писал:

Часть заключенных-женщин настолько втягиваются в однополые формы сожительства, что стремятся сохранить их и после выхода из лагеря; в некоторых случаях в результате этого разрушаются имевшиеся у них семьи, а извращенные формы однополого сожительства выходят за пределы мест лишения свободы^[82].

Как специалист он полагал, что существует несколько способов убедить женщину прекратить подобные отношения:

Интересным является то обстоятельство, что беременность и деторождение, призывая к жизни биологически заложенное в женщине стремление быть матерью, даже при наличии длительно продолжающихся извращенных форм сожительства с женщинами до возникновения беременности, решительно устраняют эти ненормальные формы половых взаимоотношений^[83].

Красуский приводил в пример свою пациентку Галину Мировую. У Мировой были сексуальные отношения с другими женщинами-заключенными, пока она не вступила в половую связь с мужчиной и не забеременела:

Представляет интерес то обстоятельство, что, освободившись из заключения, Мировая написала письмо начальнику подразделения, в котором писала, что она осуждает свое поведение в период заключения и что она теперь ведет и впредь будет вести нормальный образ половой жизни^[84].

У Красуского были и другие идеи – например, он предлагал публично отчитывать лесбийские пары перед другими заключенными:

Именно то обстоятельство, что ответ надо держать не перед администрацией, а перед своими же товарищами, где все вещи называются собственными именами и простое отрицание своей вины не приводит ни к каким результатам, в ряде случаев вызывает раскаяние и дается обещание больше не поддерживать извращенные формы половых взаимоотношений^[85].

Прочие предложения по искоренению женской гомосексуальности в ГУЛАГе включали трансляцию по тюремному радио выступлений заключенных, «ранее склонных к сексуальным извращениям, но переставших ими заниматься». Предполагалось, что это побудит других женщин последовать их примеру. Стенгазеты «о пагубном влиянии лесбиянства» на быт в колонии, по мнению Красуского, тоже могли быть эффективны^[86].

Руководство ГУЛАГа одобрило брошюру Красуского и постановило распространить ее по всем лагерям и колониям для внутреннего пользования. Однако начальники на местах к борьбе с гомосексуальностью были равнодушны. Не все из них считали, что гомосексуальные отношения вредны, а некоторым было удобнее закрывать на них глаза. Несмотря на то что руководство МВД регулярно подчеркивало необходимость борьбы с гомосексуальными отношениями в ГУЛАГе и признавало проблему на бумаге, на деле никаких мер не принималось. Впрочем, среди начальников лагерей были и те, кто подходил к вопросу со всей серьезностью.

13 мая 1959 года в Москве состоялось совещание начальников лагерей по обмену опытом работы с заключенными. Начальник Карагандинского исправительно-трудового лагеря полковник Чекин давно пытался решить проблему лесбийских отношений в своем лагере и надеялся получить на конференции совет от коллег. Он подготовил докладную записку, в которой откровенно говорилось о росте числа гомосексуальных контактов среди заключенных:

Вопрос, на котором я считаю необходимым остановиться, это борьба с лесбиянством, принявшим в лагере большие размеры. На почве ревности женщины в лагерях устраивают сцены ревности, дерутся, режутся и совершают целый ряд преступлений, кроме этого, втягивают в это дело и разлагают молодежь и не дают спокойно отбывать срок наказания другим осужденным. Практика

борьбы с лесбийской любовью у нас в лагере показала, что там, где хорошо поставлена надзорслужба, там она мало распространена. Помимо усиления борьбы с этого рода извращенной любовью по линии надзорслужбы, надо также усилить и репрессии.

Из бесед с осужденными женщинами, занимавшимися этим делом, причем активно занимавшимися, бесед с медперсоналом, другими работниками лагеря мы пришли к выводу, что устойчивых лесбиянок надо изолировать в заведения вроде спецлагпунктов, которые можно назвать... «медизоляторами», в которых создать жесткие условия содержания, чтобы фактор строгости сдерживал других от попадания туда. Нам мыслится такая организация в республиканском масштабе. Если опять вопрос «бездотационной» работы не закроет этому дорогу^[87].

Когда он зачитал записку коллегам, те посоветовали вычеркнуть весь раздел целиком и не поднимать вопрос на совещании.

«В партии не хотят о таком слышать. Можно разобраться с этими женщинами спокойно, без лишнего шума. Или просто оставить их в покое. Партии нужны результаты, а не проблемы. Вряд ли эта записка хорошо отразится на вашей карьере».

После препирательств с коллегами и некоторых раздумий Чекин, несмотря на приложенные усилия, решил вычеркнуть из записки все, что касалось однополых отношений. Действительно, к концу 1950-х в руководстве МВД очень хотели услышать, что вся незаконная деятельность в ГУЛАГе – а однополые отношения между женщинами относились именно к этой категории – ликвидирована. При этом гомосексуальные отношения в лагерях, безусловно, никуда не исчезли – их просто игнорировали.

К 1962 году Хрущев значительно сократил ГУЛАГ, разбив его на сеть колоний-поселений. Условия жизни заключенных и уровень медицинского обслуживания улучшились, однако гомофобия в советской уголовно-исправительной системе и жесткая тюремная иерархия, основанная на подчинении и изнасилованиях, никуда не делись^[88].

Глава 8, в которой происходит убийство

Ленинградская область, 1955

Рядовой Михаил Ермолаев устал и был измучен. Дело было в ноябре, и холода стояли невыносимые даже по меркам русской зимы^[89]. Ермолаев и его сослуживцы – всем чуть больше двадцати – боролись с колючим ветром и медленно пробирались сквозь плотный снег. К концу дня они наконец-то добрались до места назначения – деревушки Рахья под Ленинградом, на пути к военной базе. Солдаты искали, где переночевать и поужинать. А если получится – то и развлечься.

– Товарищи, мне друг сказал, тут недалеко танцы! – крикнул один из них. – В женском общежитии, в 18-м бараке. Много красивых девушек!

Послышались одобрительные возгласы: солдаты успели истосковаться по женскому обществу. В тот вечер в бараке № 18 действительно были танцы: патефон, водка и много молодых симпатичных женщин, мечтавших о женихе в погонах. После войны найти такого мужа было нетривиальной задачей.

Ермолаев налегал на еду и выпивку. Он так устал, что довольно быстро опьянел. Выйдя на улицу покурить, он вдруг почувствовал, что все вокруг закружилось, споткнулся и схватился за фонарный столб. Его вырвало. Потом еще раз. Потом он упал, и его снова вырвало. Ермолаев почти потерял сознание и не знал, сколько времени провел на улице. Тут он услышал за спиной мягкий голос:

– Бедолага. Не надо было тебе столько пить.

Пытаясь подняться, Ермолаев повернул голову и увидел коренастого лысеющего мужчину средних лет с широкой дружелюбной улыбкой.

– Ты кто? – только и смог выдавить из себя Ермолаев перед очередным приступом рвоты.

– Я Алексей, живу здесь. Тебе бы отдохнуть, у меня комната в бараке неподалеку.

– А где все?

– Они уже ушли, за водкой, наверное. Сказали, что тебе плохо, и попросили за тобой присмотреть. Тебе нужно отдохнуть. Пойдем, я

помогу.

Алексей помог Ермолаеву встать, перекинул его руку через плечо, и они поковыляли к соседней избе. Это была баня, где Алексей работал истопником. Жил он там же, в крошечной комнатухе рядом с душевой.

Хозяин осторожно уложил Ермолаева на свою кровать, и тот моментально уснул. Алексей лег рядом. Среди ночи Ермолаев проснулся – ему показалось, что кто-то возится с его ремнем, пытаясь стянуть штаны. Голова кружилась, всё плыло. Ермолаев напряг зрение. В темноте над ним навис Алексей, тот самый незнакомец, что привел его в эту комнату.

– Ты... ты что делаешь? – Ермолаев попытался сесть, но тут же рухнул обратно, всё еще очень слабый.

– Давай ты сверху! – Алексей пытался стащить с Ермолаева брюки и схватить его вставший член. – Засади мне сзади! – скомандовал он, лежа на живот.

Ермолаев неуклюже вскарабкался на Алексея, но вдруг почувствовал, что его тошнит. Задышавшись, он упал обратно на спину.

– Не могу... – пробормотал он. – Мне плохо.

– Тогда давай я, перевернись.

Солдат послушно лег на живот. Алексей навалился на Ермолаева, но под его весом тот почувствовал себя еще хуже.

– Слезь! Я не хочу. Слезай сейчас же! – Ермолаев собрал все силы, чтобы сбросить с себя Алексея. Он натянул штаны и отвернулся к стене. – Оставь меня в покое!

Алексей не настаивал и больше не пытался заняться сексом с рядовым. Оба уснули. Через несколько часов Ермолаев наконец проснулся. Было еще темно. Алексей лежал рядом. Его грудь ровно поднималась и опускалась, он мирно спал. Ермолаев прочистил горло, сел на кровати и потянулся за сапогами.

– Ты куда? – Алексей поднялся с постели.

– Меня ребята ждут, – ответил Ермолаев. – Нам рано выезжать, надо успеть на поезд. Вот. Не теряй.

Он нацарапал на листке бумаги свой адрес и протянул его Алексею. Дверь со скрипом открылась, и Ермолаев вышел на улицу. Он прошел к барaku, где накануне вечером были танцы. Его сослуживцы курили рядом.

– Как спалось? – спросил один из них, кивая в сторону барака Алексея. – Говорят, он и мужик, и баба.

– Да, точно педераст, – поддакнул Ермолаев и тут же неловко сменил тему: – Мы на поезд не опаздываем?

Все закивали, соглашаясь, что пора выдвигаться. Солдаты докурили, потушили окурки и пошли к вокзалу.

Алексей Киселев никогда толком не понимал, почему его тянет к мужчинам, да и не пытался разобраться в природе этого влечения. Однако он знал наверняка, что эта его особенность осложняет ему жизнь и ее лучше скрывать. В Рахье, где жил Алексей, про него ходили всякие слухи, но его это не беспокоило. Многие в деревне считали, что Алексей «с приветом», и сплетничали о том, что он любит солдат и ведет себя как женщина^[90]. В 1950-х годах тема гомосексуальности была глубоко стигматизирована и люди говорили об этом иносказательно.

Киселев всегда был равнодушен к мужчинам в форме, и, к его счастью, в Рахье часто оставались на ночь солдаты, которые были не прочь погулять с девушками из 18-го барака. Девушкам было чуть за двадцать, они работали уборщицами в местном торфозаготовительном тресте. Барак, где они жили и устраивали вечеринки, имел репутацию места, где можно легко найти себе подругу на ночь за небольшой подарок, и солдаты, чей путь на базу лежал через Рахью, очень его жаловали^[91]. Киселев часто заглядывал на эти вечеринки, чтобы завязать знакомство с очередным солдатом и пригласить того к себе домой. И хотя большинство оставались равнодушными к его ухаживаниям, некоторые принимали приглашение.

Девушки из общежития против компании Киселева не возражали: он часто приносил с собой патефон, с которым вечеринки становились веселее. Они знали, что Киселеву нравятся солдаты, поэтому не видели в нем угрозы, переодевались при нем и сплетничали о мужчинах.

Морозным вечером в январе 1955 года Алексей заглянул в барак № 18, где в самом разгаре была очередная вечеринка. Внутри все было как всегда: девушки и солдаты, столпившиеся вокруг большого деревянного стола, сигаретный дым, водка и закуска. Киселев завел патефон и сел за стол. Ему сразу же предложили рюмку водки, которую он одним махом выпил. После этого Алексей огляделся:

многие были ему знакомы, так как некоторые солдаты наведывались в общежитие регулярно и уже бывали в деревне. В дальнем конце стола сидел молодой (на вид лет двадцати), красивый широкоплечий парень с резко очерченными скулами. Он сразу привлек внимание Киселева: Алексей никогда раньше его не видел. В отличие от других солдат, он не приударял за девицами и выглядел трезвым. С серьезным видом он молча наблюдал за происходящим и, казалось, был отнюдь не в восторге от вечеринки.

Киселев опрокинул еще одну стопку и бросил взгляд на свою приятельницу Ольгу. Та уже поняла, что у Алексея на уме. Он собирался попросить представить его молчаливому юноше. Ольга к подобным просьбам Киселева привыкла, ей даже казалось забавным наблюдать, как он знакомится с ничего не подозревающими солдатами.

Знакомство состоялось: солдат представился Давидом Морозовым, и они с Алексеем пожали друг другу руки.

– Будем дружить, – сказал Киселев, глядя Давиду прямо в глаза. Рукопожатие у того было крепким, и одно прикосновение к его ладони взволновало Киселева. Он еще немного подержал руку нового знакомого в своей и улыбнулся, отчего Давиду стало неловко.

– Заходите как-нибудь в гости – я тут живу неподалеку, при бане. У меня сестра-красавица. Собственно говоря, можете заглянуть даже сегодня вечером, мы вам будем рады. Приятного вечера. – Он пожал Морозову руку и направился к выходу.

Когда Киселев ушел, Ольга разразилась смехом. Она была уже пьяна. Видя, что Морозов ждет объяснений, она сказала:

– Да нет у него никакой сестры. И вообще он женщин не любит. Он такой приветливый только с солдатами вроде вас. – Она снова рассмеялась, а затем потащила смущенного Морозова танцевать.

В ту ночь Морозов не пошел к Киселеву, а утром вместе с другими солдатами уехал из Рахьи. Но по дороге на базу он не переставал думать о странном человеке, которого встретил накануне вечером; было в Киселеве что-то интригующее и притягательное. Морозов не мог сказать, что именно: то ли манера поведения, то ли голос или взгляд. Другие солдаты, видевшие, как Морозов пожимал Киселеву руку, предупреждали Давида, что этот человек любит «соблазнять» солдат, и советовали держаться от него подальше, но, несмотря на это, во время последующих визитов в женское общежитие Морозов по-

приятельски болтал с Киселевым. Каждый раз при встрече Киселев просил Морозова остаться на ночь в его комнате при бане. В течение девяти последующих месяцев Морозов бывал в бараке № 18 несколько раз. В ноябре, во время очередного визита, он рассказал Киселеву, что собирается демобилизоваться и что женился на женщине, которая живет неподалеку от Рахьи. Эта новость опечалила Киселева, но он все-таки пригласил Морозова послушать патефон в своей комнате, – правда, опять безрезультатно. Однако 13 декабря 1955 года, когда Морозов и Киселев снова столкнулись в бараке № 18, Давид неожиданно принял приглашение.

В тот вечер Морозов был, как всегда, трезв, несмотря на многочисленные попытки сослуживцев и самого Киселева напоить его водкой. Они ушли с вечеринки очень рано и отправились в баню, где в своей крошечной комнате Киселев завел патефон и пожарил картошку. Все это время Морозов лежал на кровати Киселева, изредка выходя покурить и насвистывая в такт музыке. После ужина, за которым они почти не разговаривали, Морозов снял сапоги и рубашку и лег на кровать. Киселев тоже разделся, погасил керосиновую лампу и лег рядом с Морозовым. Морозов, казалось, мгновенно уснул, но Киселеву не давали покоя разные мысли. Неужели Морозов такой же, как он? Почему он остался на ночь, если теперь женат, а жена живет меньше чем в километре от Рахьи?

Где-то через полчаса Киселев решил рискнуть. Морозов не издавал ни звука и, казалось, спал. Киселев попробовал ухватить его за промежность, но тот мягко оттолкнул его руку. Тогда Киселев приподнялся на кровати и попытался забраться на Морозова. Давид открыл глаза, его лицо исказилось от ярости.

– Отвали, дай поспать! – прорычал Морозов и отвернулся.

Киселев пожирал Морозова глазами, сердце билось все чаще. Морозов был абсолютно трезв. До этого дня Киселев всегда следил за тем, чтобы его гости были в подпитии. Приставания к трезвому солдату могли привести к конфузам и малоприятным поворотам. На какое-то время голос разума возобладал, и Киселев не поддался порыву склониться к Морозову. Но его тут же пронзила мысль: если этот человек здесь не за тем, что нужно Киселеву, почему он не вернулся к своей жене, которая живет совсем рядом? Почему он решил прийти к Киселеву, человеку, которого он едва знал и который

так недвусмысленно намекал на возможность сексуальной близости? Давид определенно пришел сюда не просто так, даже если не мог самому себе в этом признаться.

Морозов лежал на боку лицом к стене. Киселев решил подождать. Если ничего не произойдет, скорее всего, будучи трезвым, Морозов не может решиться сделать то, чего ему так хочется. Киселев прождал почти час и снова попытался дотронуться до гостя. На этот раз Морозов пришел в ярость – он все еще не спал.

Дальше произошло страшное. Морозов поднялся и несколько раз ударил Киселева в живот, повалив на пол. Затем он сорвал с себя ремень, обмотал его вокруг шеи Киселева и одним рывком затянул. Киселев, не понимая, что происходит, попытался снять ремень, но получил еще несколько ударов от Морозова. Морозов стягивал ремень на шее Киселева до тех пор, пока тот не перестал шевелиться. Когда его лицо посинело, Морозов подвесил тело за ремень на крючок для одежды, забрал патефон и ушел.

На следующий день, 14 декабря 1955 года, работавшая в бане в дневную смену Галина Логинова обнаружила висящего Киселева и сразу же вызвала милицию. Не найдя следов насильственных действий или взлома, милиция пришла к выводу, что Киселев покончил жизнь самоубийством, и прекратила расследование^[92].

Однако четыре года спустя, в 1959 году, во время одного из плановых рейдов милиция задержала Морозова. При обыске у него обнаружили краденые вещи, в том числе патефон Киселева. Патефон вскоре опознала женщина, которая продала его Киселеву. Морозов сразу же признался в убийстве и рассказал обо всем, что произошло в ночь, когда он оставался в комнате Киселева при бане. Он утверждал, что Киселев пытался обнимать его и трогать за пенис и что сексуальные домогательства вынудили его защищаться и в конце концов задушить Киселева^[93].

Следователей не убедили заверения Морозова, что он не искал близости с Киселевым. Им было трудно поверить, что на протяжении девяти месяцев с момента первой встречи и непосредственно в ночь убийства между мужчинами не было сексуальной связи. В милиции также выяснили, что Киселев писал Морозову письма, пока тот служил в армии. Наконец, следователи сочли подозрительным, что Морозов, вместо того чтобы вернуться домой к жене, предпочел остаться в

компании человека с сомнительной репутацией, о котором судачили все в деревне.

Из разговоров с местными и теми, кто знал Киселева лично, следователи сделали вывод, что гомосексуальность Киселева ни для кого в Рахье не была секретом, однако в разговоре о нем все предпочитали использовать эвфемизмы вроде «чудаковатый» или «с приветом». Николай Воронин, слесарь, который был знаком с Киселевым на протяжении пяти лет, признался: «В разговоре Киселев постоянно говорил о себе в женском роде... Мне было известно, что он любит солдат и часто проводит с ними время»^[94]. Прачка Логинова вспомнила еще одну особенность покойного: «Когда я работала в бане, то замечала, что Киселев никогда не моется в мужской день, и, насколько я знаю, он никогда не мылся даже с другими мужчинами, работавшими в бане, а всегда старался мыться один»^[95]. Свидетельница Михайлова добавляла, что «сам Алексей иногда рассказывал, как у него на ночь оставался какой-нибудь лейтенант, а потом смеялся, так что нельзя было понять, всерьез он или нет»^[96]. Истопница Быстрова бросила, что Киселев как-то сказал ей, что «некоторые солдаты кажутся ему очень красивыми», но тут же оговорила, что не знает, что он имел в виду ^[97].

Директор бани Ирина Ваганова на допросе тоже вела себя напряженно: «Киселев... был очень нервным человеком. Дружил с солдатами. Я даже ругала его за это – за то, что он приглашал их приезжать и останавливаться у него...»

Хотя в суде Морозов утверждал, что лишь защищал себя от сексуальных домогательств Киселева, судья вынес следующее решение: «Суд установил, что личные отношения между Киселевым и Морозовым с совершением актов мужеложства длились в течение некоторого времени. Этот факт подтвержден судебной медицинской экспертизой, поэтому в попытках Киселева вступить с подсудимым в половой контакт не было ничего неожиданного или возмутительного для последнего»^[98].

В 1959 году Морозов был осужден за убийство, кражу и мужеложство.

Глава 9, в которой советские юристы призывают к декриминализации мужеложства

Москва, 1959

После ареста Лаврентия Берии в июне 1953 года Хрущев стал сосредотачивать власть в своих руках. В 1955 году он сместил Маленкова со всех руководящих постов и стал единоличным лидером партии. В 1956 году на закрытом заседании XX съезда КПСС Хрущев выступил перед ответственными партийными работниками с шокирующим секретным докладом, объявив делегатам, что всеми превозносимый Сталин был вовсе не отцом нации и небожителем, а самовлюбленным и трусливым тираном, убийцей миллионов советских граждан. Хрущев обвинил Сталина в самовольных арестах высокопоставленных чиновников, провале подготовки к нацистскому вторжению, массовых депортациях и многих других тяжких преступлениях. Он подчеркнул, что все это произошло из-за формирования «культа личности» Сталина и нарушения им «социалистической законности». Речь Хрущева потрясла советских чиновников и повергла их в глубочайшее смятение. Некоторые делегаты перенесли сердечный приступ, другие и вовсе позже застрелились. Секретный доклад Хрущева и его отречение от сталинского террора ознаменовали начало нового периода, вошедшего в историю как оттепель.

В период оттепели советское общество претерпело значительные изменения. Хрущев реабилитировал политических заключенных, предоставил – пусть и ограниченную – свободу прессе и открыл страну для остального мира. Иностранцы приезжали в СССР для участия в фестивалях, некоторые советские граждане могли выезжать за границу. Пытаясь решить проблему жилья, Хрущев развернул кампанию по массовому строительству. В городах стали появляться новые жилые кварталы, и многие советские граждане, до сих пор жившие в коммунальных квартирах и бараках, теперь наконец получили возможность уединиться в собственных квартирах.

Кроме того, Хрущев инициировал изменения в законодательстве и правовой практике, а также формах отправления правосудия. В частности, он осудил безжалостный террор и беспощадные репрессии сталинской эпохи и способствовал формированию профессиональной и гораздо менее подверженной произволу системы уголовного правосудия, основанной на строгом следовании закону. Он лишил тайную полицию полномочий проводить расследования без внешнего контроля со стороны других органов. В специализированные университетские программы и исследовательские институты вернулась криминалистика, успевшая зачахнуть за годы сталинского террора^[99]. Криминологи обучали следователей и сотрудников милиции профессионально расследовать уголовные дела и обращали особое внимание, что для вынесения обвинительного приговора необходимо собрать достаточное количество доказательств. В целом, несмотря на то что советская правовая система оставалась целиком и полностью тоталитарной, при Хрущеве советский гражданин был гораздо в большей степени защищен от милицейского произвола и ложных обвинений и мог куда меньше опасаться, что ночью к нему нагрянут сотрудники спецслужб.

Хрущев также поставил задачу пересмотреть Уголовный кодекс сталинской эпохи, чтобы он отвечал частичной либерализации общества. Во всех республиках были созданы специальные юридические комиссии, куда вошли видные юристы и правоведы. Им предстояло решить, какие республиканские нормы оставить в силе, а какие – отменить.

23 июля 1959 года подкомитет юридической комиссии РСФСР под председательством сорокатрехлетнего Бориса Никифорова, члена Московской городской коллегии адвокатов, рассматривал внесение изменений в статью о мужеложстве. Никифоров предложил сократить максимальный срок наказания за добровольное мужеложство с пяти до трех лет. Никто не возражал, поэтому изменения были внесены^[100]. Никифоров выступил с такой инициативой, поскольку как юрист не понаслышке знал, с какими трудностями было сопряжено применение старой статьи, предусматривающей наказание за добровольное мужеложство. Действительно, если двое взрослых людей занимаются гомосексуальным сексом по обоюдному согласию, каковы основания для возбуждения уголовного дела? Как следователи могут на практике

вести такие дела? Смысл столь бесполезного законодательного акта был для Никифорова просто непостижим.

Не один Никифоров понимал коварство части первой статьи 154а, криминализирующей добровольное мужеложство. Другие криминологи также открыто выражали свои опасения, что виновность в таком преступлении фактически невозможно установить. Так, авторы опубликованного в 1958 году пособия «Расследование половых преступлений» писали: «За добровольное мужеложство уголовную ответственность несут оба субъекта, ввиду чего они стремятся скрыть совершенное ими преступление и никаких показаний, способствующих его раскрытию, обычно не дают. Свидетели – очевидцы преступления – встречаются весьма редко. Поэтому при расследовании таких преступлений в основном приходится иметь дело с косвенными доказательствами...»^[101]

Судебно-медицинские эксперты, в чьи обязанности часто входило обследование подозреваемых в мужеложстве, тоже сталкивались с серьезными затруднениями. Как правило, они не могли обнаружить никаких следов на теле подозреваемого и даже дать какой-либо разумный совет следователю, который столкнулся с подобным делом и пытался найти доказательства преступления. Как и сам запрет на добровольное мужеложство, их рекомендации в таких случаях были лишены смысла. Один из ведущих судебно-медицинских экспертов СССР Михаил Авдеев в своем руководстве «Судебная медицина» 1951 года описал, как должны рассуждать судебно-медицинские эксперты и следователи при рассмотрении дел о добровольном мужеложстве. В качестве примера он привел реальный уголовный процесс. Василий Виноградов был задержан по обвинению в мужеложстве. Следователи выяснили, что в период с 1937 по 1941 год Виноградов проживал с женщиной, с которой имел половой контакт раз в неделю. В это время он также встречался с мужчинами, с которыми вступал в половую связь в качестве как активного, так и пассивного партнера. Следователи направили Виноградова на судебно-медицинскую экспертизу, чтобы получить доказательства, необходимые для обвинительного приговора. Осмотрев подозреваемого, судмедэксперты пришли к выводу, что он вполне мог совершить акт мужеложства, – исключительно на основании того, что Виноградов был здоров:

При освидетельствовании Виноградова В. В. проявлений венерических болезней у него не обнаружено. Наружные половые органы у него развиты нормально. В строении их не отмечается каких-либо врожденных или болезненных изменений, которые препятствовали бы ему совершать активный половой акт. Виноградов не отрицает, что эрекции полового члена у него бывают. Физических недостатков, которые служили бы препятствием к пассивному совершению полового акта, у него не обнаружено. Ясных следов пассивного мужеложства также не отмечается^[102].

Опираясь на подобные заключения, любого мужчину без нарушений эрекции можно было признать виновным в мужеложстве в качестве активного партнера. Аналогично, если физических особенностей, препятствующих сексуальному проникновению, не обнаруживалось, человека можно было обвинить в пассивном мужеложстве, что лишь свидетельствовало об абсурдности этого закона и потенциальных злоупотреблениях. Никифорову были известны все эти проблемы, и он искренне считал отмену столь двусмысленной статьи правильным решением, которое как нельзя лучше согласовывалось с возрождением принципов социалистической законности в советском правосудии.

Однако Никифоров также понимал, что если он открыто выступит за отмену этого закона, то подвергнет себя опасности, несмотря на всю его абсурдность. Такой шаг, безусловно, вызвал бы недовольство и даже мог стоять ему карьеры. Несмотря на общее смягчение политического климата при Хрущеве, секс – не говоря уже о гомосексуальности – по-прежнему оставался запретной темой. Многочисленные коллеги Никифорова – партийные чиновники и правоведаы – придерживались весьма консервативных взглядов и на предложение отменить уголовное наказание за добровольное мужеложство могли отреагировать непредсказуемо. Попытка вступить за гомосексуалов немедленно вызвала бы вопрос, не относится ли к их числу сам защитник, – со всеми вытекающими последствиями.

Несмотря на то что Никифоров ожидал возражений со стороны коллег, таковых не возникло. Никто ничего толком и не сказал – казалось, тема настолько всех смущала, что хотелось скорее перейти к

следующему вопросу. Изменения, внесенные в закон комиссией Никифорова, однако, не были окончательными – их предстояло утвердить в юридической комиссии РСФСР.

Через месяц, 27 августа 1959 года, состоялось заседание комиссии. На этот раз председательствовал уже не Никифоров, а Алексей Герцензон, выдающийся профессор Института государства и права, автор множества статей по уголовной социологии. У Герцензона за плечами был огромный юридический опыт. В состав комиссии вошли и другие известные ученые, в том числе Никифоров. После утомительного обсуждения других вопросов, стоявших на повестке дня, комиссия перешла к статье о мужеложстве.

– Итак, мужеложство, – объявил Герцензон, глядя через стол на других членов комиссии. – Какие будут предложения по первой части?

Никифоров сглотнул и поднял руку. Ему наконец представился шанс выразить свои сомнения по поводу действующей нормы, но все же высказать все, что он думает, оказалось не так просто.

– Совершенно непонятна норма по первой части, – сухо сказал он.

– Первую часть можно исключить, – сказал кто-то. Никифоров повернулся на голос. К его удивлению, инициативу поддержал ученый Степичев. Никифоров догадывался, что не только ему эта статья не по душе, и был рад убедиться в своей правоте. Он даже подумал, что мог бы и сам набраться смелости и предложить убрать первую часть, но не возражал против того, чтобы ответственность за предложение взял на себя кто-то другой. Никифоров кивнул и посмотрел через стол на Герцензона.

– Есть предложение исключить первую часть. Голосую. Кто за исключение первой части? – Герцензон обвел взглядом собравшихся.

Никифоров был почти уверен, что его инициатива не встретит возражений, как и месяц назад в комиссии, которую он возглавлял, однако надежды рухнули, когда он услышал мнение другого коллеги:

– Нельзя эту норму исключать. На каком основании вы хотите это сделать? – сурово заметил товарищ Коротков, сидевший по другую сторону стола.

– Будем открывать дискуссию или нет? Кто за открытие дискуссии по данной статье? – спросил Герцензон.

Никифоров и Степичев подняли руки. Убедившись, что остальные двенадцать членов комиссии не горят желанием обсуждать статью,

Герцензон, который и сам чувствовал определенный дискомфорт, сказал:

– Дискуссию не открываем... Значит, статья остается.

Герцензон бросил взгляд на проект комиссии Никифорова, в котором предлагалось смягчить существующие наказания за добровольное мужеложство.

– По существу какие предложения? Тут снижен срок наказания по сравнению с действующей статьей. Лишение свободы до трех лет или высылка до трех лет. Как, товарищи, принимаем мы первую часть?

В зале снова повисла тишина. Никифоров ожидал, что кто-нибудь предложит пересмотреть предложенные сроки, но никто не возражал.

– Принимаем. По второй части есть замечания? Нет замечаний. Статья принимается целиком, – с облегчением выдохнул Герцензон^[103].

Несмотря на то что ему не удалось добиться отмены первой части статьи, Никифоров был доволен, что получилось хотя бы смягчить наказание за добровольное мужеложство – сократить срок лишения свободы с пяти до трех лет. Через год, когда республиканские уголовные кодексы были приняты окончательно, Никифоров получил копию Уголовного кодекса РСФСР. Листая его, он радовался, что многие статьи были изменены и приведены в соответствие с государственным курсом на социалистическую законность. Однако, дойдя до статьи о мужеложстве – в новом Уголовном кодексе она получила новый номер, 121, – Никифоров был потрясен.

Статья 121. Часть 1

Половое сношение мужчины с мужчиной (мужеложство) наказывается лишением свободы на срок до пяти лет.

Изменения, инициированные его комиссией, а затем одобренные комиссией Герцензона, были полностью проигнорированы, и статья осталась такой же, как при Сталине, сохранив максимальное наказание за мужеложство – пять лет лишения свободы.

«Должно быть, произошла ошибка! Мы сократили наказание до трех лет!» – подумал Никифоров. Он поднял этот вопрос при встрече с Герцензоном.

– Алексей Адольфович, как вы помните, моя комиссия предложила внести изменения в статью о мужеложстве, снизив максимальное

наказание за это преступление с пяти до трех лет лишения свободы. Ваша комиссия эти изменения одобрила. Похоже, в моем экземпляре Уголовного кодекса ошибка, потому что статья осталась прежней, без изменений.

– Это не ошибка... Кому-то там наверху не понравились эти изменения, и он их вычеркнул. Как мне сказали, решение было принято в последнюю минуту. Я не знаю, кто конкретно его принимал, но этот человек был в ярости. Кто-то в партии явно хочет сохранить эту статью, не спрашивайте меня почему – я не знаю. Лично я согласен с вами: часть, касающаяся добровольного мужеложства, нецелесообразна.

В других советских республиках, где работали аналогичные юридические комиссии, относительно статьи за мужеложство возникали разные предложения. Юридическая комиссия Латвийской ССР, собравшаяся 24 марта 1960 года, получила от местной милиции предложение криминализировать женскую гомосексуальность, обоснованное тем, что «в практике часто встречаются случаи удовлетворения половой страсти между лицами одного пола в формах, не входящих в понятие “мужеложство”, но тем не менее также представляющих общественную опасность»^[104]. Предложение было рассмотрено латвийскими правоведами и даже отправлено на согласование в Москву, но впоследствии было отклонено. Московским правоведам и властям женская гомосексуальность опасной не казалась. Несмотря на то что в 1959 году юристам не удалось декриминализировать добровольное мужеложство, в последующие десятилетия предпринимались новые попытки это сделать.

Глава 10, в которой советские психиатры пытаются лечить женскую гомосексуальность

Караганда, 1960

В 1960 году молодой амбициозный психиатр из Караганды Абрам Свядош решил провести медицинское исследование гомосексуалов. Свядош всегда интересовался вопросами сексологии, в особенности гомосексуальности, и единственный на кафедре психиатрии Карагандинского медицинского университета занимался такими необычными темами. Это было неудивительно: после прихода к власти Сталина сексологические исследования в СССР практически сошли на нет, и секс не считался предметом, достойным изучения.

По мнению советского руководства той эпохи, если людям нужно было узнать, что такое секс, им стоило учиться на собственном опыте или обратиться к Большой советской энциклопедии (1940), а именно – к статье о «сексуальной жизни», в которой говорилось о том, как перенаправлять свою сексуальную энергию на что-то продуктивное:

Система воспитания детей и подростков в СССР основана на культивировании горячей любви к родине, чувства товарищества, любви к труду, духовных запросов в области искусства, уважения к женщине как к сотоварищу по труду. Создана масса творческих импульсов, отвлекающих внимание молодежи от чрезмерных половых увлечений и направляющих ее энергию на радостный труд и здоровый отдых, сочетающийся с физической культурой^[105].

После смерти Сталина, на фоне частичного ослабления цензуры и жесткого идеологического контроля, некоторые советские врачи стали возвращаться к до сих пор запрещенным сексологическим исследованиям. В основном они сосредоточились на проблемах мужской импотенции и женского бесплодия, однако некоторые, в том числе Абрам Свядош, заинтересовались более экзотической темой – гомосексуальностью. Свядош увлекся этим вопросом, прочитав исследование американского сексолога Альфреда Кинси «Половое поведение самца человека», опубликованное в 1948 году. Работа Кинси

раскрыла шокирующую правду: 37 % американских мужчин в тот или иной момент жизни имели сексуальный контакт и достигали оргазма с другим мужчиной^[106]. В то время как на Западе эти данные вызвали ажиотаж, советские ученые отнеслись к ним практически равнодушно. У них не было желания заниматься буржуазными исследованиями секса, не говоря уже о гомосексуальности, которая в СССР была наказуемым преступлением и запретной темой. Кроме того, большинство советских психиатров просто не знали английского.

Свядош, в отличие от большинства своих коллег, не хотел работать в изоляции от западных психиатрических исследований, поэтому старался быть в курсе последних тенденций и открытий. Несмотря на то что работа Кинси не была официально опубликована в СССР, Свядош сумел тайно провезти ее в страну и перевести на русский.

Открытия Кинси не давали Свядошу покоя. Они вдохновили его провести исследование аналогичного масштаба в советских реалиях. Свядош очень хотел проверить выводы Кинси о гомосексуальном поведении мужчин и выяснить, сопоставима ли доля вовлеченных в гомосексуальное поведение советских мужчин с американской статистикой. Он прекрасно понимал, что в отличие от заокеанского коллеги ему придется согласовывать проект с партийным руководством, которое, скорее всего, обвинит его в сексуальной распушенности и раскритикует исследование.

Свядошу также было ясно, что, пока мужская гомосексуальность в СССР официально считается уголовным преступлением, об исследовании этого вопроса и даже поиске кандидатов для участия в таком исследовании не может быть и речи. Настолько скандальная работа могла даже поставить под угрозу его собственную карьеру. Партийное руководство и большинство его коллег считали гомосексуальность постыдным и отвратительным извращением, не заслуживающим научного изучения, поэтому проект неизбежно оказался бы сопряжен с рисками и множеством проблем.

По сравнению с мужской гомосексуальностью женская казалась куда более доступной для исследования темой, особенно если учесть, что правоохранительные органы либо считали, что эта проблема вовсе не заслуживает внимания, либо относили ее к сфере компетенции врачей. Поэтому исследование лесбиянок не вызвало бы такого количества вопросов, как исследование мужской гомосексуальности.

Вместе с тем Свядош знал о растущем интересе к научному исследованию женской гомосексуальности в ГУЛАГе и попытках искоренить однополые отношения между заключенными-женщинами. Несмотря на то что сам Свядош никогда не работал в системе ГУЛАГа, недалеко от Караганды находился один из крупнейших трудовых лагерей. Местные медики поддерживали профессиональные связи с Карагандинским медицинским университетом и были лично знакомы со Свядошем. Они часто рассказывали ему о проблемах с лесбиянками и желании начальства решить этот вопрос.

Свядош привлек к работе одну из своих молодых практиканток, начинающего психиатра Елизавету Деревинскую, девушку застенчивую и робкую. Поскольку объектом исследования была женская гомосексуальность, Свядош решил, что женщина-исследователь сможет проявить больше сочувствия к другим женщинам и глубже разобраться в их проблемах. Кроме того, так участницы исследования испытывали бы меньше дискомфорта при гинекологических осмотрах и вмешательствах.

Найти участниц оказалось несложно – благодаря связям в Карлаге Свядош смог привлечь к исследованию несколько десятков гомосексуальных женщин-заключенных^[107]. Он также пригласил пациенток из своей медицинской практики, которые в процессе лечения от психических расстройств признавались, что испытывают сексуальное влечение к женщинам. Всего за период с 1954 по 1964 год Свядошу и Деревинской удалось обследовать в психиатрической клинике Карагандинского медицинского университета девяносто шесть лесбиянок^[108].

Несмотря на то что внешний вид большинства женщин поначалу поразил Деревинскую – их мускулистые руки, татуировки и мужская манера говорить показались ей отталкивающими и возмутительными, – вскоре она привыкла к их внешности и даже прониклась симпатией к самим женщинам и их историям. Она внимательно записывала их и перепечатывала. Особенно сильное впечатление на Деревинскую произвела история Кристины, крепко сложенной женщины лет тридцати пяти:

Была случайная связь с мужчиной, об этом говорит неохотно. Никогда не чувствовала влечения к лицам другого пола, не

испытывала удовольствия от близости мужчины. По отношению к женщинам чувствовала себя мужчиной. Выдавала себя за мужчину, получила паспорт, в котором было указано, что она мужчина, носит мужское имя Андрей Петрович, зарегистрировала брак с женщиной.

Во внесексуальной жизни не выполняет женской работы, занимается только мужским трудом (рубит дрова, ремонтирует обувь). Требуется к себе внимания, однако с «женой» ласкова, нежна, жалеет ее. Часто преподносит ей подарки^[109].

В отделении больная спокойна, общительна, стесняется раздеваться при других больных. Разглядывает молодых женщин, делает им комплименты. Утверждает, что уже теперь не способна влюбиться в других, так как безумно привязана к своей «жене»^[110].

Деревинская не понимала, как женщина может носить мужскую одежду и даже сменить имя в паспорте на мужское. И она не могла себе представить двух женщин, которые живут вместе как супружеская пара.

Спустя три года после беседы Деревинская и Свядоц навестили Кристину в доме, где она жила со своей партнершей. Женщины рассказали, что они счастливы. Кристина с гордостью сообщила Деревинской, что работает охранницей и что они даже собираются переехать к родственникам жены, с которыми у них сложились теплые отношения^[111].

В своих записях Деревинская делила опрошенных на две категории: тех, кто в отношениях играл роль мужчины, она называла «активными» лесбиянками, а тех, кто играл роль женщины, – «пассивными». «Активные» обладали ярко выраженными мужскими чертами: характерным строением скелета, узкими бедрами, хорошо развитой мускулатурой, низким голосом и мужским типом роста лобковых волос. Во время полового акта они раздевали партнерш, переносили их в постель на руках и были активны в ласках. «Активные» лесбиянки требовали от «пассивных» партнерш полного повиновения. Окончательное решение всегда оставалось за ними. Они распоряжались семейным бюджетом, в том числе и теми деньгами, что зарабатывали партнерши. «Активные» презирали домашние обязанности, которые считались женскими, и предпочитали вместо

этого выполнять мужскую работу: рубить дрова, ремонтировать заборы и дороги. Они ревновали своих «жен» как к мужчинам, так и к женщинам и старались не оставлять их одних. Если партнерши ложились на лечение в больницу, они часто навещали их, носили букеты цветов и передачи с едой.

Лесбиянки, которых Деревинская классифицировала как «пассивных», напротив, выглядели более мягкими. У них была женственная походка. Многие заплетали длинные волосы в косы и любили, когда «мужья» носили их на руках. Они стирали одежду, убирали комнаты и накрывали на стол к возвращению «мужей» домой. Они даже покорно сносили побои и оскорбления от «активных» партнерш. Все «пассивные» лесбиянки носили исключительно женские платья, любили кольца, серьги и браслеты^[112]. Многие из них в прошлом вели гетеросексуальную жизнь и даже имели детей, но, как правило, отзывались о них холодно и часто даже не знали, где те находятся^[113].

Именно из-за «активных» лесбиянок Деревинская иногда ощущала себя не в своей тарелке. Неловкость у ученой вызывал не только их внешний вид, но и поведение. Одна из таких женщин, Маша, открыто флиртowała и ухаживала за ассистенткой Деревинской Татьяной. Она даже писала ей любовные письма. Как-то во время беседы с Деревинской Маша призналась, что у нее появилось эротическое влечение к Татьяне, и потребовала видаться с ней чаще. Деревинская пресекла эти ухаживания и решила выписать Машу из больницы, прекратив с ней работать.

Однако Маша не сдалась: через два месяца после выписки она пришла к Свядоцу, чтобы сообщить, что любит Татьяну и скучает по ней. Она также жаловалась, что Татьяна не писала ей писем с тех пор, как ее выписали. Осознав, что Свядоц не позволит им больше видаться, однажды ночью Маша имитировала попытку самоубийства: притворилась, что выпила ртуть из градусника, так что ее пришлось положить в больницу, где работала Татьяна. Понимая, что Маша может снова начать преследовать Татьяну, врачи решили перевести Машу в другую психиатрическую больницу^[114].

Деревинская собирала данные и записывала биографии своих пациенток с 1954 по 1960 год. Свядоц был очень доволен ее работой – со временем Деревинская набралась опыта и стала меньше стесняться

в общении с участницами исследования. К 1960-м годам она успела наладить отношения со многими гомосексуальными женщинами и теперь чувствовала себя комфортно в их компании. Однако Свядоц планировал не только собрать биографии этих женщин, но и попытаться излечить их от гомосексуальности. Ему было хорошо известно о попытках западных врачей найти способ такого лечения, и он попросил Деревинскую тщательно изучить их опыт.

Свядоц понимал, что нужно очень осторожно спрашивать женщин, находящихся под наблюдением, хотят ли они лечиться от гомосексуальности. Многих, казалось, полностью устраивала их сексуальная жизнь, и они вряд ли согласились бы пройти лечение. Но некоторые ненавидели себя за то, что испытывают сексуальное влечение к женщинам, и хотели бы вернуться к «нормальному» существованию. Вот что Деревинская записала об одной женщине, которая выразила желание лечиться:

...Говорит, что это гадко, считает себя погибшей женщиной, утверждает, что хочет быть как все женщины, сама этого сделать не может. Просит избавить ее от этого «позорного влечения»^[115].

Несмотря на то что к 1960-м годам большинство западных врачей пришло к выводу, что гомосексуальность неизлечима, Свядоц так не считал. Он знал, что многие гомосексуалы не признают свое состояние болезнью и поэтому отказываются от медицинского вмешательства, если таковое предлагается^[116]. Отказ западных коллег от лечения гомосексуальности, по мнению Свядоца, объяснялся их ошибочными методами. Он выступал против кастрации гомосексуалов – она не просто не могла превратить гомосексуальное желание в гетеросексуальное, но и полностью уничтожала либидо пациентов, вызвала необратимые изменения в их эндокринной системе и наносила сокрушительный удар по психике. Он также был знаком с кратким отчетом о безуспешном опыте лечения гомосексуалов электрошоком в одной из клиник Лос-Анджелеса. Электрошок, как и таламотомию^[117], Свядоц считал варварскими методами лечения капиталистических врачей и категорически их отверг^[118].

Зато Свядоц считал эффективным методом лечения женской гомосексуальности аминазин – антипсихотический препарат, широко

применявшийся в закрытых советских психиатрических больницах. Аминазин имел множество страшных побочных эффектов: от лицевого тика, который мог сохраняться даже после прекращения приема препарата, до обострения уже имевшихся у пациента заболеваний. Противники советского режима, которых насильно удерживали в психиатрических больницах, получали инъекции больших доз аминазина в наказание за то, что осмелились выступить против власти. Мучители надеялись, что под его воздействием инакомыслящие откажутся от своих политических взглядов^[119].

Советские психиатры регулярно применяли аминазин в лечении шизофрении, паранойи и маниакальной депрессии. Свядощ использовал препарат в том числе для лечения невротиков и психозов. Он заметил, что в небольших дозах аминазин ослаблял либидо пациентов, не вызывая никаких других серьезных побочных эффектов. Это наблюдение навело его на мысль, что препарат можно использовать для снижения гомосексуального влечения у женщин, находящихся под его наблюдением^[120].

Только девять женщин – пять «активных» и четыре «пассивные» – согласились пройти курс лечения, притом никто из них особенно не верил в успех терапии^[121]. Свядощ назначил каждой 50 мг аминазина, а затем постепенно увеличил дозу до 150 мг. Во время лечения он и Деревинская измеряли давление, пульс и температуру тела женщин. В течение первых двух часов после принятия препарата все пациентки были бледны, утомлены и жаловались на сухость во рту^[122]. На пятый день лечения они отметили заметное снижение либидо, а некоторые пожаловались на его полное исчезновение. Из-за этого женщины находились в подавленном состоянии – во время бесед с Деревинской они выглядели потерянными и безучастно разглядывали стены больничной палаты, пока Деревинская записывала их отзывы: «Я стала какой-то безразличной, ни к чему нет никакого желания, нет ни страстей, ни чувств...»; «Не узнаю себя... Я стала какой-то бесчувственной, холодной»; «Я читала книгу про любовь, раньше это бы на меня подействовало, а теперь никакой реакции»; «Вчера приходила ко мне подруга, под села и нежно со мной беседовала, а я была как каменная»^[123].

Когда препарат полностью подавил либидо участниц эксперимента, Свядош организовал психотерапевтические сеансы: женщины лежали в кроватях с закрытыми глазами, пока Деревинская и ее ассистенты повторяли следующее:

Гомосексуальные отношения являются противоестественными, аморальными, недопустимыми. Они отрицательно сказываются на здоровье женщины, такие отношения бесперспективные, гомосексуалистка никогда не сможет создать постоянной семьи, не будет испытывать радости материнства. Гомосексуализм – это закрепившаяся привычка, от которой мы поможем вам избавиться при наличии вашего активного участия. Вам дадут лекарство, которое снизит вашу половую активность, приведет к тому, что ваша партнерша станет для вас безразличной, половое влечение к женщине угаснет. После этого возникнет новая направленность полового влечения – на мужчин.

На первом этапе лечения мы как бы выпускаем воду из шлюзов, устраним влечение вовсе; на втором этапе засыпаем старое русло и пробуем новое. На третьем этапе восстановим силу полового влечения и дадим ему возможность хлынуть в новое здоровое русло. Вы будете испытывать чувство к мужчине, как все женщины. Вы перестанете вспоминать о прошлых нездоровых отношениях, они вам будут противны.

Вы будете ходить с высоко поднятой головой, вам не надо будет стыдиться. Перед вами откроются возможности новой счастливой жизни, которая даст вам и физическое, и моральное удовлетворение. Когда у вас появится половое влечение, вы почувствуете все больший и больший интерес к мужчинам, вы начнете думать о них, о семейном счастье, вам будет приятно быть в мужском обществе, ходить под руку с мужчиной, ходить с ним в театр, в кино, в гости, танцевать. Захочется иметь детей, быть матерью, вы будете любить детей... [\[124\]](#)

Свядош назначил участницам эксперимента десятидневный курс аминазина, а затем стал постепенно снижать дозу до 50 мг. Женщины сообщили, что почувствовали, как либидо возвращается, однако оно по-прежнему было очень слабым. По мнению Свядоша, именно этим благоприятным моментом должен был воспользоваться врач. Пока

желание оставалось слабым и женщины продолжали принимать препарат, Деревинская провела еще десять сеансов психотерапии, во время которых рассказывала женщинам о перспективах создания гетеросексуальной семьи и воспитания детей^[125]. Затем Свядош прекратил давать женщинам препарат, но продолжил сеансы психотерапии, чтобы закрепить вновь обретенное желание.

Лечение действовало на пациенток по-разному. Тридцатидесятилетней Марине оно как будто помогло. В девятнадцать она вышла замуж, но муж не удовлетворял ее сексуально, и она ушла от него через пять месяцев после свадьбы. Начав жить отдельно, Марина вскоре встретила молодую женщину, с которой у нее завязались гомосексуальные отношения. Бывший муж не знал об этом и умолял ее вернуться. Марина призналась Деревинской, что хотела бы вернуться к мужу, потому что понимала, что ее отношения с женщиной противоестественны, но не могла заставить себя с ней расстаться. Марине назначили аминазин, она принимала участие в психотерапевтических сеансах. Когда Деревинская перестала давать ей препарат, Марина заверила ее, что у нее снова появился интерес к мужу. Она рассказала, что ей стали сниться сны, в которых за ней ухаживали другие мужчины.

«Доктор, я очень хочу стать матерью. У меня никогда не было таких мыслей – я всегда была равнодушна к детям!»

Муж Марины, с которым Деревинская тоже побеседовала, все еще не знал, что у Марины был роман с женщиной (на вопрос, почему его жену госпитализировали, Деревинская ответила, что ее лечили от невроза). Он сказал, что никогда не видел жену такой ласковой и счастливой. Шесть месяцев спустя Деревинская снова поговорила с Мариной, и та утверждала, что испытывает отвращение к своей «прошлой жизни». Женщина, казалось, была наконец счастлива в браке и даже поделилась с Деревинской радостной новостью: она была уже на восьмой неделе беременности^[126].

Другая участница эксперимента, тридцатичетырехлетняя Екатерина, отбывала наказание в исправительно-трудовом учреждении. Она охотно согласилась пройти курс лечения. На пятый день приема препарата Екатерина заявила Деревинской: «Словно груз упал с моих плеч! Хочется петь и смеяться! Получила письмо от партнерши, оставила его нераспечатанным, написала ей короткую

записку, в которой просила меня оставить»^[127]. Екатерину перевели в другую часть лагеря, чтобы она не смогла возобновить романтические отношения с бывшей подругой.

Галина, женщина тридцати двух лет, также согласилась пройти курс лечения. Казалось, что во время приема препарата она действительно утратила интерес к своей подруге. Сидя в кресле с пустым выражением лица, Галина призналась Деревинской, что лечение гомосексуальности значительно ухудшило ее отношения с партнершей. Деревинская записала:

Когда к больной приходила партнерша, больная не могла сказать ей ласкового слова, больше молчала и улыбалась. Чувствовала себя виноватой перед ней, внутренне была настроена к ней дружелюбно, однако полового влечения к ней не испытывала. Когда ее партнерша пыталась ее обнять, приласкать, больная резко ее отталкивала, при этом оглядывалась по сторонам, боясь, чтобы кто-либо из других больных не увидел этих ласк. После выписки на пятый день гомосексуальные отношения возобновились^[128].

Светлана, которой было тридцать семь, тоже ощутила негативное воздействие препарата. Как и другие женщины, она проходила психотерапевтические сеансы в сочетании с приемом аминазина. Светлану убеждали, что ее желание противостоит природе, что она здоровая женщина, которая должна вести гетеросексуальную жизнь и испытать радости материнства. На пятый день приема препарата Светлана заметила, что у нее полностью пропало сексуальное желание; она стала равнодушной ко всему, что ее окружало. Температура тела поднялась почти до тридцати восьми градусов, и Свядош решил отменить препарат, пока температура не стабилизируется. Однако Светлана отказалась продолжать лечение и стала снова писать письма бывшей любовнице, которую оставила перед тем, как лечь в больницу. Светлана умоляла ее вернуться, и вскоре они возобновили отношения^[129].

Результаты грандиозного эксперимента Свядоша по медикаментозному лечению женской гомосексуальности не оправдали его ожиданий. Достижения оказались весьма скромными. Было ясно, что аминазин просто подавляет либидо и не влияет на сексуальную ориентацию пациенток. Только три из девяти женщин, согласившихся

пройти лечение, подтвердили, что стали гетеросексуальными, – все они были «пассивными» лесбиянками. Что касается «активных» лесбиянок, прошедших лечение, все они сообщили, что гомосексуальное желание вернулось ^[130]. Несмотря на это, Свядоц по-прежнему был убежден, что гомосексуальность поддается лечению, и открытие эффективного метода терапии – лишь вопрос времени.

4 июня 1965 года, по итогам почти десятилетней работы над темой, Деревинская защитила диссертацию в Карагандинском государственном медицинском университете. Ее работа получила высокую оценку со стороны других врачей. Несмотря на новаторский потенциал и инновационные исследования – это была первая советская попытка провести медицинское лечение женской гомосексуальности в таких масштабах, – Деревинская не стала издавать диссертацию в виде книги. Она понимала, что тема по-прежнему оставалась крайне спорной, и на момент защиты, в 1965 году, советское общество все еще было очень косным в отношении вопросов морали. Кроме того, тема успела наскучить Деревинской – ей хотелось работать в больнице с пациентами с общими психическими расстройствами.

Научный руководитель Деревинской, Абрам Свядоц, был более амбициозен. В начале 1970-х годов он переехал в Ленинград, где написал и опубликовал бестселлер «Женская сексопатология» (1974) ^[131]. Обширный раздел, посвященный женской гомосексуальности, был в значительной степени позаимствован у Деревинской. По сути, можно утверждать, что Свядоц присвоил результаты труда своей бывшей практикантки, включив их в собственное исследование.

Глава 11, в которой лейтенант КГБ пускается во все тяжкие

Украинская ССР, 1963–1964

После расстрела Лаврентия Бери, вселявшего ужас шефа НКВД и по совместительству насильника, – а также части его окружения – Хрущев приступил к реорганизации аппарата тайной полиции СССР и установил над ним партийный контроль. В 1954 году он создал КГБ – Комитет государственной безопасности, напрямую подотчетный партии^[132]. Несмотря на то что штаб-квартира ведомства располагалась все в том же здании на Лубянке, Хрущев стремился создать новый образ сотрудника органов: молодого, воспитанного и представительного офицера, который отличался бы от беспощадных головорезов в кожаных куртках^[133]. «Неграмотных» и «замшелых» офицеров постепенно увольняли из рядов КГБ, освобождая место молодым и образованным сотрудникам.

Алексей Петренко всегда мечтал работать в органах госбезопасности и в 1952 году, в возрасте 23 лет, был принят на службу. В сентябре 1956 года его перевели на должность оперативного сотрудника в Особом отделе КГБ в Харькове. Там же, в Харькове, он встретил свою будущую жену Людмилу. Когда у пары родился первый ребенок, они получили отдельную квартиру в одной из новых пятиэтажек недалеко от центра^[134].

Несмотря на быстрый карьерный рост и женитьбу, Петренко был несчастлив. У них с Людмилой постоянно случались скандалы, и она часто жаловалась партработникам на унижения и побои со стороны мужа. Людмила считала Алексея странным и скрытным. Он всегда приходил домой очень поздно, объясняя это тем, что был в бане. Хотя в квартире была ванна, по крайней мере дважды в неделю Петренко мылся не дома. Баня работала до десяти, но домой он возвращался за полночь, оправдываясь длинными очередями и опозданиями автобусов^[135]. Он часто пропадал по воскресеньям и в таких случаях тоже не объяснял, где был. Если Людмила невзначай спрашивала, Петренко срывался на нее, после чего шел спать. Однажды он даже

избил ее и оттащил за волосы, осыпая оскорблениями. «Ты мне противна как женщина!» – в ярости кричал он^[136].

Людмила хорошо знала некоторых коллег Петренко и через них пыталась выяснить, где ее муж проводит все то время, что его нет дома. Когда один из них, Артем Глотов, по инициативе Людмилы подошел к Петренко и попытался поднять эту тему, Петренко сухо объяснил, что работает с людьми и поэтому постоянно занят. Глову оставалось только пожать плечами. Больше они об этом не говорили^[137].

Однажды, когда Петренко в гневе в очередной раз избил Людмилу, она позвала отца, и тот немедленно сообщил о поступке зятя в местную парторганизацию и его начальству в КГБ, призывая вмешаться. При Хрущеве публичные обсуждения семейных ссор и выговоры за неспособность счастливо жить в браке не были редкостью – так в партии следили за тем, чтобы семьи не распадались. Подобное собрание было организовано и по поводу Петренко. Присутствовало его начальство из КГБ и местные партийные чиновники. Помимо домашнего насилия, собирались обсудить и другие, более свежие проступки Петренко: он не вернул коллеге долг, а несколькими неделями ранее пять дней подряд не приходил на службу. Любителю бань решили задать жару.

22 июня 1963 года Петренко вызвали на публичную выволочку. Партийные чиновники по очереди поднимались с места, чтобы осудить Петренко за физическое насилие над Людмилой и невозвращение долга. Сотрудники КГБ также высказались, обвинив Алексея в более тяжком преступлении – дезертирстве со службы на пять суток. Петренко попытался объясниться и раскаивался в содеянном. Он признавал, что его семейная жизнь складывается не лучшим образом, и обвинял в этом отца Людмилы, который якобы имел на него зуб. Попытки Петренко сохранить лицо и неубедительные оправдания по поводу пятидневного прогула не нашли сочувствия у начальства и партийных чиновников. Они единодушно заключили, что безответственное и безнравственное поведение Петренко делает его службу в КГБ невозможной и вредит организации в целом. Было решено не только уволить Петренко из КГБ, но и исключить из партии. Решение должно было вступить в силу через несколько дней^[138].

Петренко был раздавлен итогами партсобрания – они разом перечеркнули его карьеру и личную жизнь. Он вышел на улицу и сел на автобусной остановке, закрыв лицо руками. Нужно было что-то делать, но что? К остановке подъехал автобус, из которого вышла группа пассажиров, и тут в голову Петренко пришла безумная идея: он просто сбежит. От своих проблем, от КГБ и партийного начальства, а главное – от ненавистной жены и ее отца. С этой мыслью он запрыгнул в автобус, даже не спросив водителя о маршруте. Петренко был готов ехать куда угодно, лишь бы не видеть больше Людмилу и тестя. Их лица расплывались в его сознании, образуя одно огромное темное облако, которое он изо всех сил старался прогнать. В автобусе он закрыл глаза и заснул.

Петренко даже не заметил, что автобус шел в Запорожье, город в 300 км от Харькова. Ранним утром следующего дня автобус подъехал к запорожскому автовокзалу, и все пассажиры, включая Петренко, вышли.

«Чем дальше от них, тем лучше», – подумал Алексей, когда наконец понял, куда попал. Он уже бывал в Запорожье и хорошо знал этот город. После ночи в дороге нужно было освежиться, и он решил пойти в местную баню.

Там ему удалось ненадолго отвлечься от своих проблем и расслабиться. В помывочной высокий и худощавый мужчина с лысиной попросил Петренко помять ему спину, а затем предложил ответный массаж. Говорили они мало. После помывки Петренко поблагодарил незнакомца, оделся и вышел из бани.

Несмотря на то что посещение бани немного успокоило нервы Петренко, его мысли все еще бешено крутились вокруг событий предыдущего дня. Ему нужно было найти тихое место, где он мог бы обдумать дальнейший план по спасению своей карьеры и семейной жизни. Петренко знал, что, несмотря на решение начальства уволить его из КГБ, его исчезновение все равно будет расценено как дезертирство, так как никакие бумаги еще не подписаны. В глубокой задумчивости он бродил по улицам Запорожья с портфелем в руке, пока не оказался в одном из городских парков. Здесь в тени пышных деревьев стояло несколько скамеек. Петренко выбрал одну из них и присел.

Вдруг он заметил вдалеке фигуру. Когда человек подошел ближе, Петренко понял, что его лицо ему знакомо: перед ним был тот самый мужчина, чью спину он тер в бане час назад!

«Вот так совпадение», – подумал он про себя.

Когда до мужчины оставалось несколько шагов, их взгляды встретились, и Петренко почему-то занервничал. В голове мелькнула мысль: «Наверное, это сотрудник КГБ под прикрытием». Следил за ним от самого Харькова, а теперь привел сюда офицеров, чтобы его схватить. Петренко беспокойно заерзал на скамейке.

– Борис Коган, – сказал мужчина, протягивая руку и дружески улыбаясь. – Приятно познакомиться.

Петренко поприветствовал нового знакомого и отодвинулся на край скамейки, приглашая того сесть рядом. Все еще опасаясь возможной ловушки, поначалу Алексей не хотел разговаривать, но, оценив приветливые манеры незнакомца, втянулся в дежурную беседу о погоде.

– А я Владимир, – соврал Петренко.

– Я работаю врачом в одной из детских больниц здесь, в городе, – несколько неожиданно сказал Коган. – Только что проводил жену и сына в деревню. Они обычно уезжают в июне, так что теперь мне придется провести все лето в одиночестве.

Замечание заставило Петренко насторожиться. Пытался ли этот человек пригласить его к себе домой? Была ли это ловушка КГБ или что-то еще? Петренко не помешало бы где-нибудь остановиться, так как денег в его бумажнике не хватило бы, чтобы заплатить за гостиницу. На секунду он задумался, а затем рискнул:

– А я учитель. Приехал в Запорожье по делам, но ни в одной из здешних гостиниц нет свободных мест, поэтому даже не знаю, где остановиться.

– Правда? Какая жалость! – сказал Коган. – Если у вас действительно нет здесь другого жилья, могу предложить переночевать в моей квартире. У меня две комнаты, и я всегда рад побеседовать с интеллигентным человеком.

– С радостью, – сказал Петренко, тут же обругав себя за то, что так легко принял приглашение незнакомца^[139].

Коган жил в двухкомнатной квартире в пятиэтажном доме недалеко от парка. Дома он приготовил для Петренко ужин и даже открыл

бутылку вина. Несмотря на гостеприимство Когана, Петренко по-прежнему не мог избавиться от подозрения, что все это – западня. Но время шло, ничего подозрительного не происходило, и опасения постепенно рассеивались. После ужина они помыли посуду и устроились на диване смотреть телевизор. За окном уже стемнело.

Около полуночи Коган предложил лечь спать, объяснив, что на следующий день ему рано вставать на работу. Петренко не возражал, и оба прошли в спальню. Коган задернул шторы и включил торшер. Затем он снял рубашку и брюки – Петренко последовал его примеру.

– У тебя есть вазелин? Хочешь сначала помыться? – спросил вдруг Петренко [\[140\]](#).

Коган помедлил с ответом, про себя отметив, что Петренко оказался опытным партнером, а потом кивнул. Петренко пошел принять душ, а Коган достал из ящика стола маленький тюбик вазелина. Потом он тоже помылся и лег в постель. Никаких вопросов и разговоров не было – оба прекрасно понимали, что происходит. Под одеялом Петренко обнял Когана и притянул его к себе, прижавшись губами к его губам [\[141\]](#).

Несмотря на первоначальное намерение Петренко провести в квартире Когана всего одну ночь, из-за возникшей связи его визит затянулся. По утрам Коган уходил на работу, оставляя гостя одного в квартире. По вечерам, когда он возвращался, они готовили ужин, смотрели телевизор и занимались сексом. Коган и Петренко привязались друг к другу, но Алексей все еще не был готов рассказать Борису правду о себе: о жене, о бегстве и особенно о работе в КГБ. Сам Коган не задавал никаких вопросов и, казалось, просто наслаждался обществом новообетенного любовника.

На третий день пребывания в квартире Когана Петренко решил прогуляться по городу. Встреча с Борисом отвлекла его от тяжелых мыслей, но теперь нужно было все обдумать и разработать четкий план, как вернуть уважение и доверие начальства и добиться восстановления в партии и КГБ. Погруженный в свои мысли, Петренко оказался в том же парке, где несколько дней назад встретил Когана.

В одном из закутков парка стояло небольшое бетонное строение – общественный туалет. Петренко решил им воспользоваться. Внутри по грязному полу растекались лужи. В воздухе стоял резкий запах мочи. В туалете было поразительно тихо. Морщась от неприятного запаха,

Петренко подошел к писсуарам и стал расстегивать штаны. Вдруг он услышал за спиной шаркающие шаги – в туалет зашел кто-то еще. Петренко повернул голову и увидел коренастого мужчину в плаще с портфелем в руке. Мужчина поставил портфель на пол и стал возиться с ремнем у дальнего писсуара. Он бросил взгляд на Петренко, но тот отвернулся. Когда через несколько секунд Петренко беспокойно оглянулся, он понял, что незнакомец все еще смотрит на него. Петренко закончил свои дела и быстро ушел, оставив мужчину у писсуара.

Из любопытства Петренко решил проследить, что этот тип будет делать дальше. Он нашел скамейку напротив туалета и сидел там некоторое время, ожидая, когда незнакомец выйдет. Прошло полчаса, но ничего не произошло; Петренко подумал, не упустил ли он каким-то образом незнакомца. Что он делал там все это время? Петренко подождал еще десять минут, но никто по-прежнему не выходил. Азарт и любопытство взяли верх, и Петренко снова зашел в туалет. Как раз в тот момент, когда он собирался войти, незнакомец вынырнул из темноты – их взгляды на мгновение встретились, плечи соприкоснулись. Петренко стало не по себе, он задержался в туалете на минуту, а затем вышел на улицу. Незнакомца нигде не было видно ^[142].

Петренко вернулся на скамейку. Он просидел там еще полчаса, как вдруг снова заметил мужчину из туалета. Дальше события развивались как в их первую встречу с Коганом. Мужчина вежливо поинтересовался, можно ли присесть рядом, и Петренко жестом показал, что не возражает. Незнакомец представился Кириллом Долгоруковым. Петренко назвал свое имя, и они пожали друг другу руки.

– Вообще-то я живу в Никополе, а здесь в командировке, – сказал Долгоруков, положив портфель на колени. – Часто в разъездах, работа такая. Когда бываю в Запорожье, стараюсь заглянуть в этот парк. – Затем он наклонился к Петренко и тихо, почти шепотом, добавил: – Я люблю парки – здесь можно встретить таких, как мы.

Петренко неловко отодвинулся и несколько секунд сидел молча.

– Я учитель и здесь впервые, – сказал он, тайком разглядывая Долгорукова. Петренко решил прибегнуть к своей обычной легенде.

– Хорошее дело, – улыбнулся Долгоруков. – Я работаю, чтобы были какие-то деньги, но еще я священник и помогаю управлять местной церковью в Никополе. Коммунисты, будь они прокляты, разграбили храм и бросили в тюрьму многих братьев. Мы с другими священниками собираем деньги для заключенных священнослужителей, чтобы помочь им пережить это испытание. Вы знаете, что это большевики запретили религию? В стране теперь одни атеисты. Но эти свиньи не смогли лишить веры моих родителей, они сохранили ее и передали мне любовь к Богу и ненависть к Советам^[143].

Тирада Долгорукова застала Петренко врасплох – не каждый день он слышал настолько резкую и открытую критику советской власти. Он внимательно слушал и наблюдал. На секунду Петренко снова испугался, что собеседник может быть агентом КГБ, но по мере того, как Долгоруков рассказывал всё новые подробности своей жизни, выплескивая всё больше ненависти ко всему советскому, Петренко убедился, что его подозрения напрасны. В какой-то момент Петренко осенило: он может войти в доверие к Долгорукову, узнать имена других священников, а затем сдать их КГБ как опасную группу государственных преступников, ненавидящих советскую власть и стремящихся ее подорвать. Он мог бы даже приврать, что исчез специально, чтобы обеспечить успех своей операции «под прикрытием»^[144].

– Ладно, мне пора, а то опоздаю на автобус, – сказал Долгоруков, поднимаясь со скамейки. – Приезжайте в Никополь, вот мой адрес. – Он протянул листок бумаги с нацарапанным адресом. – Буду рад вас видеть. Я живу с отцом и тетей, но вы можете остановиться у нас – они не будут против.

– Конечно, приеду! – сказал Петренко, пожимая руку Долгорукову. – На неделе.

Вечером за ужином Петренко объявил Когану:

– Борис, мне нужно ехать в Никополь. Я забыл тебе сказать, что должен встретиться там с одним из моих коллег-учителей. Ты только не волнуйся, я скоро вернусь в Запорожье, и мы снова увидимся.

– Обещай, что вернешься! – умолял Коган.

– Обязательно! – пообещал Петренко.

Перед отъездом Петренко Коган сделал ему подарок – открытку с надписью «Дорогому другу Владимиру от Бориса». Петренко почувствовал себя неловко, ведь он не привык получать такие знаки внимания от других мужчин, но положил открытку в карман.

После нескольких дней, проведенных вместе, Коган проникся к Петренко сильной симпатией. Его интриговали ум и некоторая скрытность Петренко. Несмотря на то что Коган жил с женой и ребенком, он мечтал о крепких отношениях и глубокой эмоциональной связи с мужчиной. Борис устал от случайных встреч с незнакомцами и понимал, что постоянно приводить мужчин в квартиру, пока жены и ребенка нет дома, рискованно и может закончиться неприятностями. Трагедия Когана, как и многих других гомосексуалов, заключалась в том, что в СССР было крайне сложно или даже невозможно установить глубокие отношения с однополым партнером. Те, кого он встречал, не хотели влюбляться. Они не допускали даже мысли о том, что между двумя мужчинами возможна романтическая любовь, не хотели отождествлять себя со своим влечением, ведь общество твердило, что это не то преступление, не то патология, не то извращение.

Чтобы найти партнеров для секса в своем городе, Коган, как и многие другие гомосексуальные мужчины, полагался на обширную тайную сеть знакомств. Летом 1962 года, за год до встречи с Петренко, он отправил семью в деревню и пошел в баню. Там он встретил красавца Филиппа Пронина. Коган и Пронин потеряли друг другу спины, и из разговора Когану стало ясно, что Пронин такой же, как он ^[145]. После бани они вышли на улицу поболтать, но поскольку Пронин был с ребенком, он не смог принять приглашение Когана зайти в гости. Через несколько месяцев они случайно встретились, и между ними завязалась дружеская беседа.

– Я недавно подружился с Геннадием. Он такой же, как мы. Главврач в детской больнице номер четыре. Может, как-нибудь вас с ним познакомлю, – сказал Пронин.

Зимой того же года Коган вместе с группой врачей проходил практику как раз в этой больнице. Когда Борис сдавал халат в гардероб, к нему подошел врач в белом халате, молча протянул скомканный лист бумаги и ушел. Обескураженный Коган развернул бумагу, на которой было написано: «Приходите ко мне в кабинет 432,

после пяти. Геннадий Петрович»^[146]. Коган последовал указаниям и после пяти постучался в дверь кабинета главного врача больницы – Геннадия Литровника. Литровник жестом пригласил Когана занять место в кресле напротив.

– Филипп Степанович мне о вас рассказывал, а еще мне кажется, я пару раз видел вас в городе, – сказал Литровник, вертя в руках ручку^[147].

Имя Филипп Когану ни о чем не говорило, но потом он вспомнил свою встречу с Прониным в бане в начале года и их разговор о новом знакомом – главвраче детской больницы. Коган понял, что Пронин, должно быть, говорил о нем Литровнику и, вероятно, упоминал о его сексуальном интересе к мужчинам.

– Я понимаю, что здесь обсуждать эти вопросы несколько неудобно. Приходите ко мне домой, там нас никто не потревожит, – сказал Литровник, записав на листке бумаги свой адрес.

Литровник не был женат, но у него была двухкомнатная квартира, о чем многие советские семьи в 1960-е годы могли только мечтать. Дома он сбросил маску сурового начальника и, казалось, стал более раскованным. Коган и Литровник ужинали, беседуя на отвлеченные темы и о работе – оба были врачами, и им действительно было что обсудить. Однако, как только они открыли вино, разговор развернулся в более интересном направлении.

На первый взгляд, Литровник был образцовым членом советского общества: состоял в партии и руководил детской городской больницей. Однако образ жизни, который он вел втайне от подчиненных, выворачивал наизнанку эту иллюзию благопристойности. С двадцати лет Литровник занимался сексом с мужчинами: по всей Украинской ССР у него были знакомые, готовые сексуально удовлетворить его в надежде извлечь из этого выгоду. Посреди разговора Литровник невозмутимо расстегнул брюки и, к удивлению Когана, достал пенис, недвусмысленно предлагая Когану заняться с ним оральным сексом^[148]. Коган отпрянул и поморщился. Литровник показался ему малопривлекательным, а его манера поведения – надменной и снисходительной. Видя, что Коган не впечатлен, Литровник разочарованно вздохнул и застегнул брюки. Какое-то время они сидели молча, а затем возобновили разговор как ни в чем не бывало. Коган рассказывал Литровнику о своей жизни, Литровник слушал его со

скучающим выражением. Когана удивляло, что Литровник предпочитает оставаться холостяком и даже не пытается найти жену, чтобы опровергнуть возможные сплетни.

– Почему вы не женитесь? – удивлялся Коган.

Литровник только пожимал плечами.

– Но что, если о вас станет известно? – настаивал Коган.

– Тогда я покончу с собой^[149].

Коган пытался убедить Литровника жениться, упирая на то, что брак сохраняет видимость нормальности для коллег и дает право подняться в очереди на получение жилья.

– Вы ведь сами ждете очереди на квартиру? Я могу с этим помочь. – У Литровника мелькнула надежда, что ему удастся склонить Когана к сексу, щегольнув влиянием и связями, но Коган остался равнодушным и вежливо отказался. Они проговорили несколько часов, после чего Коган пошел домой^[150].

После этого Коган ничего не слышал о Литровнике, пока однажды не столкнулся с ним на автобусной остановке. Шел ливень, люди толпились у дверей подъезжающих автобусов, поспешно закрывая и открывая зонтики. Коган и Литровник дожидались своих автобусов под проливным дождем, как вдруг взгляд Литровника упал на молодого человека в очках. Тот пытался укрыться от ливня газетой.

– Этот любит сосать. Несколько раз был у меня в гостях, – равнодушно заметил он.

Молодой человек исчез в автобусе.

Коган вздрогнул и оглянулся: не слышал ли кто-нибудь? Дождь барабанил по крыше остановки, так что вероятность была невелика. Тем не менее Борис содрогнулся при мысли, что кто-то мог стать свидетелем их разговора.

– Этот тоже любит трахаться. Всегда ищет партнеров в туалете рядом с отелем. Я туда никогда не хожу, но другие товарищи мне о нем рассказывали. Он слишком низкий, не люблю невысоких. Зато работает врачом.

Коган успел мельком взглянуть на коротышку, прежде чем тот скрылся в толпе.

– Осторожно, нас могут услышать.

– Не волнуйся. Большинство даже не понимает, о чем речь. Нас больше, чем ты думаешь. Но если хочешь познакомиться с новыми

людьми, лучше ищи среди командировочных.

– Почему?

– Местные, если попадутся милиции, тут же сдадут [\[151\]](#).

Когда Коган встретил Петренко, он сразу забыл обо всех своих прошлых знакомствах. Он даже надеялся, что им удастся сохранить отношения, но новость о том, что Петренко нужно ехать в Никополь, расстроила Когана.

Никополь, где жил Долгоруков, был небольшим городком в двух часах езды от Запорожья. Когда Петренко приехал туда, ему не потребовалось много времени, чтобы найти квартиру Долгорукова. Увидев Петренко в дверях, Долгоруков бросился его обнимать, как будто они были давними знакомыми и не виделись сто лет. От такой реакции Петренко слегка опешил.

– Отец дома, но о нем не беспокойся – он не против, когда у меня гости, – шепнул Долгоруков Петренко, помогая ему снять куртку.

В маленькой квартире Долгорукова была всего одна комната, которую он делил с пожилым отцом. Спали они на отдельных кроватях, по одной у каждой стены. Расстояние между ними было около метра. В квартире Долгорукова жила еще и его тетя, которая спала на диване в крошечной кухне. Такая ситуация не была редкостью: многие квартиры были коммунальными, и, несмотря на массовое строительство, начатое Хрущевым, жилья в СССР по-прежнему не хватало. Отец и тетя Долгорукова всегда находили странным, что Долгоруков приводит домой незнакомых мужчин и спит с ними в одной постели, но им и в голову не приходило, что это его любовники. В конце концов, в квартире не хватало свободного места, и гостя было некуда положить, так что спать в одной постели с хозяином казалось логичным.

В первую ночь Долгоруков уложил Петренко в свою постель и прошептал в темноте:

– Подожди, пока он уснет.

Он кивнул в сторону отца, лежавшего на другой кровати. Через пару минут, когда тот захрапел, Долгоруков снял с себя брюки и, обнажив ягодицы, повернулся спиной к Петренко:

– Ты мой гость, поэтому можешь сначала побыть в активной роли, – сказал он [\[152\]](#).

* * *

На следующий день Долгоруков отвел Петренко в местную баню, где они несколько раз занялись сексом в парилке^[153]. Ночью, когда отец Долгорукова уснул, они снова переспали. В эти первые дни планы Петренко сдать Долгорукова КГБ, казалось, утратили всю актуальность – в таком экстазе он пребывал. Петренко даже ругал себя за то, что так нагло и неосмотрительно занимается сексом в общественных местах и при отце Долгорукова.

Когда Петренко провел больше времени с Долгоруковым, он узнал, что у того есть широкий круг знакомств среди мужчин, которым тоже нравятся мужчины. У Петренко тут же возникло импульсивное желание встретиться с каждым из них и повторить все, что они делали с Коганом и Долгоруковым, но он пресек эти мысли. Время работало против него, и нужно было срочно придумать план, как наладить свою жизнь и избежать наказания за дезертирство. Он понимал, что затевает опасную игру: чем больше он будет отвлекаться и потакать своим желаниям, тем суровее будет возмездие. Прошло уже больше двух недель с тех пор, как он уехал из Харькова, и нужно было чем-то оправдать свое отсутствие. Была и другая проблема: если действовать согласно плану, как убедиться, что Долгоруков будет держать язык за зубами об их связи, когда его поймает милиция? Страх, что ему придется отвечать за собственные сексуальные похождения, был велик.

Погостив у Долгорукова около двух недель, Петренко узнал еще больше сомнительных подробностей о его жизни. Выяснилось, что Долгоруков завел дружбу с живущими по соседству ребятами, чтобы приставать к ним или соблазнить. Одному из мальчиков, Косте Кораблеву, было всего четырнадцать. Долгоруков охотно сообщил его адрес. Через несколько дней Петренко пришел в квартиру Кораблева и, воспользовавшись отсутствием Кости, сообщил его родителям о том, что их сын стал жертвой сексуальных домогательств:

– У меня есть информация, что некий Кирилл Долгоруков пытается сексуально домогаться вашего сына, – заявил он родителям, застывшим от изумления посреди крошечной кухни. – Но вы не волнуйтесь, КГБ держит ситуацию под контролем. Долгоруков – член опасной подпольной банды гомосексуалистов, действующей на территории Украинской ССР. Они совращают молодых людей и

пытаются вовлечь их в другую незаконную, в основном религиозную деятельность. Чтобы собрать достаточно доказательств для осуждения Долгорукова, мне необходимо переговорить с вашим сыном Костей. Вы не возражаете, если я поживу у вас некоторое время и, возможно, в какой-то момент побеседую с ним? [\[154\]](#)

– Этот ублюдок Долгоруков! Я знала, что ему что-то нужно от моего сына! – кричала мать Кости, в гнев сжимая кулаки. – Само собой, будьте нашим гостем. Оставайтесь сколько пожелаете. Спасибо, что помогли нам. Я бы сейчас пошла и вот этими руками убила этого Долгорукова!

– В этом нет необходимости: мы можем наказать его по-другому.

Петренко провел несколько ночей в квартире Кораблевых и вскоре познакомился с их сыном Костей. У него созрел новый план, который, естественно, отклонялся от первоначального намерения использовать Долгорукова и его приятелей исключительно в качестве мишени для КГБ. Однажды, взяв Костю на прогулку, Петренко сказал ему:

– Я знаю, что этот Долгоруков ведет себя с тобой непристойно. Но мы можем покончить с этим. Ты слышал о КГБ? – Петренко показал свое удостоверение. – Я работаю на них, и я здесь, чтобы предупредить тебя, что Долгоруков – опасный преступник, который пытается вовлечь таких ребят, как ты, в непристойные занятия. Надеюсь, ты поможешь нам его остановить... Если хочешь, я разрешу тебе участвовать в некоторых секретных операциях, но при одном условии: ты ничего не должен рассказывать родителям.

– Обещаю, – послушно сказал Костя. Ему очень хотелось сохранить такую важную тайну и помочь КГБ поймать Долгорукова, приставания которого ему уже порядком надоели.

– Вообще-то в одной секретной операции ты можешь принять участие прямо сегодня.

– Что я должен делать?

– Слушай внимательно. Сейчас мы пойдем в парк, там есть общественный туалет. Я оставлю тебя там, а сам спрячусь в кустах. Ты должен будешь сесть на скамейку лицом к туалету. Вскоре в туалет зайдет человек в очках и коричневом пальто – знакомый Долгорукова. Иди за ним. Он заведет с тобой разговор и, возможно, пригласит к себе домой. Ты примешь приглашение и пойдешь с ним. Я буду тайно следовать за вами. В квартире он, вероятно, попытается поцеловать

тебя – в таком случае ударь его и выброси что-нибудь из окна в качестве сигнала, чтобы я поднялся наверх. Что под руку попадет, книгу например. Я поднимусь, и мы поймем его с поличным. Понял? [\[155\]](#)

Хотя Костя с радостью согласился, план провалился: человек, которого Петренко надеялся поймать с поличным, так и не появился, и Косте пришлось почти два часа напрасно околачиваться в туалете и рядом с ним [\[156\]](#).

– Ладно, попробуем в другой день, – сказал Петренко, выходя из засады в парке.

– Я знаю одного священника, который вел себя очень непристойно с некоторыми из моих друзей... Его зовут Василий. Мы можем попробовать что-нибудь с ним сделать. Все знают, что он педераст.

Петренко остановился и посмотрел на Костю. Отличная идея!

– Ты знаешь, где он живет?

– В пятиэтажке недалеко отсюда.

Вскоре они оказались перед крыльцом типового пятиэтажного дома, такого же, как и тот, в котором где жил Долгоруков. Священник жил на первом этаже, и, прежде чем постучать в его дверь, Петренко дал Косте новые указания:

– Ты постучишь в дверь, поздороваяешься и скажешь, что твой друг серьезно заболел, потому что священник его совратил. Скажи, что другу нужны деньги на лечение. Я буду рядом и помогу, если понадобится. Священник, скорее всего, испугается и все сделает как надо.

Костя кивнул и зашел в подъезд. Петренко остался снаружи, прислушиваясь к происходящему внутри. Он был готов прийти на помощь Косте, если что-то пойдет не так.

Костя постучал в дверь священника и вскоре услышал звук приближающихся шагов. Дверь открыл высокий крепкий мужчина с бородой. Увидев Костю, он нахмурился.

– Мой друг Денис сказал мне, что вы приставали к нему и использовали его как женщину, – уверенно начал Костя. – Он серьезно пострадал, и сейчас ему нужны деньги, чтобы поехать в санаторий на лечение.

– Что?!

Обвинение Кости, казалось, стало для священника полным шоком.

– Костя, иди погуляй, – неожиданно вмешался Петренко. – Нам с Василием нужно кое о чем переговорить.

Священник перевел взгляд на Петренко, который достал из кармана удостоверение КГБ, и жестом пригласил его войти.

– Подожди снаружи, – шепнул Петренко Косте.

В квартире Петренко объяснил, что КГБ проводит секретную операцию по захвату гомосексуалов в городах Украинской ССР. Согласно информации, которую, по словам Петренко, ему удалось собрать, Василий вместе с другими взрослыми гомосексуалами знакомился на улицах с мальчиками, втирался в доверие, а затем соблазнял их. В результате один из них, Денис, о котором упоминал Костя, серьезно заболел и нуждается в специализированном лечении. Петренко угрожал обвинить Василия в мужеложстве, если тот не заплатит сто пятьдесят рублей за лечение мальчика. Хотя сначала Василий горячо отрицал все обвинения, в конце концов он согласился дать денег, объяснив это тем, что ему искренне жаль Дениса и он хочет помочь [\[157\]](#).

Петренко был доволен собственной находчивостью. Удостоверение сотрудника КГБ и использование Кости в качестве приманки могли не только помочь ему заманить в ловушку Долгорукова и его приятелей, но и поправить финансовое положение. Хотя с момента побега прошел уже месяц, Петренко не спешил возвращаться в Харьков. Он хотел извлечь максимальную выгоду из своего положения, вымогая как можно больше денег и занимаясь сексом с как можно большим количеством мужчин. Он пообещал себе, что, вернувшись в Харьков, откажется от такого образа жизни и полностью посвятит себя семье. Он начнет все сначала, начнет новую жизнь! Так он провел весь июль, ночуя то у Долгоруковых, то у Кораблевых, изредка информируя родителей Кости о ходе своей «операции». При этом Долгоруков, не подозревая о намерениях Петренко, сводил его со своими друзьями мужского пола и способствовал сексуальным отношениям между ними. Долгорукову нравился Петренко, он чувствовал, что между ними существует некая связь, но он также не возражал, чтобы тот встречался и спал с другими мужчинами.

К концу июля Петренко окончательно утолил свой сексуальный голод и стал спешно разрабатывать тайный план ареста Долгорукова и его приятелей по обвинению в создании сети подпольных религиозных

групп, развращающих молодежь. Петренко должен был представить все так, чтобы его собственные сексуальные связи с этими людьми навсегда остались в тайне. Нужно было как-то замести следы, но как? В итоге Петренко решил, что, если Долгоруков и его друзья вдруг решатся рассказать следователям об их связях, он сможет каким-то образом опровергнуть их слова. Как это сделать, он не знал – пока его заботила только проблема, как заманить Долгорукова в ловушку.

Костя познакомил Петренко со своими старшими товарищами Артемом, Кириллом и Юрой: всем им было по семнадцать, и они рассказали Петренко, что Долгоруков к ним приставал. В начале августа Петренко собрал ребят недалеко от дома Долгорукова и предупредил их: «Ничего не говорите родителям о том, что я вам скажу. Как вы все знаете, Долгоруков – очень нехороший человек. Он занимается грязными делами с такими ребятами, как вы. Правоохранительные органы и секретные службы знают об этом, но, чтобы поймать его, потребуется ваша помощь. Когда Долгоруков выйдет из квартиры, вы подойдете к нему и начнете вести себя так, как будто хотите, чтобы он занялся с вами непристойностями. Затем вы отведете его в кусты за стадионом, в укромное место. Там начнете расшнуровывать ботинки, как будто раздеваетесь. Он тоже пусть разденется. Как только он снимет брюки, хватайте их и бегите с ними в милицию. Скажете милиционерам, что он заманил вас в кусты и пытался изнасиловать. Я прослежу за вами и смогу помочь, если понадобится, понятно?»^[158]

Воодушевленные такой возможностью отомстить Долгорукову, ребята направились к его дому. Петренко знал, что Долгоруков в то утро был дома и как раз собирался идти в парк искать мужчину. Петренко велел мальчикам ждать Долгорукова у крыльца, а сам отошел, чтобы понаблюдать издали.

Через несколько мгновений появился Долгоруков, который очень удивился, увидев всех ребят вместе. Не успел он поздороваться, как Артем, широко улыбаясь, взял его за руку и сказал:

– Пойдемте с нами! Мы хотим показать вам кое-что, что вам понравится!

Заинтригованный Долгоруков с улыбкой пошел за ребятами. Петренко, который следовал за ними по пятам, был приятно удивлен, что мальчики оказались такими сообразительными: они действовали

очень убедительно и делали все так, как он их научил. Они завели Долгорукова в кусты за городским стадионом и стали развязывать шнурки, делая вид, что разуваяются. Жестами они дали понять Долгорукову, что хотят и его увидеть обнаженным. Ничего не подозревающий Долгоруков клюнул на приманку: он с готовностью снял брюки, ожидая, что мальчики последуют его примеру. Но вместо этого Артем изо всех сил ударил его в живот, схватил штаны мужчины и рванул прочь. Долгоруков был в шоке.

– Педераст! – кричали в один голос мальчишки, убегая от растерянного Долгорукова. От резкой боли тот повалился на землю. – Мы сейчас же пойдем в милицию! Все узнают, что ты педераст! – успел расслышать он ^[159].

Оправившись от шока и резкой боли в животе, обеими руками прикрывая промежность, Долгоруков дошел до здания стадиона и сообщил о случившемся. Сотрудники стадиона оперативно вызвали милицию. Искать мальчиков не пришлось – они сами явились в отделение с брюками Долгорукова в руках.

– Долгоруков пытался нас изнасиловать! У нас есть доказательства – его штаны! Мы работаем на агента КГБ! – возбужденно кричали они.

– Агент КГБ? – нахмурились милиционеры. – Вы можете нас к нему отвести?

– Да, он тут неподалеку. Он сказал, что будет следить за нами на случай, если понадобится помощь.

Петренко вскоре задержали. На него надели наручники и доставили в отделение милиции. Немедленно известили его жену и начальство в КГБ. Через несколько дней Петренко перевели в Киев, где КГБ возбудил против него уголовное дело и приступил к допросам. Долгорукова тоже перевели в Киев для допроса. Когда следователи КГБ узнали о характере его отношений с Петренко, поначалу не могли в это поверить. Однако в ходе последующих допросов Долгорукова и его друзей, которых также задержали, выяснилось, что утверждения о гомосексуальности Петренко правдивы.

Майор Тимко, который вел уголовное дело Петренко, не мог скрыть своего отвращения к бывшему коллеге. Он мог допустить, что Петренко – дезертир, вымогатель и даже лжец, но не гомосексуал. Смущенный Петренко горячо отрицал все обвинения в сексе с мужчинами, несмотря на множившиеся доказательства.

– Почему вы были так заинтересованы в знакомстве с Долгоруковым? – спросил Петренко майор Тимко.

– Я уже много раз вам объяснял: он опасный государственный преступник, и у меня были подозрения, что он может быть гомосексуалистом. Я хотел разоблачить его и его шайку.

– Но вы же знаете, что КГБ гомосексуалистами не интересуется. Мы просто не занимаемся ими, это компетенция милиции. Пожалуйста, расскажите об истинных причинах вашего знакомства с Долгоруковым и о том, почему так хотели встретиться с его друзьями.

– КГБ действительно не занимается гомосексуалистами, если только эти люди не виновны в государственных преступлениях, которые представляют для комитета интерес. Я сошелся с Долгоруковым только потому, что заподозрил, что он участвует в заговоре против советского государства, – он рассказал мне, что состоял членом подпольных религиозных организаций...^[160]

Тимко эти доводы не убедили. Долгоруков неоднократно давал показания о сексуальных отношениях с Петренко, а также о том, что лично сводил того с другими мужчинами. Следователи задержали и Когана, который подробно рассказал о своих сексуальных отношениях с Петренко, а также нашли жертв его вымогательств. Получив достаточные признательные показания от Долгорукова, Когана и их знакомых, майор Тимко передал их дела в милицию для дальнейшего расследования – впоследствии оба предстали перед судом и были осуждены за мужеложство.

Следователи подозревали, что Петренко вступал в гомосексуальные отношения задолго до своего побега в июне и использовал служебное положение для поиска мужчин. Хотя им не удалось установить никаких явно обличающих фактов, показания бывших коллег Петренко говорили о том, что это вполне правдоподобно. Один из них свидетельствовал: «...Петренко собирал данные о гомосексуалистах, то есть делал работу, которая не находится в ведении КГБ»^[161]. Другой коллега рассказывал: «Он навязывал мне ряд идей о гомосексуалистах и настаивал, что мы должны внедряться в их круги, поскольку, по его словам, там могут быть враги, – он пытался уговорить меня предоставить ему свободу действий в этих вопросах»^[162]. Еще один указывал: «Наткнувшись на материалы о

гомосексуалистах, Петренко проявил к ним особый интерес, хотя по роду деятельности ему не приходилось иметь с ними дела... Петренко считал, что среди них он вычислит шпиона»^[163].

По окончании допросов майор Тимко отправил Петренко в Москву на месячную психиатрическую экспертизу в подконтрольный КГБ Институт судебной психиатрии имени Сербского. Следователь надеялся выяснить, что заставляло Петренко искать сексуальных отношений с мужчинами. В 1960-х и 1970-х годах в Институт имени Сербского помещали критиков режима: их привязывали на несколько дней к койке и насильно пичкали токсичными препаратами, причиняющими сильные физические и душевные страдания. Такое «лечение» длилось месяцами, и его главной целью было как следует запугать «пациентов» и лишить их способности продолжать антисоветскую деятельность.

Петренко находился под наблюдением Даниила Лунца, психиатра и полковника КГБ. Лунц был известен тем, что никогда не надевал белый халат, как было положено советскому врачу, и носил форму КГБ. В Институте Сербского он работал с политическими диссидентами и был убежденным сторонником карательной медицины. В течение месяца Лунц беседовал с Петренко, собирая данные о его семейной жизни и психическом здоровье. Когда Лунц попросил Петренко прокомментировать свою гомосексуальность, тот отказался что-либо говорить. Через месяц Лунц подготовил отчет, в котором описал личность Петренко и поставил диагноз, заключив, что пациент «вменяем» и не «страдает никаким психическим заболеванием». По мнению Лунца, Петренко демонстрировал «психопатические черты характера, проявляющиеся в склонности к раздражительности и возбудимости, эгоцентризме, завышенной самооценке, неустойчивости интересов и аффективной неустойчивости». Что касается сексуального влечения Петренко к мужчинам, Лунц ограничился лаконичным: «Решительно отрицает склонность к гомосексуализму»^[164].

29 апреля 1964 года Военный трибунал Киевского гарнизона приговорил Петренко к шести годам лишения свободы^[165].

Глава 12, в которой советские врачи изобретают новую науку и пытаются вылечить мужскую гомосексуальность

Горький, 1963–1970

После смерти Сталина секс оставался сложной и табуированной темой, которая вызывала дискомфорт, напряжение и беспокойство у подавляющего большинства советских граждан. Несмотря на то что люди занимались сексом, они редко говорили о нем в спальне и еще реже – в кабинете врача, даже если сталкивались с сексуальными проблемами, грозившими разрушить их брак, например с импотенцией. Большинство мужчин и женщин стеснялись обращаться за медицинской помощью, предпочитая тихо страдать, пока недолеченные болезни усугублялись со временем.

Из-за стеснения и стыда, которые царили вокруг этого вопроса, мужская импотенция и женская сексуальная дисфункция стали в СССР почти повальным явлением. Усугубляло ситуацию то, что в СССР на тот момент не существовало профессии сексолога, поскольку советские власти считали секс совершенно простым и прямолинейным занятием, которое не требует ни медицинского вмешательства, ни консультаций со специалистом. На приемах большинство врачей едва уделяли внимание сексуальной жизни пациентов, интересуясь ей лишь вскользь: «А как ваша интимная жизнь?» – спрашивали они и опускали глаза, явно сами стесняясь своего вопроса.

«Нормально», – предсказуемо отвечал пациент.

На этом неудобный разговор обычно заканчивался. Если пациент вдруг решал пойти дальше и попросить совета, врач говорил что-то вроде: «Не волнуйтесь. У вас нет ни рака, ни инфекции. А что есть – не смертельно. Подождите немного, и само пройдет». Проблема, однако, не исчезала, а, как правило, только усугублялась ^[166].

Женщины тоже страдали; большинство из них, под стать мужчинам, молча мирились со своей участью. Те, кто осмеливался пожаловаться врачу, что муж не удовлетворяет их сексуально, чаще всего выслушивали лекцию о незыблемости института брака и обязанностях жены ^[167]. Женщина-гинеколог могла проявить чуть

больше сочувствия и сказать: «Ну и ничего страшного! Ведь все мы как-то справляемся и растим прекрасных детей!»^[168]

Впрочем, не все были готовы провести свою жизнь в молчаливом страдании. Некоторые отчаявшиеся мужчины, страдавшие от импотенции, писали письма с просьбами о помощи президенту Академии медицинских наук. В одном из таких писем говорилось:

Я не могу назвать себя трусом, достойно воевал и награжден неоднократно, но сейчас жить не могу и не хочу. В отчаянии я уже взял веревку, но опомнился: это недостойно советского человека. Поэтому я предлагаю вам использовать меня для любых медицинских опытов, нужных науке^[169].

Такие мужчины не получали медицинской помощи, поскольку в СССР практически не было врачей, которые обладали бы глубокими знаниями в области лечения сексологических проблем. Одним из редких исключений был Николай Иванов. Он проходил медицинскую интернатуру у прославленного иркутского профессора Игоря Сумбаева. В середине 1950-х Иванов уехал от своего наставника в город Горький^[170], где начал медицинскую практику в качестве психиатра в одной из городских больниц, а также преподавал в Горьковском медицинском университете.

Лекции Иванова неизменно привлекали большое количество студентов, которые жаждали получить новые знания о сексе – теме, которую другие лекторы предпочитали обходить стороной. Выступая перед аудиториями, заполненными до отказа, Иванов всегда находил на своем столе небольшую стопку скомканных записок с вопросами. Он зачитывал их вслух, после чего давал развернутые ответы. Студенты слушали заворуженно – нигде раньше они не могли найти такого полного и убедительного разъяснения: ни в учебниках, ни в энциклопедиях. Невежество студентов в базовых вопросах, связанных с сексом, и отсутствие понимания, как консультировать по таким вопросам пациентов, поразили Иванова и побудили искать способы восполнить эти пробелы.

Глубокое невежество в отношении сексуальных проблем и их лечения демонстрировали не только студенты-медики. Коллеги Иванова, лечащие врачи, тоже плохо понимали, как помочь пациентам, обратившимся в больницу из-за неспособности доставить

удовольствие жене или отсутствия устойчивой эрекции. Так, уролог, услышав жалобы на «отсутствие супружеского счастья», тут же проводил серию тестов на предмет нормального функционирования полового члена. Не обнаружив физиологической патологии, он направлял пациента к невропатологу. Тот, проведя обследование, направлял пациента обратно к урологу. Иногда давали направление к психиатру, который также не выявлял патологий и отправлял пациента, теперь окончательно убежденного в том, что его поразила неведомая страшная болезнь, восояси. Иванов понимал, что проблема была не в «редком заболевании», а в невежестве врачей в тех вопросах, которые выходят за рамки их области знаний, а также отсутствии сексологической подготовки^[171].

Безусловно, о сексуальных расстройствах, которыми втайне страдали советские мужчины и женщины, было известно не только Иванову. Другие видные урологи и невропатологи били тревогу по поводу растущего уровня невылеченной импотенции и женской сексуальной дисфункции в СССР и катастрофических последствий такой динамики для семейной жизни советских людей. Илья Порудоминский, выдающийся профессор урологии из Москвы, впервые поднял этот вопрос в «Медицинской газете». 29 ноября 1963 года вышла его статья «Кто же лечит половые расстройства?», призванная привлечь внимание медицинской общественности к проблеме, от которой страдали тысячи советских семей:

Половые расстройства у мужчин – тяжкое страдание: они нередко приводят к потере трудоспособности, к непоправимым семейным трагедиям. Невозможность создания семьи у одних и семейные конфликты у других тяжело отражаются на физическом и нервно-психическом состоянии больных и в конечном счете – на их трудоспособности и производительности труда. В то же время диагностическая и лечебная помощь этим больным организована крайне неудовлетворительно. При поликлиниках... следует организовать специализированные кабинеты для приема больных импотенцией и бесплодием. А для координации научно-исследовательских работ в этой области целесообразно провести специальный симпозиум ^[172].

Прочитав статью Порудоминского, Иванов написал профессору письмо с предложением провести симпозиум по сексологии в Горьковском медицинском университете. Порудоминский идею одобрил, и в декабре 1963 года в Горьком состоялся первый в Союзе симпозиум по «сексопатологии» – название советской сексологической науки подразумевало, что сексуальная жизнь сама по себе должна быть беспроблемной. На симпозиум съехались врачи из разных уголков СССР, включая психиатров, невропатологов и урологов, которых к тому моменту уже интересовала сексология – наука, существовавшая в некоторых социалистических странах, но абсолютно неразвитая в СССР^[173].

В последующие годы прошло еще несколько симпозиумов для сексологов, и наконец в 1965 году Министерство здравоохранения СССР открыло отделение сексопатологии в уже существующем Московском научно-исследовательском институте психиатрии^[174]. Появление первого советского учреждения, пусть и небольшого, посвященного проблемам сексологии, во многом стало результатом настойчивости Порудоминского и Иванова, которым удалось убедить власти, что для повышения падающей рождаемости необходимо проводить сексологические исследования. Отделение сексопатологии занимало всего пару кабинетов, а сотрудников можно было пересчитать по пальцам, но по крайней мере теперь власти признавали важность этой науки, и новоиспеченные сексологи могли посвятить себя работе, не боясь обвинений в непристойности и интересе к «постыдным» темам.

Иванов был доволен: он осознавал скудность советских сексологических исследований по сравнению с исследованиями врачей из Чехословакии и Восточной Германии, но создание советской кафедры сексопатологии с ежегодными симпозиумами и конференциями, посвященными новейшим методам лечения, казалось ему неплохим началом. Он считал, что официальное признание такой науки и привлечение большего числа советских врачей к сексологическим исследованиям неизбежно повысит осведомленность людей о сексуальных расстройствах, поэтому они смогут обращаться за лечением без стыда и страха.

Иванов был убежден, что гомосексуальным мужчинам и женщинам развитие советской сексологии принесет особую пользу. Он знал, что

многие гомосексуалы отчаянно пытались разобраться в своих чувствах и желаниях, обращались к медицинским энциклопедиям и находили лишь скудные комментарии о том, что гомосексуальность – это сексуальное извращение и уголовное преступление. Гомосексуалы подвергались преследованиям со стороны милиции и жили в постоянном страхе уголовной ответственности. Иванов считал уголовное преследование таких людей бессмысленным, поскольку рассматривал гомосексуальность как расстройство, которое должны лечить психиатры.

Иванов ожидал, что с развитием советской сексологии все больше гомосексуалов осознаёт, что медицина может помочь им «вернуть» свою гетеросексуальность и жить счастливой семейной жизнью. За годы тайной работы под руководством Сумбаева Иванов разработал собственные методы лечения гомосексуальности и вскоре после первой серии сексологических семинаров опубликовал трактат «Вопросы психотерапии функциональных сексуальных расстройств», где впервые представил советской общественности свой метод лечения гомосексуальности [\[175\]](#).

Однако схема терапии, которую предложил Иванов, подходила далеко не каждому. Пациент должен был признать свое влечение бременем и препятствием на пути к счастью, а также безоговорочно следовать рекомендациям врача. Излечиться мог только тот, кто был полон решимости избавиться от своей гомосексуальности. Гомосексуалы, которые давно примирились со своими желаниями и приняли их как данность, психотерапии Иванова не поддавались [\[176\]](#).

Идеальными кандидатами были гомосексуалы, переживающие острый жизненный кризис, вызванный или усугубленный их сексуальными предпочтениями. Некоторые из них, например, пребывали в тяжелой депрессии из-за недавнего разрыва с партнером или предательства с его стороны, что создавало благоприятную почву для методов Иванова. Некоторые гомосексуальные мужчины признавались, что были влюблены в своих гетеросексуальных друзей и страдали от безответной любви. Иванов охотно брался за таких пациентов, поскольку верил, что подобный жизненный опыт даст им силы пересмотреть свой образ жизни и встать на путь выздоровления [\[177\]](#).

Для Иванова также было очень важно знать, давал ли пациент волю своим гомосексуальным желаниям к моменту начала терапии. Если пациент только фантазировал, но не поддавался влечению, ему можно было помочь^[178]. Если пациент имел бисексуальные наклонности, то есть испытывал влечение как к мужчинам, так и к женщинам, доктор тоже считал это хорошим знаком: такому человеку можно было назначить психотерапию с оптимистичным прогнозом.

Иванов оценивал в том числе поведение будущих пациентов на приеме и их манеру держаться. Феминное поведение мужчин и маскулинное поведение женщин, по мнению Иванова, снижали шансы на успех, поэтому он советовал «стереотипным» пациентам отказаться от лечения^[179].

Иванов, как правило, начинал терапию с беседы, в ходе которой расспрашивал пациента о его прошлой и нынешней жизни. Иванов предупреждал пациентов, что гомосексуальность обрекает их на несчастье. Лежа на кушетке в кабинете Иванова в психиатрической больнице имени Горького, пациент слышал: «Понимаете ли вы, что, продолжая жить так, как вы живете сейчас, – как гомосексуалист, вы упускаете много других вещей? Ваша жизнь была бы более насыщенной, будь вы гетеросексуалом. Столкновение вашего извращенного желания с устоями нашего общества приведет к краху вашей карьеры, вызовет презрение со стороны семьи и повлечет за собой уголовную ответственность»^[180].

На следующих приемах Иванов призывал пациентов-мужчин заводить дружбу с женщинами и проводить больше времени в их компании: «Забудьте пока об интимной близости с женщинами... Не думайте об этом. Постарайтесь просто подружиться с ними. Сосредоточьте свое внимание на положительных сторонах личности женщины. Не спрашивайте себя, привлекает ли она вас сексуально, просто встречайтесь с ней, разговаривайте, восхищайтесь»^[181].

Иванов сопровождал подобные советы и заверения лекциями о том, как зарождается гомосексуальное желание: он полагал, что если пациенты будут лучше понимать истоки своего влечения, то они будут лучше реагировать на терапию. С теми, кто жаловался, что ему трудно переключить внимание с мужчин на женщин, Иванов делился «формулой сопротивления» мужскому телу: «Всякий раз, когда видите привлекательного мужчину, просто повторяйте: “Теперь я свободен от

прежнего желания, мне безразлично все, что раньше меня возбуждало”, – вы увидите, как быстро это поможет вам отвлечься от мыслей о мужчинах и расслабиться»^[182].

Пациенты Иванова старательно выполняли все его рекомендации и применяли психотерапевтические техники. Хотя некоторые из них усилием воли убедили себя в том, что стали гетеросексуалами, и даже смогли заставить себя встречаться с женщинами и жениться на них, остальные были глубоко разочарованы методами Иванова и отсутствием результата. Но в беседах с Ивановым они всегда сообщали, что в какой-то степени отказались от своих гомосексуальных желаний и стали более уверенными в общении с женщинами. Возможно, так они пытались убедить себя, что лечение действительно дало результаты, или делали это из страха разочаровать доктора и опасений, что он сдаст их в милицию как неисправимых гомосексуалов. У Иванова, конечно, и в мыслях не было сообщать о своих пациентах в милицию – он тщательно оберегал их секреты и сохранял конфиденциальность.

В 1966 году к Иванову обратился Леонид, красивый молодой человек лет двадцати пяти, который, по собственному признанию, пользовался большой популярностью у девушек, но никогда не был увлечен ими по-настоящему. Более того, в университетские годы Леонид осознал, что его привлекают мужчины, и это приводило его в ужас. Он с грустью наблюдал, как его сверстники благополучно женятся, пока сам он пребывает в растерянности и не может заставить себя полюбить женщину.

Иванов внимательно наблюдал, как Леонид ерзает на стуле от неловкости. Он хорошо понимал, что чувствуют пациенты, когда говорят о таких деликатных вещах, и всегда старался сделать все возможное, чтобы их успокоить:

– Уверяю вас, все, что вы мне расскажете, не выйдет за пределы этого кабинета. Я даю вам слово. Когда вы стали испытывать влечение к мужчинам? Когда вы осознали, что вы гомосексуалист?

Леонид вздрогнул: ему не нравилось это слово. Он знал, что оно означает преступника и психопата; по крайней мере, так говорилось в тех немногих книгах, которые ему удалось отыскать в городской библиотеке. Леонид все еще надеялся, что его чувства к мужчинам и это страшное слово никак не связаны, хотя в глубине души и

подозревал, что нет другого термина, который описывал бы его недуг настолько же точно. Он не хотел ассоциироваться с этим словом и боялся даже его произносить – ему казалось, что если он назовет себя гомосексуалистом, то так им и останется. Поистине «любовь, что о себе молчит»^[183].

Когда Леонид закончил свой рассказ, Иванов посмотрел на него поверх очков и неожиданно спросил:

– А стоит ли идти наперекор природе?

Часть III

При Брежневe

Глава 13, в которой советские юристы пытаются декриминализировать «добровольное мужеложство»

Ленинград, 1966

14 октября 1964 года Никиту Хрущева, руководившего СССР в течение одиннадцати лет, сместили с партийных постов и отправили на пенсию те, кого он считал своими ближайшими соратниками. Однопартийцы обвинили Хрущева в нарушении принципа коллективного руководства, консолидации власти и формировании культа собственной личности. К счастью для Хрущева, его не расстреляли – и даже не осудили публично, просто вычеркнули из общественной жизни. В одночасье его имя исчезло из средств массовой информации и было предано забвению. Такой «мягкий» транзит власти свидетельствовал о растущей зрелости советского общества: насилие постепенно становилось пережитком сталинского прошлого. Если бы подобные обвинения были предъявлены Хрущеву при Сталине, расстрел и правда не заставил бы себя ждать.

На посту политического лидера страны Хрущева сменил Леонид Брежнев, один из его ближайших сподвижников. Начало эпохи Брежнева, продлившейся восемнадцать лет, ознаменовалось впечатляющим экономическим ростом. Беспрецедентно повысился уровень жизни советских граждан. Продолжалась начатая Хрущевым кампания по массовому строительству жилья, что позволило миллионам семей переселиться из тесных бараков и коммуналок в собственные квартиры. Благодаря усилиям правительства по сдерживанию цен и росту заработной платы рядовые советские граждане теперь могли позволить себе купить мебель, модную одежду, бытовую технику и даже автомобили. Несмотря на дефицит в магазинах, на брежневскую эпоху пришелся настоящий потребительский бум, который был особенно заметен в Москве и Ленинграде^[184].

В то же время Брежнев отступил от либеральных реформ своего предшественника и начал судебное преследование советских интеллектуалов, осмелившихся критически высказываться о советской власти. В 1966 году в Москве прошел показательный суд над писателями Андреем Синявским и Юлием Даниэлем. За сатирические

статьи о советской жизни, которые они публиковали под псевдонимами за рубежом, их обвинили в антисоветской агитации и пропаганде. Приговоры были суровыми: Синявский получил семь лет заключения в исправительно-трудовом лагере строгого режима, Даниэль – пять лет лишения свободы^[185].

Наряду с подавлением инакомыслия, Брежнев замял антисталинскую кампанию в прессе и стал постепенно восстанавливать репутацию Сталина. Отчасти он делал это, чтобы заручиться поддержкой старых членов партии, которых в свое время напугала атака Хрущева на Сталина – для них она означала утрату идеологического контроля партии, а также угрозу их собственной власти и влиянию.

Впрочем, политические репрессии и оды Сталину не отбили у советских диссидентов желания протестовать. Несмотря на свою малочисленность и отсутствие сильной политической организации, сторонники реформ оставались хронической головной болью для властей и КГБ. Советские диссиденты умудрялись издавать на Западе работы с критикой режима, устраивали акции протеста и выпускали подпольные периодические издания о нарушениях прав человека и состоянии политической оппозиции в стране. КГБ делал все возможное, чтобы подавить это движение, преследуя диссидентов, запугивая и вынуждая эмигрировать. Некоторых даже заключали в тюрьму или помещали в закрытые психиатрические клиники для принудительного лечения^[186].

Брежнев также стремился продемонстрировать Западу, что СССР не потерпит никаких прокапиталистических настроений или призывов к демократическим реформам в своих сателлитах из Восточного блока. Когда в 1968 году новоизбранное правительство Чехословакии во главе с Александром Дубчеком объявило о планах демократизации страны и ослабления советского контроля над внутренними делами, Брежнев направил туда советские танки, подавив Пражскую весну. Десятки словаков и чехов были убиты, многие получили тяжелые ранения. Дубчек, призвавший народ не сопротивляться, был отстранен от руководства страной, и Советы восстановили политический контроль над Чехословакией^[187].

Что касается советских гомосексуалов, многие из них выиграли от продолжающегося строительства нового жилья. Многоквартирные

комплексы, появившиеся в городах, позволяли советским гомосексуалам собираться и встречаться друг с другом в частных квартирах, избегая пристального внимания соседей. Несмотря на то что люди по-прежнему знакомились в общественных туалетах, на вокзалах и в банях, частные квартиры были куда безопаснее и реже привлекали внимание милиции.

Гомосексуалы со всех уголков страны продолжали стекаться в два крупнейших города – Москву и Ленинград – за более высоким уровнем жизни и широкими профессиональными возможностями, недоступными в провинции. Особенно привлекательной казалась Москва, и, чтобы получить московскую прописку, гомосексуальные мужчины и женщины из других городов, – впрочем, как и гетеросексуальные, – стремились жениться на ком-то из столицы^[188].

Благодаря политическим переменам впереди забрезжила перспектива изменить законодательное регулирование гомосексуального поведения совершеннолетних. Развитие криминологической науки и активное участие ученых-юристов в формировании советской политики, начавшееся еще при Хрущеве, сохранилось и в брежневскую эпоху. Стремясь повысить качество следственной работы, ученые выпускали пособия, в которых объясняли, как законно проводить допросы и собирать доказательства, и даже разбирали неоднозначные статьи советского Уголовного кодекса, которые неопытным следователям было трудно понять. Особенно проблематичной была статья 121.1, предусматривавшая наказание за гомосексуальные отношения по обоюдному согласию между двумя совершеннолетними мужчинами, – следователи просто не знали, как подступиться к таким делам, ведь добровольный характер отношений подразумевал, что оснований для возбуждения уголовного дела просто нет. Запутанность закона и трудности в расследовании подобных преступлений, на которые жаловались многие следователи, породили среди советских ученых дискуссию о том, нужен ли вообще такой законодательный акт.

В 1965 году правовед из Саратовского юридического университета Михаил Хлынцов опубликовал пособие «Расследование половых преступлений». В нем он разбирал именно половые преступления и объяснял следователям, как собирать доказательства, допрашивать подозреваемых и вычислять преступника в ходе расследования.

Несмотря на неоднозначность статьи 121.1, Хлынцов пытался обосновать ее сохранение в советском Уголовном кодексе:

Особая опасность этого преступления заключается в том, что оно посягает на нравственные устои общества, деморализующе воздействует на психику членов общества... Склонность к мужеложству у отдельных лиц можно объяснить в некоторых случаях отсутствием возможностей для нормальной половой жизни, а в других случаях – пресыщенностью некоторых лиц нормальными формами удовлетворения своей половой страсти, поисками новых ощущений, что говорит о развращенности этих лиц и пренебрежении их к нравственным нормам...^[189]

Как показывает практика, если мужеложство совершается на добровольных началах, то педерасты не ограничиваются одной встречей с целью совершения мужеложства и продолжают встречаться, и в дальнейшем у некоторых из них развивается своего рода привязанность друг к другу, переходящая в длительную противоестественную связь. Как правило, склонность к мужеложству переходит в привычку, и человек, который ей поддается, становится закоренелым педерастом^[190].

Преследование таких людей по статье 121.1, сетовал Хлынцов, – довольно сложная задача, поскольку зачастую отсутствуют свидетели, а главные подозреваемые не хотят сотрудничать со следствием, ведь им обоим грозит тюремное заключение^[191]. Если гомосексуалов не удавалось поймать с поличным, Хлынцов рекомендовал следователям собирать информацию об их «моральном облике», опрашивать окружение, выяснять наклонности и хобби. Соседи тоже были полезными источниками оперативной информации, поскольку могли указать на подозрительные особенности в поведении предполагаемых преступников, доказывающие их склонность к мужеложству.

Кроме того, Хлынцов рекомендовал допрашивать жен подозреваемых. Гомосексуалы в СССР, как и в других странах, женились на женщинах по многим причинам, в том числе чтобы скрыть свою ориентацию и соответствовать ожиданиям общества. Если жены подозреваемых сообщали, что мужа пытались склонить их к «извращениям», например оральному и анальному сексу, эти

сведения могли служить веским доказательством склонности к гомосексуальному поведению^[192].

Помочь могло и медицинское освидетельствование, но лишь в отдельных случаях. Хлынцов отмечал, что судебно-медицинским экспертам крайне редко удавалось найти следы мужеложства на теле подозреваемых, а при осмотре «активных» гомосексуалов это бывало и вовсе практически невозможно. У «пассивных» гомосексуалов следы мужеложства, например анальные разрывы или даже кровотечения, встречались чаще, но и в этом случае на подобные доказательства нельзя было безоговорочно полагаться – их стоило рассматривать лишь в совокупности с другими.

Пока Хлынцов старался дать практические советы по расследованию дел о мужеложстве, другие юристы не видели в этом смысла и предлагали вообще отказаться от статьи 121.1. Московские юристы одними из первых усомнились в ее целесообразности. Среди них был, например, и выпускник МГУ Алексей Игнатов, читавший лекции в нескольких московских вузах. Для него было очевидно, что, если мужчины вступили в сексуальные отношения по обоюдному согласию, преследовать их бессмысленно. Его идеи подкреплялись и тем фактом, что в социалистических странах Восточной Европы врачам и юристам удалось добиться отмены соответствующих законов. Одной из таких стран была Чехословакия, где медики убедили чиновников, что добровольные гомосексуальные отношения между совершеннолетними не представляют опасности для общества и больше не должны считаться преступлением. В 1961 году власти Чехословакии декриминализировали гомосексуальные отношения по обоюдному согласию^[193].

Игнатов считал, что исключение статьи 121.1 из Уголовного кодекса можно представить как доказательство, что в СССР терпимо относятся к меньшинствам, а это могло бы принести пользу международной репутации страны. В то же время он осознавал, что на этом пути существуют препятствия. Политический истеблишмент придерживался крайне консервативных взглядов на секс и, скорее всего, не оценил бы предложения узаконить половые связи между мужчинами. Партийные чиновники также вряд ли поддержали бы декриминализацию мужеложства, опасаясь, что распространение

гомосексуальных отношений только усугубит острую демографическую ситуацию в стране.

Игнатов отдавал себе отчет, что столь смелая инициатива может испортить его профессиональную карьеру, поскольку его самого могут обвинить в мужеложстве. Как и у многих других успешных университетских преподавателей, у Игнатова были недоброжелатели, готовые распустить слухи о его склонности к гомосексуализму – не только чтобы подсадить его и занять место в университете, но и чтобы исключить его из партии за аморальное поведение и лишит возможности работать.

Тем не менее он просто не мог закрывать глаза на то, что многие судьи наказывали мужчин за любые формы гомосексуального поведения. Согласно статье 121, вне закона было только мужеложство, или анальный секс, – другие действия, например поцелуи или оральный секс, в тексте не упоминались и поэтому не могли считаться запрещенными. Однако многие суды игнорировали это определение или просто не хотели строго следовать тексту закона и выносили обвинительные приговоры за оральный секс и прикосновения.

Игнатов поднял этот вопрос в своей монографии «Ответственность за преступления против нравственности» (1966): он осудил подобную практику и призвал судей и следователей провести четкую грань между теми, кто занимается оральным и анальным сексом, утверждая, что в соответствии с существующим законодательством преследоваться должны лишь последние:

Нельзя признать правильной попытку отдельных судов расширить понятие мужеложства, относя к нему любое удовлетворение половой страсти мужчины с мужчиной. В случае добровольного совершения мужчинами друг с другом развратных действий и удовлетворения таким путем своей половой страсти уголовная ответственность наступать не должна, поскольку подобные действия не предусмотрены советским уголовным законодательством в качестве преступления^[194].

Многие советские граждане не согласились бы с Игнатовым. В их глазах всё за рамками «традиционного» вагинального секса было извращением – и, следовательно, подлежало наказанию или по крайней мере осуждению. Многим оральный и анальный секс, даже

между мужчиной и женщиной, сам по себе казался чем-то предосудительным, поэтому призыв Игнатова считать невиновными мужчин, которые такое практикуют, не встретил бы сочувствия у гомофобных судей и следователей.

Игнатов не единственный оспаривал статью 121.1. В 1960-х годах молодой аспирант Ленинградского университета Павел Осипов также высказывал мнение о том, что ее следует исключить из советского Уголовного кодекса. В своей диссертации, смело озаглавленной «Половые преступления», он писал:

Во-первых, стремление к гомосексуальному удовлетворению своей половой потребности может иметь прирожденный характер, то есть быть обусловленным биологическими особенностями организма, «капризом природы», приводящим к тому, что для лиц, наделенных этой аномалией, гомосексуализм является естественной формой полового удовлетворения. Поэтому нельзя признать обоснованным широко распространенное утверждение о том, что мужеложство всегда является результатом моральной развращенности соответствующих субъектов^[195].

Осипов также ссылался на зарождавшиеся в СССР сексологические исследования, в которых гомосексуальность рассматривалась в основном как медицинская проблема:

Спрашивается, какую цель может поставить перед собой законодатель, преследуя ненасильственный гомосексуализм, если речь идет о лицах с биологически искаженной направленностью полового инстинкта? Вряд ли можно сомневаться в том, что с помощью уголовного закона невозможно исправить эту биологическую аномалию и побудить соответствующих лиц к гетеросексуальному удовлетворению половой потребности.

В советской юридической литературе ни разу не предпринимались попытки подвести прочную научную базу под уголовную ответственность за добровольное мужеложство, а единственный довод, который обычно приводится (моральная развращенность субъекта и нарушение им правил социалистической нравственности), нельзя признать

состоятельным, так как отрицательные свойства личности не могут служить основанием для уголовной ответственности^[196].

Осипов заявлял, что бессмысленно навязывать гетеросексуальность гомосексуалам, поскольку они все равно могут практиковать гомосексуальное поведение в уединении своих квартир, где милиция не может им помешать. Если из-за нехватки жилья в сталинскую эпоху заниматься сексом в квартирах и комнатах было рискованно и неудобно, то благодаря массовому строительству брежневской эпохи и растущей доступности частного жилья теперь гомосексуалы могли встречаться в относительной безопасности. Осипов призывал милицию смириться с этим и привести устаревшее законодательство в соответствие с реальностью:

Учитывая сугубо интимный характер действий, направленных на удовлетворение половой потребности, препятствующей осуществлению эффективного контроля за поведением обязанных субъектов, уголовно-правовое запрещение гомосексуализма не может выполнить своего назначения, то есть быть надежным средством предотвращения нежелательных для общества способов удовлетворения половой потребности и стимулирования людей к должному поведению^[197].

Яков Яковлев, правовед из Таджикской ССР, также утверждал, что мужская гомосексуальность не должна рассматриваться как преступление. В своей статье «Ответственность за мужеложство по советскому уголовному праву» (1968) он признавал, что гомосексуальные отношения противоречат социалистической морали, но предлагал бороться с ними не репрессивными методами, а с помощью полового воспитания:

Мы также считаем, что эта ответственность [за добровольное мужеложство] должна быть отменена по следующим соображениям. Безусловно, гомосексуальные отношения не соответствуют нашей социалистической морали, и с ними необходимо вести борьбу даже в тех случаях, когда они не нарушают половую свободу и половую неприкосновенность взрослых лиц или нормальные условия воспитания подрастающего поколения.

Однако борьба с гомосексуализмом при отсутствии отягчающих его обстоятельств должна вестись не в форме уголовной репрессии, а путем надлежащей постановки полового воспитания в семье и школе и применения мер медицинского характера к тем гомосексуалистам, половое извращение которых вызвано патологическими изменениями их организма^[198].

Несмотря на то что подобные взгляды высказывали авторитетные ученые, в 1960-е годы эти голоса звучали еще слишком слабо, чтобы власти приняли их во внимание и тем более – инициировали изменения в законодательстве. В отличие от США, где гомосексуалы к тому моменту уже активно самоорганизовывались, противостояли дискриминации и выступали за перемены, советские гомосексуалы 1960-х годов оставались в большинстве своем молчаливыми жертвами государственного угнетения, и лишь горстка просвещенных правоведов время от времени пыталась завуалированно вступить за их права.

Глава 14, в которой супружеская пара пытается спасти свой брак

Горький, 1968

Надежда была в отчаянии^[199]. Ее терпение подходило к концу. Их брак с Андреем разваливался, а ему, казалось, не было до этого дела. Почти сразу после свадьбы стало ясно, что любви между супругами нет. Надежда поняла, что замужество оказалось серьезной ошибкой. Даже дружеские беседы не клеились, и большую часть времени, что они проводили вместе, Андрей обращался с Надеждой как с прислугой. Не было ни поцелуев, ни объятий, ни ласк, не говоря уже о сексуальной близости. В первые месяцы супружеской жизни Надежда объясняла это застенчивостью мужа, но вскоре стала проявлять нетерпение. Всякий раз, когда она пыталась инициировать секс, Андрей отталкивал ее, а если она настаивала, выходил из себя^[200].

Когда по воскресеньям они ходили на танцы в городской клуб, Андрей никогда не танцевал с Надеждой. Очень часто он просто оставлял ее одну и уходил в соседнее кафе пить пиво со своими приятелями, среди которых Надежда никогда не замечала женатых мужчин с опухшими от выпивки лицами – сплошь молодые красавцы.

Через пару месяцев ей пришла в голову мысль, что у Андрея роман с другой женщиной. Она пыталась добиться от него признания и затевала ссоры, но Андрей всё решительно отрицал. Надежда вскоре и сама отmelda подозрения: в конце концов, как у него могла быть другая женщина? Они жили в маленьком городке, и, если бы у Андрея была любовница, Надежда бы об этом узнала^[201].

На самом деле в глубине души Надежда не верила, что Андрей мог изменять ей с другой женщиной. Его, казалось, больше интересовали дружеские отношения с молодыми мужчинами. Иногда в воображении Надежды даже рисовались определенные образы, но она гнала эти мысли прочь. Правда, видя Андрея в исключительно мужском окружении, она невольно снова и снова возвращалась к своим подозрениям и каждый раз пыталась их развеять.

После четырех месяцев семейной жизни, устав от постоянных ссор, Надежда прямо спросила Андрея, любит ли он ее. Это произошло в постели, после очередной неудачной попытки Надежды

инициировать секс. Лицо Андрея исказилось от ярости, он вскочил с кровати, выбежал из комнаты на крошечную кухню и пригрозил провести там всю ночь.

– Прекрати задавать все эти вопросы! Неужели ты не видишь, что достала меня? – простонал он, и на этом разговор закончился ^[202].

После дневной смены на химкомбинате Андрей шел в местный театр, где подрабатывал помощником режиссера. Там он проводил почти все вечера, возвращаясь домой очень поздно, чтобы избежать общения с женой. Однажды ночью, снедаемая мрачными мыслями о неверности мужа, Надежда решила нанести ему неожиданный визит прямо в театре. Увиденное ошеломило ее. В темноте, за сценой, среди декораций, Андрей лежал в объятиях другого мужчины. Они долго и страстно целовались и оба, казалось, были пьяны.

– Что здесь происходит? – закричала Надежда в ужасе. – Андрей, что ты делаешь? Кто это? – Она указала на мужчину, которого муж крепко обнимал.

При виде ошарашенной жены Андрей вскочил на ноги и оттолкнул мужчину.

– Пойдем домой, – резко сказал он. – Я только пальто возьму.

Андрей скрылся за декорациями. Надежда перевела взгляд на мужчину, который все еще корчился на полу, пытаясь натянуть брюки и заправить рубашку. Наконец он поднялся на ноги, вытер рот и с ухмылкой сказал:

– Он мне признался, что парней любит больше, чем женщин ^[203].

Надежда застыла от шока, в голове проносились тысячи противоречивых мыслей. Она чувствовала себя одновременно оскорбленной и униженной. Появился Андрей с пальто и, схватив Надежду за локоть, вывел ее из театра. Домой они шли молча и не разговаривали несколько дней. Андрей предпочитал игнорировать случившееся и отмалчиваться, а Надежда никак не могла успокоиться, снова и снова задаваясь страшными вопросами. Что с ее мужем? Неужели с ней что-то не так? Неужели она была настолько ужасной женой, что Андрей предпочел компанию других мужчин? К кому обратиться за помощью?

Поначалу она была в полной растерянности, но затем, в надежде понять, что случилось, решила обратиться к медицинской литературе в местной библиотеке. Листая Большую советскую энциклопедию, она

наткнулась на статью, которая точно описывала происходившее с Андреем. Статья называлась «Гомосексуализм». В ней говорилось: «Половое извращение, выражающееся в противоестественном влечении к лицам своего пола. В СССР предусмотрено уголовное наказание за мужеложство».

В панике перечитывая статью, Надежда пыталась перевести дух. Она подозревала, что Андрей нездоров, но даже в минуты самого страшного гнева не могла предположить, что его «болезнь» – преступление. Осознание, что муж был преступником, потрясло Надежду. Что же ей делать? Первой мыслью было заявить на него в милицию, но от этой идеи Надежда быстро отказалась: пусть Андрей и обращался с ней плохо, она все равно любила его и хотела помочь.

В тот же день Надежда решила вывести мужа на откровенный разговор. Она знала, что допрос вызовет у него раздражение и приведет к новой ссоре, но ей было нечего терять: всё зашло слишком далеко, и было необходимо внести ясность. Вечером, когда Андрей молча лег в постель и уже собирался выключить прикроватный светильник, Надежда повернулась к нему и спросила:

– Ты гомосексуалист?

– Что? – Муж напряженно посмотрел на нее, и Надежда поняла, что он вот-вот взорвется.

– Тебе нравятся мужчины?

– Да, нравятся, – ответил он после небольшой паузы. Смысла скрывать это не осталось, всё было совершенно очевидно.

– Ты должен прекратить видеться с этими мужчинами... Если я снова тебя с ними увижу, заявлю в милицию, – предупредила Надежда^[204].

Андрей не воспринял угрозы жены всерьез и, несмотря на ее предупреждения, продолжил встречаться с мужчинами. Однажды Надежда застала его на вечеринке в объятиях молодого человека. Они целовались. На этот раз она не стала требовать объяснений, хотя была рассержена и расстроена. Она утешала себя тем, что, хотя ее любовь к мужу не взаимна и он нагло ей изменяет, по крайней мере, благодаря этому несчастливому браку у них есть свое жилье. В случае развода государство, скорее всего, отобрало бы квартиру и Надежде пришлось бы вернуться в переполненное общежитие.

Но вскоре терпение Надежды иссякло: однажды вечером она пришла домой и застала Андрея в постели с другим мужчиной! Андрей пытался объяснить, что они с молодым человеком просто друзья, но Надежда не позволила снова себя обмануть^[205]. Инцидент быстро перерос в бурную ссору: Надежда упрекала Андрея в бесчувственности и неверности, назвала его больным человеком и обвиняла в том, что он ломает ей жизнь. Андрей в ответ обзывал ее уродиной. После продолжительного обмена оскорблениями Андрей наконец сдался:

– Я импотент... У меня не получается с женщинами. Ты можешь просто оставить меня в покое? У нас с тобой никогда не будет близости! Я просто не способен на это! Ни с тобой, ни с какой-либо другой женщиной^[206].

Вся злость тут же прошла: слова Андрея прозвучали как крик о помощи, и это глубоко тронуло Надежду. Он был болен, ему нужна была помощь, и Надежда, по-прежнему любившая мужа, хотела помочь ему и спасти их брак. Она тут же предложила найти врача, и Андрей, к ее удивлению, согласился. От подруги, работавшей медсестрой в местной больнице, Надежда узнала о Яне Голанде, молодом и перспективном специалисте по сексуальным проблемам. Он жил и принимал пациентов неподалеку, в Горьком.

Надежда купила билет на автобус до Горького и вскоре оказалась в кабинете Яна Голанда, высокого широкоплечего врача с широкой улыбкой. В нем было что-то магическое и эксцентричное: едва услышав фамилию доктора, Надежда невольно подумала о Воланде, герое мистического романа Михаила Булгакова «Мастер и Маргарита»^[207]. Голанд, безусловно, обладал таинственной аурой. Он говорил убедительно, его низкий и гулкий голос звучал уверенно и авторитетно. Надежда почувствовала, что этот человек может помочь ее мужу, и рассказала о своей проблеме. Голанд делал пометки и понимающе кивал.

Доктор выслушал рассказ Надежды, после чего попросил ее привести Андрея на прием. Он также пообещал ей, что всё, о чем они будут говорить, останется строго конфиденциальным. Вскоре в кабинете Голанда сидел уже сам Андрей.

– Пожалуйста, расскажите мне всё, что происходит между вами с женой, – попросил Голанд.

Несмотря на то что Андрей не собирался рассказывать всё и планировал опустить неудобные детали, обозначив свою проблему лишь в самых общих чертах, Голанд сумел его успокоить. Андрей рассказал Голанду абсолютно всё о своем влечении к мужчинам и о том, как ему трудно жить с Надеждой. Этому великану в белом халате каким-то образом удалось вселить в Андрея уверенность, что медицинское вмешательство может ему помочь, а Надежда не зря уговаривала его обратиться к специалисту. В конце концов, необходимость вести двойную жизнь и находиться в постоянном страхе изнуряла Андрея. Голанд заверил его, что гомосексуальность можно скорректировать с помощью психотерапии, но только при условии, что он будет добросовестно и регулярно выполнять психотерапевтические упражнения, а главное – порвет все любовные связи с мужчинами. Андрей пообещал Голанду следовать всем рекомендациям.

Для начала Голанд поручил Андрею написать автобиографию, уделив особое внимание сексуальным фантазиям, эмоциям и связям, подробно описав, когда и как он впервые почувствовал влечение к мужчинам и в чем оно проявлялось. Поначалу Андрей чувствовал себя неловко: «А вдруг кто-то найдет эти записи и прочтет их?» – думал он. Что, если Голанд решит сдать его милиции и использовать записи как доказательство его гомосексуальности? В конце концов, мужеложство оставалось преступлением, и настолько подробный отчет о гомосексуальных похождениях мог привести ко многим нежелательным последствиям. Когда Андрей высказал свои опасения Голанду, доктор развеял его страхи: «Просто опустите все личные данные. А еще лучше дадим вам псевдоним. Вы говорили, что работаете на химкомбинате? Вот и назовем вас химиком. Пусть это будет названием вашей автобиографии – так никто не узнает, что это вы».

Голанд поспешил заверить Андрея, что не намеревается передавать его правоохранительным органам и что, оказывая медицинскую помощь гомосексуалам, он сам в известной степени рискует.

Как и многим другим советским гражданам, Андрею и раньше приходилось писать автобиографию – например, при поступлении в университет, – но текст, который попросил написать Голанд, давался ему нелегко. Сложнее всего было назвать и описать свои желания и

эмоции по отношению к мужчинам: Андрей еще никогда не задумывался об этой стороне своей жизни, не размышлял о своем гомосексуальном влечении и тем более не писал о нем. Когда ему было трудно перенести свои чувства и эмоции на бумагу, он часто консультировался с Голандом, и тот подсказывал ему нужные слова и полезные медицинские термины. Именно в процессе написания автобиографии Андрей наконец-то узнал название своего заболевания – «гомосексуализм». Теперь он знал, что ему не нужно корить себя за свои желания, ведь в этом нет его вины: он просто болен. К тому же он всё делал правильно – обратился к специалисту, что, несомненно, должно было ему помочь. Вскоре автобиография Андрея была готова.

Девочки мне начали нравиться с четвертого класса, причем я всегда добивался взаимности. В своих привязанностях я был постоянен, и романы обрывались лишь с переездом в другой город (за десять лет учебы я сменил пять школ). Но с тринадцати лет я, наряду с девочками, стал «влюбляться» в своих товарищей по дому, по классу, причем тоже был постоянен. «Любил» обычно двоих: девочку и парня, обоих одинаково сильно, но если девчонок я любил как мальчик, то для ребят мне хотелось бы быть девчонкой. Такое раздвоение чувств продолжалось несколько лет.

В то же время я не задумывался над своими странными чувствами, считал, что симпатии к мужчине – вещь вполне обычная: есть же у человека один лучший друг, которого он отличает от массы приятелей. Тем более что у меня тогда было естественное влечение к девушкам.

Но это влечение в институте пропало. Я объяснял это тем, что не мог найти своего идеала. Имел случайные связи с женщинами, в основном знакомился на танцах, но полного удовлетворения не получал, на эти половые акты смотрел как на «дань моде», «держал марку». И только на четвертом курсе я полностью осознал аномалию своих влечений.

Занялся изучением этого вопроса, прочел много специальной литературы – отечественной и переводной. Хотел даже обратиться к психиатру за консультацией, но местный психиатр – мой знакомый, поэтому я отказался от такой мысли.

В 1965 году после распределения по окончании университета приехал в город К. Город был небольшой, все работали на

химкомбинате и знали друг друга в лицо. Первое время боялся раскрыть себя в К. Стал участвовать в художественной самодеятельности. Товарищи по работе стали интересоваться, почему не женат. Жизнь в условиях маленького городка, где все друг друга знали, заставляла быть осторожным, и всячески приходилось маскироваться под обычного мужчину.

Меня стали знакомить с девушками. Иногда у меня возникали надежды, что смогу наладить семейную жизнь. Во дворце культуры познакомился с гомосексуалистом, который посоветовал мне жениться, чтобы иметь великолепную ширму от ненужных вопросов.

Стал ухаживать за участницей драмкружка, который посещал. Женился в 1966-м. С большим трудом пытался удовлетворить жену. Половой акт с женой не удавался. Не помогало даже то, что я представлял мужчин.

После года совместной жизни жена решила, что я импотент, и предложила лечиться. Первое время я разубеждал ее в этом. Продолжал поддерживать гомосексуальные контакты. Однажды после семейной вечеринки жена отметила, что я был оживлен и с большим удовольствием целовался с юношами, которых пригласил на вечер. Затем я признался жене, что я гомосексуалист и поэтому половая жизнь с ней не могла случиться^[208].

Голанд перепечатал эти рукописные заметки, чтобы использовать их в лечении будущих пациентов. История успешной терапии Андрея могла бы стать для них источником вдохновения и положительным примером. Голанду также было важно предъявить коллегам письменные доказательства эффективности своего метода лечения гомосексуальности.

Андрею пришлось познакомиться со всеми обычными методами психотерапии Голанда: доктор проводил сеансы гипноза и показывал пациенту фотографии обнаженных женщин, призывая его развить в себе восхищение женской красотой. Также Голанд давал Андрею свои традиционные инструкции не засматриваться на красавцев в общественном транспорте, а вместо этого обращать внимание на симпатичных девушек и напоминать себе, как же они прекрасны. Еще доктор очень рекомендовал развивать дружеские отношения с женой. Андрей добросовестно следовал всем рекомендациям, но уже через

несколько недель энтузиазм стал улетучиваться. Несмотря на все попытки поверить, что методы Голанда работают, Андрей чувствовал, что его влечение к мужчинам несколько не ослабло.

Вскоре Андрей пришел к горькому осознанию, что, как бы ни был нацелен на успех Голанд и как бы ни старался побороть свою гомосексуальность он сам, волшебной пилюли для его состояния не существовало, и он вряд ли мог «вылечиться». После нескольких сеансов психотерапии Андрей устал и начал проявлять нетерпение. Он просто хотел, чтобы эти бессмысленные встречи закончились. Но он также боялся, что, если результаты лечения не удовлетворят Надежду, она действительно заявит на него в милицию. Жена находилась на грани нервного срыва и, казалось, была способна на все.

Кроме того, Андрей не вполне верил обещаниям Голанда сохранить его тайну и не выдавать органам. Хотя Голанд заверил его, что этого никогда не произойдет, в глубине души Андрей опасался, что, если его сексуальные отношения с женой не улучшатся, это огорчит и разозлит доктора, и тогда он выдаст Андрея милиции как не поддающегося лечению извращенца. Если бы до такого дошло, в распоряжении Голанда оказалась бы масса доказательств: показания Надежды и его автобиография со всеми провокационными подробностями. Андрей с содроганием думал, к чему все это может привести.

Всё это заставляло Андрея напряженно размышлять, как ему выпутаться из этой ситуации и завершить медицинскую эпопею, не разочаровав Голанда и жену. Он поклялся себе, что сделает все, чтобы улучшить отношения с Надеждой и воздержаться от встреч с мужчинами, – по крайней мере до окончания лечения. Он должен был заставить себя влюбиться в жену и доказать доктору, что терапия работает.

Через несколько месяцев после начала лечения Надежда действительно стала замечать положительные изменения в поведении Андрея, о чем сообщила Голанду. Тот попросил Надежду предоставить письменное свидетельство. Затем он изменил имена в ее рассказе и набрал его на машинке для будущих пациентов. Вот как Надежда описывала перемены в поведении супруга:

Стал помогать по дому, выбивает ковры, ходит в магазин. Теперь он никогда не оставляет меня, везде и всюду ведет с собой. Заигрывает со мной, когда мы одни.

Раньше он никогда не обращал внимания на мою одежду, прическу. Теперь покупает мне журналы мод, делает подарки. В его планах теперь есть место и для меня. Поездки в Москву, Ставрополь, Архангельск – а ведь раньше он и не подумал бы взять меня с собой.

Но самое главное, что в нем изменилось, – теперь он уделяет мне больше внимания, заботится обо мне. Может, это и не такое большое достижение, но по сравнению с тем, что было в прошлом, это очень много. Я его редко вижу пьяным. Он стал более уверен в себе. Ведь теперь он и не угроза для общества, как это было раньше, а даже полезен ему, как инженер и просто как человек.

Половую жизнь со мной Андрей начал очень неожиданно для меня. Это было где-то после Нового 1968-го года. После первого раза он стал проявлять больше ласки, и с каждым разом чувствовалось его возрастающее желание. Перерывы между сближениями сначала были три недели, потом две, теперь одна^[209].

Довольный таким отзывом и результатами лечения, Голанд попрощался с Надеждой и Андреем, заверив их, что, если им когда-нибудь снова понадобится помощь, они могут обратиться к нему, причем без всякой платы. Советская медицина вообще была бесплатной: «лечение» гомосексуальности для Голанда было своего рода хобби и способом повысить свою медицинскую репутацию и авторитет.

Андрей, впрочем, видел мало поводов для радости. Безусловно, ему удалось наладить отношения с женой и убедить ее, что терапия возродила его романтические чувства к ней. Он даже заставлял себя заниматься с ней сексом, и, казалось, Надежда наконец-то была удовлетворена. Однако Андрей по-прежнему испытывал сильное сексуальное влечение к мужчинам.

Он понимал, что долго изображать влюбленность в Надежду не удастся и нужно придумать более нормальный способ сосуществования. О разводе не могло быть и речи: Надежда слишком много знала и после расставания могла из злости и отчаяния заявить на Андрея в милицию. Даже если бы они разошлись полюбовно, то потеряли бы квартиру, так как государство выделяло жилье только семейным парам. Перспектива снова жить в общежитии или коммунальной квартире страшила Андрея.

Но тут его осенило: беременность и рождение ребенка позволили бы переключить внимание жены с сексуального удовлетворения на благополучие младенца. Он подумал, что им больше никогда не придется заниматься сексом и можно будет не беспокоиться об интимной жизни. В конце концов, сексуальная близость нужна для деторождения, а не для удовольствия. Рождение ребенка стало бы для Андрея прекрасным поводом жить с Надеждой без секса и встречаться с мужчинами на стороне. План сработал: через год у пары родился ребенок, который теперь полностью занимал Надежду, отвлекая ее внимание от сексуальной неудовлетворенности. Андрей тем временем спокойно возобновил знакомства с мужчинами.

В 1969 году, заметив, что к нему приезжает все больше иногородних пациентов с сексуальными проблемами, Голанд задумал создать в Горьком специализированный сексологический центр для работы с такими обращениями. В обществе, где сексуальные проблемы подавлялись и игнорировались, его услуги действительно пользовались большим спросом. Голанд подготовил проект, в котором подробно изложил свою идею. Он обещал, что центр сосредоточится в том числе на предоставлении специальной психотерапии для гомосексуалов, которая, как он с гордостью подчеркивал, не предоставлялась ни в одной советской клинике^[210]. Голанд отправил предложение заведующему московским отделением сексопатологии Павлу Посвянскому. Тот одобрил его и направил в вышестоящие инстанции. Однако чиновники из Министерства здравоохранения, за которыми оставалось последнее слово в любом подобном вопросе, остудили их пыл. Один из них был особенно возмущен предложением Голанда: «Он сумасшедший. Хочет лечить гомосексуалистов, как будто в стране нет нормальных пациентов, нуждающихся в лечении. А что насчет раковых больных? В больницах и для них-то нет мест, не говоря уже о гомосексуалистах. Пусть забудет об этом».

Несмотря на отказ, Голанд не оставил медицинскую практику и вел психотерапию сексуальных расстройств, стараясь помочь всем пациентам.

Глава 15, в которой Ян Голанд пытается излечить юношу от гомосексуальности

Оренбург, 1970

Молодежь всегда была приоритетом советских властей. Уже в 1920-х годах правительство создало различные молодежные организации, чтобы внушить новому поколению коммунистические ценности^[211]. Одной из них стала Всесоюзная пионерская организация имени Владимира Ленина, в которую принимали детей и подростков в возрасте от девяти до пятнадцати лет. Хотя становиться пионером было необязательно, почти все советские подростки шли по этому пути. Каждый советский школьник гордился принятием в пионеры и считал это важной вехой своей жизни. Пионерская организация должна была воспитывать активных членов общества, стремящихся построить светлое коммунистическое будущее.

Однако начиная с 1950-х годов советская молодежь все меньше соответствовала ожиданиям властей. После смерти Сталина и последующей либерализации общества при Хрущеве в СССР стало приезжать все больше иностранцев. Они привезли с собой западную культуру: поп-музыку, газеты и журналы, – и всё это привлекало советскую молодежь куда больше, чем партийный официоз. У нового поколения появлялись некоммунистические увлечения, например хеви-метал, рок-музыка и даже брейк-данс. В 1970-х годах, с ростом доступности западных технологий, молодые люди стали собираться в квартирах и комнатах у друзей, чтобы послушать музыку, а в случае детей из состоятельных семей – чтобы посмотреть видеокассеты. Пока родители были на работе или в отъезде, подростки пили алкоголь, курили марихуану и даже принимали тяжелые наркотики^[212].

Молодые люди 1960-х и 1970-х годов были менее консервативны в сексе и более открыты для экспериментов. Само слово «секс» вошло в обиход как раз в то время. Оно ассоциировалось главным образом с западной культурой, которая стала для многих ориентиром и примером для подражания^[213]. К ужасу советских чиновников, молодое поколение предпочитало временные связи постоянным отношениям, уклоняясь от своих обязанностей по созданию семьи и деторождению.

В такой атмосфере и вырос родившийся в 1952 году Саша. Ему повезло расти в обеспеченной по советским меркам семье. Отец Саши работал врачом, они жили в просторной квартире в хорошем районе Оренбурга и никогда не знали материальных трудностей.

Однако с девяти лет Саша стал чувствовать, что он не такой, как все. Он замечал, что его физически тянет к сверстникам мужского пола, вплоть до того что он испытывает к ним сильную эмоциональную привязанность и даже влюбляется. Саша считал это неправильным и, надеясь, что желание исчезнет само собой, прикладывал все усилия, чтобы встречаться с девочками [\[214\]](#).

В четырнадцать лет Саша стал ухаживать за Машей, симпатичной и умной блондинкой. Прекрасно понимая, что никакого сексуального влечения с его стороны нет, он всё же тешил себя надеждой, что в нужный момент не ударит лицом в грязь и займется с Машей сексом. Однажды, пока родители были на работе, они лежали на диване дома у Маши и смотрели телевизор. Саша обнял Машу и стал скользить руками по ее талии, ожидая, что этого будет достаточно, чтобы возбудиться, но, к его разочарованию, ничего не вышло. Саша не стал сдаваться и запустил руку Маше под юбку, но, увидев розовое белье, испытал острое чувство отвращения. Всякое желание было убито. Несмотря на то что Маша явно ждала продолжения, Саша убрал руку и сказал, что расхотел, не объяснив причины [\[215\]](#).

После этого случая Саша больше не искал секса с девушками. Но в шестнадцать лет ему снова пришлось об этом задуматься, так как большинство его одноклассников уже с кем-то встречались и на переменах хвастались своими сексуальными похождениями. Эти рассказы заставляли Сашу чувствовать себя неполноценным и побуждали доказать другим, а главное – самому себе, что он нормальный мужчина, способный заниматься сексом. В глубине души, однако, Саша знал, что никакой он не нормальный – ведь вместо девушек его сексуальные фантазии населяли юноши.

Как-то вечером отец Саши пригласил на ужин коллег-врачей. Они сидели на кухне, говорили о работе и последних достижениях советской медицины. Саша тем временем лежал в соседней комнате и рассеянно смотрел телевизор. Вдруг до него донесся любопытный обрывок разговора:

– Мне не кажется, что сексуальное влечение к лицам своего пола – это преступление, – сказал один из врачей. – Это просто психически больные люди, их нужно отправлять на лечение к психиатрам.

– Полностью согласен. Гомосексуализм – это медицинская проблема, а не преступление, – подтвердил другой врач.

Саша напряг слух, чтобы уловить остаток разговора, но больше гости отца на эту тему не говорили. Что за болезнь они упоминали? Гомосексуализм? Он тоже болен? Это лечится? Слово «гомосексуализм» засело у Саши в голове, и он решил узнать об этом побольше^[216].

Однажды, когда никого не было дома, Саша пробрался в отцовскую библиотеку в надежде найти ответы на свои вопросы. Стены библиотеки от пола до потолка были заставлены книгами и журналами. Саша прошелся по полкам, и его взгляд остановился на батарее увесистых томов. На корешках было написано: «Большая медицинская энциклопедия». Он взял с полки несколько книг, пролистал их и вскоре нашел нужную статью. Сердце заныло, когда он прочитал определение слова «гомосексуализм» – неестественное влечение к представителям своего пола.

Он лихорадочно забегал глазами по странице и заметил еще одну строчку:

Лечение гомосексуализма очень сложно. Оно занимает много времени, требует правильного сочетания лекарств, в том числе гормональных, и далеко не всегда бывает успешным.

Саша снова и снова перечитывал эти строки, пытаясь переварить то, что только что узнал.

«Так вот оно что! Значит, я болен гомосексуализмом!» – подумал он.

Это открытие потрясло его и легло тяжелым бременем на душу. Несмотря на то что Саша понимал, что его болезнь – не шутка и, очевидно, требует срочного лечения, он не знал, где искать помощи. Было очень стыдно, он чувствовал себя виноватым.

Но затем его осенило: его отец был уважаемым врачом и наверняка что-нибудь знал об этой болезни. Возможно, он мог бы помочь. Однажды вечером, когда отец работал в библиотеке, Саша осторожно спросил его:

– Папа, тут один мой друг спросил меня, что такое гомосексуализм, а я не знал, что ответить.

Он старался звучать как можно более равнодушно, чтобы не выдать искреннего желания узнать ответ.

– Сынок, эти люди – ненормальные, над ними все смеются, это страшная и неизлечимая болезнь, – сказал отец, не поднимая глаз от бумаг на столе. Казалось, он был очень занят и не хотел, чтобы его беспокоили^[217].

Ответ отца напугал Сашу еще больше.

«Если отец как врач говорит, что гомосексуализм – это страшная и неизлечимая болезнь, значит, так и есть» – с ужасом подумал он.

В следующие несколько дней Саша не мог перестать размышлять о словах отца, они глубоко его обеспокоили. Но вскоре ему удалось утешить себя мыслью, что ситуация не так уж плачевна, как могло показаться. Да, врачи считали гомосексуализм болезнью, однако сам он не ощущал никаких ужасных симптомов. Да, его сексуальное желание было постыдным, но оно казалось ему настолько естественным и врожденным, что уже через несколько недель он отказался от первоначального намерения обратиться за медицинской помощью. Вместо этого он стал исследовать свое сексуальное влечение к мужчинам и вскоре даже нашел сверстников, с которыми занимался взаимной мастурбацией.

В шестнадцать Саша поехал в летний лагерь, где ему еще раз напомнили о «неправильной» природе его желания. Однажды, когда они с другими мальчиками отдыхали на речке, все прыгнули в воду, чтобы искупаться, а Саша остался на берегу. Услышав за спиной шепот, он обернулся и увидел свою знакомую Настю – она высунулась из палатки и поманила его пальцем. Саша послушно залез внутрь.

– Подойди ближе, – прошептала Настя. – Мне нехорошо, голова болит.

Саша придвинулся.

– Поцелуй меня! – неожиданно прошептала Настя, обхватив Сашу за плечи.

Он подчинился.

– Сильнее!

Он поцеловал ее еще раз и крепко обнял. Ни поцелуй, ни объятия не вызвали у Саши той волны приятных ощущений, которая

накатывала на него, когда он фантазировал о юношах или мастурбировал с кем-нибудь из приятелей. Тем не менее он продолжил гладить Настю по бедру, медленно продвигаясь к промежности. Делал он это вовсе не из похоти, а потому что видел фильмы с подобными сценами и запомнил, как в них вели себя мужчины. Одновременно Саша судорожно возился со своим вялым членом в надежде добиться эрекции и наконец доказать себе, что способен на секс с девушкой. Этого так и не случилось. Чувствуя, что у Саши ничего не выходит, Настя вздохнула и мягко дала ему понять, что они могут попробовать в другой раз^[218].

Никакого другого раза не было, так как после этого случая Саша всеми силами старался избегать Насти и других девушек. Вместо этого он проводил все время в компании парней и даже влюбился в одного из них. Петя, как Саша узнал позже, был «болен» той же болезнью. У него были трудности в изучении английского языка, поэтому Саша любезно предложил ему летом вместе заниматься английским в библиотеке отца^[219].

Однажды летом в особенно жаркий день они вдвоем были у Саши дома и учили грамматику. Духота стояла такая, что сидеть можно было только по пояс голыми, в одних шортах. Едва позанимавшись час, юноши решили передохнуть. Саша позвал Петю в гостиную, где они закурили. Саша откинулся в кресле и вытянул ноги перед собой. Затянувшись, он стал рассматривать голубые клубы дыма и передал сигарету Пете, который сделал то же самое. Вдруг, к удивлению Саши, Петя протянул руку и погладил его по бедру. Сильное сексуальное желание разрядом пробежало по телу Саши. Не раздумывая, он наклонился к Пете, они начали пылко целоваться и трогать друг друга. С того дня Саша регулярно приглашал Петю «подтянуть английский», и тот ни разу не пропустил урок^[220].

После школы пути Саши и Пети разошлись: Петя уехал учиться в Куйбышев, а Саша поступил в медицинский университет в Оренбурге^[221]. На первом курсе Саша был полностью поглощен учебой, и у него не было времени ни с кем встречаться. Но на втором курсе он увлекся своим одноклассником Артемом. Длинноволосый красавец с грустными голубыми глазами и спортивным телосложением теперь занимал все его мысли. Чувства Саши были довольно

сильными, но он никак их не проявлял. Юноши просто дружили, и Артем не подозревал, что Саша имеет на него виды ^[222].

Красивого и обаятельного Артема часто приглашали на вечеринки. Он очень нравился девушкам, что, конечно, заставляло Сашу ревновать. Несмотря на свою популярность, Артем никогда не пренебрегал дружбой с Сашей и брал его с собой везде, куда его приглашали. Однажды они зашли на вечеринку к одному из друзей Артема. Из кассетного магнитофона гремела рок-музыка. Сквозь густой дым Саша разглядел пары юношей и девушек, лениво развалившихся на полу тускло освещенной квартиры. Они курили, прислонившись к стене. Одна пара, жадно целуясь, удалилась в спальню родителей, чтобы заняться любовью. Вокруг были разбросаны пустые бутылки из-под пива и водки ^[223].

Артем скрылся из виду, оставив Сашу стоять в коридоре и с завистью смотреть на парочки.

«Хочу быть как они, – думал он. – Хочу испытывать нормальное влечение к девушкам. Хочу сидеть вот так и целоваться, беззаботно и без чувства вины. Нужно найти врача. Кто-нибудь, пожалуйста, помогите мне! Я больше не могу так жить» ^[224].

На следующий день Саша начал поиски врача. Он знал, что в Оренбурге есть хороший психиатр, Владимир Черных, знакомый его отца, который, возможно, мог бы помочь с его проблемой, но одна мысль о том, чтобы открыться незнакомому человеку, заставляла Сашу вздрогнуть от ужаса. Обратиться к специалисту, очевидно, было бы крайней мерой. В конце концов, он сам учился на врача и, возможно, мог как-то помочь себе сам.

Решив собрать больше информации о природе своего недуга и возможных вариантах лечения, Саша отправился в университетскую библиотеку, где пролистал множество учебников по психиатрии. В одном из них говорилось, что гомосексуализм лечится с помощью гипноза. Саша почувствовал проблеск надежды. Профессора университета, где учился Саша, в своих лекциях часто хвалили гипноз как один из самых действенных способов лечения психических расстройств, и юноша надеялся, что этот метод ему подойдет.

«Может, педерасты, которые носят женские платья, качают бедрами, манерно говорят и категорически презирают женщин, и безнадежны, но я-то нормальный парень, я хочу стать настоящим

мужчиной, у меня молодой и здоровый организм, эндокринные железы в полном порядке, я могу вылечиться», – утешал себя Саша^[225].

Не зная предмета душевных терзаний друга, но прекрасно замечая его подавленное состояние, однажды вечером Артем пригласил Сашу в гости к своей девушке Марине. Там Саша познакомился с подругой Марины Лизой, бойкой брюнеткой, которая тут же стала с ним флиртовать. Почувствовав это, Саша отвел Артема в сторону:

– Почему ты не сказал мне, что собираешься свести меня с Лизой? – раздраженно пробурчал он.

– Саша, ты выглядишь таким несчастным... Это всё потому, что девушки у тебя нет. Лиза милая и симпатичная и тоже без пары. Дай ей шанс!

Гнев Саши вскоре утих: он не мог долго злиться на Артема. Если Артему хотелось, чтобы он переспал с Лизой, он вполне мог это сделать. В конце концов, Саша пытался дойти до близости с женщиной, и, хоть до сих пор ему это не удавалось, может, на этот раз всё получится.

Они поужинали, выпили вина, включили магнитофон и стали танцевать. Неспешно покачиваясь в такт романтической музыке, Саша нежно обвил рукой талию Лизы. Он судорожно пытался сообразить, что делать дальше. Склониться для поцелуя? Ждать, пока Лиза сама проявит инициативу? Просто продолжать танцевать и ничего не предпринимать? В конце концов, это их первая встреча: возможно, поспешность всё только испортит?

Но через пару мгновений Лиза вдруг опустила руку, слегка коснувшись Сашиного паха, и захихикала. У Саши внутри всё рухнуло – он совершенно растерялся. Лиза снова коснулась его, на этот раз настойчивее, видимо, надеясь вызвать эрекцию, но ее прикосновение убило любое желание и еще больше расстроило Сашу. Они продолжали танцевать, а молодой человек с тревогой ожидал, что будет дальше^[226].

К полуночи все были навеселе и возбуждены. Артем и Марина заняли родительскую спальню, а Саше с Лизой достался раскладной диван в соседней комнате. Сначала Саша думал, что может напиться и просто притвориться, что не способен заняться сексом, но потом все же решил собрать волю в кулак и попытаться переспать с Лизой.

Они легли в постель, и Сашины мытарства начались снова. Как он ни старался достичь эрекции, ничего не получалось. Пот струился по его лицу и спине, но член становился только более вялым. Когда Лиза пыталась до него дотронуться, становилось только хуже. Саша был в отчаянии, он даже пытался представить Артема, но безрезультатно. После нескольких попыток они сдались: Лиза повернулась на бок и уснула, а Саша, смущенный и расстроенный, всю ночь ворочался без сна [\[227\]](#).

На следующий день Саша проснулся полным решимости записаться на прием к психиатру Черных и во всем признаться. Даже беседа с медиком не может быть более постыдной, чем ночь с Лизой: что ему терять? Саша попросил отца записать его на прием к Черным, не объясняя причин, и отец охотно согласился.

Вскоре Саша сидел перед Черных в его кабинете в психиатрической больнице Оренбурга. Видя, как Саша волнуется, Черных заверил его, что всё, что он скажет, останется конфиденциальным. Поначалу Саша считал, что может довериться доктору, но, подумав, решил описать проблему только в общих чертах, избегая явных формулировок и особенно слова «гомосексуализм». Черных внимательно слушал, изредка сочувственно кивая. Саша начал делиться своими сексуальными неудачами с женщинами и даже попытался рассказать доктору о своем влечении к Артёму:

– Как видите, мне трудно заниматься сексом с девушками. А еще у меня есть друг, его зовут Артём, и он мне очень нравится. Очень. У нас крепкая дружба, и я по-настоящему им восхищаюсь.

Но рассказать Черных больше Саша просто не смог себя заставить.

Не желая клещами тащить из молодого человека тяжелые признания, Черных вдруг сказал:

– Не волнуйтесь, можете не продолжать, я всё понял. Я могу гарантировать вам скорейшее выздоровление. У меня было несколько пациентов с похожей проблемой, и я знаю, как легко это заболевание лечится [\[228\]](#).

Саша был обескуражен. Неужели у Черных было много пациентов с таким же диагнозом? И неужели ему правда удалось вылечить их от гомосексуализма? Саше очень хотелось в это верить, поэтому он воздержался от дальнейших расспросов и решил просто довериться

опыту и знаниям Черных. Черных что-то нацарапал на бланке и протянул его Саше со словами:

– Вот рецепт на лекарство, которое позволит снять нервное напряжение. Помимо этого, каждое утро обтирайте половые органы холодной водой. Рекомендую заняться спортом: это поможет поддерживать эрекцию и укрепит ваше сексуальное возбуждение.

«Да нет у меня проблем с возбуждением – проблема в том, что возбуждаюсь я только при виде мужчин, и с эрекцией то же самое: она довольно сильная, но не тогда, когда надо», – подумал Саша. Он заволновался, что доктор мог неправильно понять его проблему, но затем успокоился. По крайней мере, Черных гарантировал полное выздоровление, а такой специалист вряд ли бы стал вселять в своих пациентов ложные надежды^[229].

В последующие дни Саша добросовестно исполнял рекомендации Черных и принимал назначенное лекарство. Затем он решил проверить, дает ли лечение результат, и встретиться с Лизой. Он отчаянно хотел загладить свою вину перед ней и доказать, что его недавняя сексуальная неудача была всего лишь случайностью. Однако, к своему разочарованию, он снова потерпел полное фиаско.

«Наверное, я запустил болезнь до такой степени, что никакие холодные растирания и успокоительные не помогут», – подумал Саша^[230].

В еще большем отчаянии он явился в кабинет Черных и потребовал, чтобы тот провел с ним сеанс гипноза.

– Я много читал о гипнозе и убежден, что только он может мне помочь, – заявил он Черных.

– Могу провести с вами сеанс гипноза в день свидания с вашей девушкой. Так будет эффективнее, – предложил Черных.

Саша назначил новое свидание с Лизой и записался на прием к Черных на тот же день, как они и договаривались. Доктор задернул шторы в кабинете и выключил свет, оставив только маленькую лампу на столе. В комнате стояла кушетка; Черных попросил Сашу прилечь и закрыть глаза^[231].

– Ложитесь поудобнее... Почувствуйте, как ваше тело расслабляется. Сейчас вы медленно засыпаете. Засыпаете. Спите, – говорил Черных, пододвигая свое кресло ближе к дивану.

Черных подождал несколько минут. Саша лежал на кушетке, сцепив руки на груди и стараясь дышать размеренно.

– Сейчас вы пойдете к своей девушке, встретитесь с ней, и в вас проснется желание. Пока она будет раздеваться, желание будет становиться всё сильнее и сильнее. И тогда вы удовлетворите свое желание...

Происходящее нисколько не соответствовало ожиданиям Саши о том, как должны проходить сеансы гипноза. Он не находился ни в каком трансе и был полностью в сознании. От слов Черных он чуть не расхохотался, но сумел сохранить серьезное лицо и притвориться, что дремлет.

– Откройте глаза! – скомандовал Черных, включив свет. – Теперь вы можете идти к своей девушке и делать всё, как я сказал^[232].

Хотя Саша все еще не верил, что сеанс гипноза дал желаемый результат, он все-таки проникся оптимизмом. Поблагодарив врача, он пошел домой. Вскоре приехала Лиза.

Они снова послушали музыку и отправились в Сашину комнату. Там они стали целоваться, стянули друг с друга одежду и легли в постель. Эрекции у Саши снова не было, но Лиза уже привыкла к этому, что немного его успокоило. Саше потребовалось почти сорок пять минут, чтобы добиться эрекции, – он просто лежал рядом с Лизой, мастурбируя, а Лиза нежно гладила его и время от времени целовала. Она была очень терпелива.

Но каждый раз, когда Саше казалось, что он готов, его пенис просто опадал. Лиза откидывалась назад, давая молодому человеку время сосредоточиться, а потом они пробовали снова. И снова. Только с пятой попытки им удалось совершить половой акт. Он длился несколько секунд и завершился Сашиным оргазмом. Хотя всё случилось исключительно благодаря мастурбации, Саша всё равно считал это победой. За этим последовали новые сеансы гипноза и встречи с Лизой, во время которых Саше удавалось испытать оргазм после длительной, болезненной и неловкой мастурбации. Он осознавал, что не испытывает к Лизе сексуального влечения, и буквально заставлял себя заниматься с ней сексом. Такое положение дел продолжалось не меньше двух месяцев^[233].

В то же время Саша продолжал дружить с Артемом, очаровываясь им все больше и больше. Мысли о неудачных попытках переспать

с Лизой не беспокоили его, пока друг был рядом. Артем не был блестящим студентом, поэтому Саша всегда помогал ему с учебой и приглашал к себе, чтобы вместе заниматься. Когда Артем обнимал Сашу, чтобы выразить свою признательность за дружбу и помощь, по телу Саши пробегала волна восторга и ни с чем не сравнимого удовольствия. Но когда он вспоминал, что их дружба никогда не перерастет в нечто большее, на него накатывала грусть. Вскоре и дружбе пришел конец: Артема уличили в романе с шестнадцатилетней девочкой, разразился скандал, и в результате его отчислили из университета. Ему пришлось пойти в армию, что означало, что Саша не сможет видеться с ним как минимум два года. Саша был безутешен: он чувствовал невосполнимую утрату и от расстройства даже перестал видеться с Лизой^[234].

Несмотря ни на что, нужно было жить дальше. Саша продолжал втайне страдать от безответной любви к друзьям мужского пола и одновременно пытаться заниматься сексом с женщинами. Его новая девушка Ирина быстро поняла, что у Саши проблемы с эрекцией, но, как и Лиза, была терпелива. Саша ей действительно нравился: он был красивым парнем и прекрасным собеседником. Когда Саша только начал встречаться с Ириной, ему снова потребовалось почти сорок минут, чтобы «настроиться» на половой акт, но со временем удалось сократить это время до пятнадцати, а потом и до десяти минут. Однажды ему даже удалось достичь оргазма с Ириной целых четыре раза, хотя продолжительность половых актов по-прежнему не превышала минуты. Саша и это считал успехом, о чем в подробностях рассказал Черных^[235].

Ситуация с интимной жизнью, впрочем, так и не улучшилась. Во время секса с девушками Саша всегда был вынужден мастурбировать, что занимало много времени, а когда он наконец достигал эрекции, приходилось сразу же начинать половой акт — в противном случае эрекция пропадала. Он знал, что у других все иначе, и что сексуальное возбуждение должно исходить от сознания, а не механической стимуляции пениса. Саша верил, что чем больше он спит с женщинами, тем больше удовольствия сможет от этого получить, но естественное желание так и не приходило, и он только сильнее расстраивался. К тому же Саша устал бороться с собой и своим

влечением. Он страдал, тайком поглядывая на мужчин, фантазировал о них и в то же время понимал, что им не суждено быть вместе.

В университете друзья и однокурсники Саши часто сплетничали об общих знакомых. Однажды, сидя на задних рядах на лекции по экономике, они обсуждали Рому, который учился с ними на курсе.

– Товарищи, ходят слухи, что он гомосексуалист, – сказал Иван.

Все вокруг захихикали. Заметив какое-то воодушевление на задних рядах, лектор бросил на студентов сердитый взгляд. Иван и остальные на минуту притихли, но затем возобновили разговор.

– Настоящий педераст, говорю вам. У него с девушкой никогда и не было, – добавил кто-то, стараясь говорить шепотом, чтобы его не услышали.

– Мерзость какая; надо его проучить.

Тут же кто-то нацарапал на мятом листке бумаги язвительный стишок о Роме и пустил его по аудитории. Студенты открывали записку, читали, хихикали и передавали дальше. В ней говорилось:

Наш Рома – сильный эконо.

Он с законами знаком.

Лучший он экономист,

Гомо...он...сексуалист!^[236]

Хотя Саше стишок смешным не показался и сначала он даже захотел остановить приятелей, когда бумажка попала к нему в руки, он лишь притворно улыбнулся и передал ее соседу. Не хотелось привлекать к себе лишнего внимания, защищая человека, о котором ходили такие слухи. Сердце Саши екнуло. Что, если однажды однокурсники узнают, что он тоже гомосексуал? Будут ли они так же измываться над ним? Сочинят ли они такой же издевательский стишок, чтобы передавать его по аудитории? Саша содрогнулся от этой мысли, но постарался успокоить себя: «Но я-то не гомосексуалист. Да, мне нравятся мужчины, но я сплю и с девушками. Достигаю с ними оргазма. Но мне все равно нравятся мужчины. Правда нравятся. Нужно что-то с этим сделать. Нужно стараться изо всех сил и полностью искоренить в себе это постыдное желание».

После того случая в университете Саша стал одержим идеей вылечить свою гомосексуальность – он боялся не только диагноза, но

и того, что кто-нибудь узнает о нем. Сашу приводила в ужас возможность стать объектом всеобщих насмешек.

«Может быть, Черных не такой уж великий психиатр, и мне стоит обратиться к кому-нибудь еще», – думал он.

Страстно желая попасть на прием к другому специалисту, Саша закатил истерику в кабинете Черных, рыдая и умоляя направить его к кому-нибудь другому. Понимая, что советы закончились и ему больше нечего предложить Саше, Черных сказал:

– Я направлю вас к настоящему сексопатологу. Но он живет в Москве^[237].

В тот же день Черных позвонил Сашиному отцу и объяснил, что его сын страдает от импотенции и что сам Черных больше не может ему помочь, так как Саша нуждается в помощи профильного врача и как раз такой есть в Москве. Отец Саши отнесся к совету коллеги серьезно, заказал билеты для себя и сына, и уже через неделю они были в столице.

Сексопатологом, которого рекомендовал Черных, оказался не кто иной, как Павел Посвянский, заведующий кафедрой сексопатологии, один из отцов-основателей этой науки в СССР. Его отделение располагалось на территории Московского НИИ психиатрии, в одном из корпусов, обнесенных кирпичным забором. Саша с отцом отправились туда прямо из аэропорта^[238].

По дороге Сашу одолевало множество мыслей. Что он скажет сексопатологу? Сможет ли ему довериться? Можно ли рассказать ему всё в деталях или стоит описать проблему в общих чертах? Но опять же, какой смысл что-либо утаивать, если он действительно хочет, чтобы доктор ему помог? Расскажет ли доктор отцу все, в чем Саша ему признаётся?

Вскоре Саша сидел в кабинете Посвянского и смотрел на крупного круглолицего мужчину в белом халате. Как и Черных, в начале встречи Посвянский предупредил Сашу, что он должен быть честен и откровенен, если хочет, чтобы лечение дало результат, и что все, что он скажет, остается строго конфиденциальным. На этот раз Саша решил ничего не утаивать. Более того, он решил использовать именно тот термин, который нашел в энциклопедии, чтобы помочь доктору поставить правильный диагноз и не углубляться в описание деталей, которые заставили бы его краснеть.

– Доктор, я думаю, я гомосексуалист. Пожалуйста, ничего не говорите моему отцу, – Саша схватился за голову и заплакал, надеясь на снисхождение врача.

Посвянский уважал частную жизнь своих пациентов и понимал, в каком затруднительном положении находится большинство из них, поэтому отнесся к молодому человеку с глубоким сочувствием. Посвянский был сведущим специалистом и многое знал о сексуальных отклонениях. После того как Саша успокоился, профессор задал ему несколько вопросов, чтобы убедиться, что точно понимает его проблему, а затем с улыбкой сказал:

– Что ж, я смотрю на перспективы вашего лечения с большим оптимизмом^[239].

Саша просветлел – слова Посвянского пробудили в нем проблеск надежды.

– Есть один врач. У него целая система лечения таких больных. Он живет в Горьком. Его зовут Ян Генрихович Голанд.

«Я поеду куда угодно! – подумал Саша. – Если понадобится, брошу университет, сделаю все, чтобы излечиться от гомосексуализма».

Посвянский сдержал свое слово и не раскрыл отцу Саши реальный диагноз сына.

– У вашего сына импотенция, – сказал Посвянский. – Но это лечится, и в Горьком есть один очень хороший специалист с большим опытом в решении таких проблем. Я рекомендую вам обратиться к нему. Уверен, он сможет помочь Саше.

Саша с отцом провели еще пару дней в Москве, после чего отец вылетел в Оренбург, а сын на поезде отправился в Горький. Он устал постоянно менять врачей, и ему не терпелось поскорее встретиться с Голандом, о котором так хорошо отзывался Посвянский. Глядя, как проносятся мимо леса и поля, укрытые белым снегом, Саша тешил себя надеждой, что скоро его проблемы останутся позади. Если Голанд специализировался именно на гомосексуальности, значит, наверняка знал, как ее лечить.

Вскоре Саша познакомился с Голандом. Тот действительно вселял надежду и, в отличие от Черных и Посвянского, излучал какую-то грубоватую харизму. Еще Голанд был очень высоким. Он казался более живым, но была в его поведении и излишняя грубость, иногда, по

мнению Саши, граничащая с пошлостью. Когда Саша сказал Голанду, что болен гомосексуализмом, доктор невозмутимо спросил:

– Расскажите о своих партнерах. Они вводят пенис в ваш анус? Или обычно наоборот? Вы активны или пассивны?

Такая грубая прямота слегка шокировала Сашу, но, решив, что эти подробности необходимы для эффективного лечения, он терпеливо отвечал на все вопросы.

– А как насчет кумиров? – Голанд продолжил допрос. – Сколько их у вас сейчас? И сколько их вообще было к этому моменту?

Саша сначала не понял, что Голанд подразумевает под словом «кумир», но тот объяснил ему, что кумир – это объект его сексуального желания, мужчина, с которым ему хотелось бы переспать. Так Саша рассказал ему об Артёме и других мужчинах, которых он любил и с которыми имел сексуальные отношения.

– Теперь давайте представим следующее, – сказал Голанд. – Если бы в СССР не было уголовного преследования за мужеложство, вы бы по-прежнему были заинтересованы в лечении своей болезни или отказались бы от этой идеи?

– Доктор, я мечтал избавиться от этой болезни с того момента, как понял, что болен. Конечно, я хочу вылечиться – я хочу быть нормальным мужчиной, иметь нормальную девушку и жить нормальной жизнью.

– Поздравляю, вы отвечаете моему главному критерию отбора. Обычно я не трачу свое время на пациентов, которые начинают лечение только ради иммунитета от уголовного преследования. Им кажется, что, если их однажды поймают, стоит рассказать в милиции, что они лечатся от гомосексуализма, и это поможет избежать наказания. Честно говоря, я не знаю, как это работает, но мне такие нечестные пациенты не нравятся.

«Если я отвечаю его критериям, значит, я не безнадежен, меня можно вылечить», – подумал Саша и тут же представил, как будет гулять с новыми подружками и наконец-то научиться получать удовольствие от секса.

– Для лечения вам придется остаться здесь, в Горьком. Вы ведь учитесь в университете? – Саша кивнул в знак согласия. – Тогда придется оформить академический отпуск минимум на полгода. Не

волнуйтесь, мы не будем разглашать ваш истинный диагноз, просто напишем, что страдаете неврозом.

Шесть месяцев? Похоже, Голанд действительно знал, что делал. Саша и сам чувствовал, что его глубоко укоренившееся сексуальное влечение к мужчинам не вылечить за одну ночь и требуется длительное лечение, так что слова Голанда прозвучали для него убедительно. Саша с нетерпением ждал начала терапии.

– Попросите отца организовать доставку ваших вещей в Горький и начинайте искать жилье. Это должно быть тихое место, потому что у вас будет много домашней работы.

Свой путь к гетеросексуальности Саша начал с огромным рвением. Его вещи доставили на той же неделе, и Саша сразу снял у пожилой женщины комнату в Горьком. Отец пообещал помочь и с деньгами.

– Это дневники моих бывших пациентов. Я успешно лечил их от гомосексуализма, – сказал Голанд, протягивая Саше папку с бумагами. – Ваша первая задача – внимательно прочитать их. Хочу, чтобы вы убедились, что ваша проблема не уникальна, другие тоже страдали от той же болезни и смогли от нее избавиться. После того как вы их изучите, начните вести собственный дневник. Я хочу, чтобы вы описали свое детство и сексуальные фантазии, которые у вас были, в мельчайших подробностях. Фиксируйте и ход своего лечения.

«Наконец-то я в руках настоящего профессионала с большим опытом лечения гомосексуализма, – вздохнул Саша с облегчением. – На этот раз лечение обязательно принесет результаты, по-другому и быть не может».

– Да, и еще: всеми силами избегайте общественных туалетов, бань и будьте осторожны в переполненных автобусах. У нас в Горьком тоже полно гомиков, – бросил Голанд.

В первый же вечер Саша принялся с жадностью читать дневники бывших пациентов Голанда и, конечно, узнал себя в рассказах этих людей. Все они в раннем детстве чувствовали, что они другие, все они не могли понять, что с ними не так. Все они узнали слово «гомосексуализм» либо случайно, подслушав чей-то разговор, либо внимательно изучив книги по психиатрии. Всех к Голанду направили другие врачи. И все они к концу своего пути сообщали, что наконец-то избавились от гомосексуального влечения и сумели добиться сильного гетеросексуального. Саша был полон надежд.

«Как хорошо, что Ян Генрихович [Голанд] запретил мне писать мужчинам, с которыми у меня был секс и в которых я был влюблен. Если бы не он, я бы продолжал им писать, что, конечно, нарушило бы ход лечения. Сегодня я твердо решаю оставить все свои сексуальные фантазии в Оренбурге и начать здесь новую жизнь!» – торжественно пообещал себе Саша.

Вскоре Саша освоил основы аутотренингов и релаксации, которые, как объяснил Голанд, были необходимы для снятия стресса и напряжения всякий раз, когда он погружался в гомосексуальные фантазии или не мог оторвать глаз от красивого мужчины на улице. Он усердно тренировался утром и вечером, несмотря на раздражающий звук телевизора, доносившийся из комнаты надоедливой старой хозяйки квартиры. Лежа в постели, Саша закрывал глаза, отгонял мысли о знакомых мужчинах, вызывая вместо них образы красивых девушек. Он заметил, что после нескольких сеансов образы объектов его желания, или кумиров, ранее почти неискоренимые из его сознания, начали потихоньку блекнуть. Его эмоции по отношению к мужчинам, которых он раньше любил, были уже не такими сильными, как раньше, – жизнь в другом городе, очевидно, помогла ему забыть их.

Всякий раз, когда Саша видел мужчину, который казался ему привлекательным, он тут же переключал внимание на руку в кармане, представляя, как она медленно холодеет. Это помогало отвлечься от нежелательных сексуальных переживаний. Засмотревшись на мужчину, он старался перевести взгляд на девушку. Голанд также давал Саше журналы с фотографиями женщин и рекомендовал внимательно рассматривать их перед сном и пытаться мысленно раздевать моделей глазами.

Пытаясь отвлечься от мужчин, Саша занимал себя учебой. Несмотря на академический отпуск по болезни, ему нужно было сдавать промежуточные экзамены, а это означало, что в свободное время приходилось к ним готовиться.

Так прошел месяц, и Саша считал, что ему удалось добиться некоторого прогресса. Заставляя себя постоянно думать о женщинах, он наконец-то смог избавиться от гомосексуальных фантазий перед сном, а также от гомосексуальных снов по ночам. Он тщательно

фикси́ровал свои успехи в дневнике, а затем зачитывал их Голанду, который тоже был доволен ходом терапии.

Иногда всё же случались и неудачи. Их Саша также фикси́ровал в дневнике:

Ночь сегодня была ужасная. Лег я рано, измученный последними неудачными сеансами аутотренинга, проснулся среди ночи от сильнейшего гомосексуального сновидения... потом долго не мог заснуть. В голову лезли мысли об Оренбурге, вспомнилось по крайней мере пять человек, с которыми у меня когда-то была сексуальная связь. Тщетно пытался прогнать эти мысли и заснуть. Вообще, должен сказать, что в голове у меня все перемешалось. Видимо, идет борьба не на жизнь, а на смерть между гомо- и гетеросексуальным началом, но на сегодняшний день победа остается за первым. Уже сегодня с самого раннего утра мечтаю о встрече с Яном Генриховичем, так как состояние худшее за последние несколько дней^[240].

Спустя месяц он по-прежнему осознавал, что его гомосексуальное желание никуда не делось, и ругал себя за это в дневнике:

Какой-то злой внутренний голос сказал мне: «Ну что, неужели ты до сих пор не убедился, что никогда не вылечишься, не сегодня завтра Я. Г. скажет тебе, что сделать ничего нельзя. И отправит тебя обратно. Да, так и будет. Ведь прошел месяц, а результатов никаких нет. В Оренбурге А. Б. вообще не понимал, что у тебя гомосексуализм, ты целый день бился, боролся, ты насильно заставлял себя быть с женищинами, а затем приехал сюда, полный надежд, и вот в результате снова ничего не получилось. Нет, брось эту нелепую затею, ты же хотел умереть, почему же ты не исполнил своего желания? «Ян Генрихович, я сделаю все, что вы скажете, я буду заниматься день и ночь, я хоть завтра брошу институт, если потребуется, и не пожалею средств, сил, ничего!» – так поклялся я себе. Но стоило мне закрыть глаза, как непрошенные видения явились сами собой^[241].

Однако потом ему снова стало казаться, что он восстановил контроль над гомосексуальным влечением. Хотя Саша избегал общественных туалетов и других мест скопления гомосексуалов,

однажды так вышло, что он случайно завязал знакомство с другим гомосексуалом, которого звали Артур. Это произошло в университете в Оренбурге, куда Саша иногда ездил на лекции:

Нет, теперь я решительно ничему не удивляюсь. Сегодня я узнал такую бомбу, сенсацию, которая заслонила буквально все, превратилась в доминанту. Случайно разговорившись с одним парнем из группы, я узнал, что он тоже гомосексуалист. Он рассказал мне все свои ощущения, встречи с парнями, мужчинами, и это всколыхнуло во мне воспоминания, я ощутил довольно сильное возбуждение. Оказывается, он знаком с целой компанией гомосексуалистов и к тому же совершенно не раскаивается и не бичует себя. Он считает, что каждый волен удовлетворяться, как ему вздумается, что их [гомосексуалистов] не так уж и мало, и он вовсе не так уже и хочет лечиться. Неприятная мысль стукнула мне в голову: «А может, он прав!» Но нет! У меня нет другого пути, кроме лечения^[242].

Однажды Саша и Артур сидели в парке на скамейке и беседовали, как вдруг на тропинке появилась девушка. Саша, приучивший себя ценить женскую красоту, автоматически посмотрел на нее и толкнул Артура под ребро.

– Смотри, какая красавица! – несколько наигранно кивнул он в сторону девушки.

– Отвратительно. – Артур скорчил гримасу и отвернулся.

– Неужели ты не видишь, как она красива? А я вот вижу, – настаивал Саша с чувством морального превосходства. Он даже испытывал легкое презрение к своему новому другу, который так и остался несчастным гомосексуалом, обреченным ошиваться в дурнопахнущих общественных туалетах. В отличие от него, Саша скоро вылечится и оставит позади прежнюю гомосексуальную жизнь, сотрет ее из памяти.

Тут на горизонте появилась пара: крепко сложенный молодой человек с миниатюрной девушкой, держась за руки, лениво прогуливались по парку. Мужчина сразу привлек внимание Артура:

– Как жаль, что такой шикарный парень гуляет с такой дурой.

– Тебе самого себя должно быть жаль, – надменно ответил Саша.

Когда пара прошла мимо, Артур повернулся к Саше и положил руку ему на бедро, отчего тот вздрогнул.

– Может, пошалим немного? – Артур указал в сторону густых кустов за скамейкой. – Могли бы немного подержать друг друга за... ну, ты понимаешь. Разве я не в твоём вкусе?

Знакомое тепло разлилось по телу Саши. Он слишком хорошо знал, что оно означает: ситуация могла выйти из-под контроля в любую минуту, и нужно было брать себя в руки.

– Слушай, ты очень даже в моём вкусе. Просто мне не хочется, – сказал Саша, осторожно убирая руку Артура со своего бедра. – Если бы я хотел с тобой развлечься, я бы уже это сделал. Если бы мы встретились год назад, я бы обязательно именно так и поступил, потому что ты мне правда нравишься. Но я совершенно не намерен прерывать терапию, которая, несмотря на все сложности, уже даёт результат^[243].

Саша гордился собой, ведь ему удалось устоять перед соблазном, это очень ободряло и обнадеживало его. Он делал явные успехи, хотя все еще чувствовал, что его сексуальное влечение к женщинам оставляет желать лучшего. Но всему своё время. В первую очередь нужно было достичь сексуально-психологического вакуума.

Хотя встреча с уверенным в себе Артуром несколько поколебала убежденность Саши в необходимости лечения гомосексуальности, он не сдавался. 14 июня 1971 года, спустя почти четыре месяца с начала лечения, Саша написал:

Я хочу особо подчеркнуть, что в отношениях с девушками исчезла прежняя скованность и нерешительность. Если раньше знакомство с девушкой было для меня целым событием, что я «аж» познакомился с девушкой, – причем это все, конечно, через силу и неприязнь и сопровождалось мыслями о кумире, – то теперь знакомство и разговор с девушкой стали совершенно обычными явлениями, естественными. Конечно, ни о какой неприязни уже речи быть не может: я пытаюсь мысленно раздевать ее, а в это время веду непринужденную беседу. Когда я вижу девушку, я тут же говорю себе: «Какая изумительная девушка», пытаюсь найти в ней что-то красивое, а при виде симпатичного парня я говорю себе: «Фу, какая отвратительная харя» – и пытаюсь выискать что-то некрасивое в его чертах или просто отворачиваюсь. Это, конечно,

грубо, но зато помогает. И так с каждым днем мы идем вперед. Думаю, что к настоящей половой жизни можно будет перейти примерно к середине июля. Нужно строить планы на будущее, это помогает, так как каждый раз я замечаю, что мой план выполняется^[244].

Грандиозные планы Саши стать гетеросексуалом, однако, нарушил случай. 18 июля 1971 года он решил ненадолго съездить в Москву – ему нужно было сменить обстановку, чтобы проветрить голову и набраться душевных сил для финального рывка в борьбе с гомосексуальным желанием. Он чувствовал, что ведет себя как настоящий гетеросексуал, но остатки гомосексуальности все еще тревожили его.

18 июля 1971 года Саша приехал на вокзал, как оказалось, с большим запасом – поезд должен был отправиться только через два часа. Саша бесцельно бродил по вокзалу и вскоре захотел курить. Он купил сигареты в ближайшем киоске и пошел в парк, где устроился на скамейке и закурил. Саша наслаждался такими моментами, и, хотя курение он считал едва ли не таким же вредным, как гомосексуальность, оно не вызывало у него столь острого чувства вины^[245].

Через пару мгновений вдалеке показалась фигура. Человек направлялся к скамейке, на которой сидел Саша. Это был высокий мужчина мускулистого телосложения, чисто выбритый и, как отметил Саша, элегантно одетый. Когда он поравнялся с Сашей, их взгляды встретились.

– Огоньку не найдется? – спросил незнакомец. Саша кивнул, достал из кармана спичечный коробок и протянул незнакомцу.

Тот прикурил и сделал затяжку.

– Вы не против? – Он жестом указал на скамейку, где сидел Саша.

– Конечно, нет, присаживайтесь, пожалуйста, – неловко ответил Саша и отодвинулся на край скамейки.

– Куда направляетесь? – продолжал незнакомец.

Саша на мгновение замялся, смущенный любопытством и открытостью незнакомца.

– В Москву, навестить друга^[246].

Незнакомец усмехнулся, что только подтвердило Сашины подозрения: он был гомосексуалом и искал партнера. Саша ему понравился. Сердце Саши забилося чаще: он знал, что, конечно, сможет сдержать себя, как и раньше, но в последнее время желания брали над ним верх. Если Саша не возьмет себя в руки и не уйдет немедленно, всё может плохо кончиться. Но почему-то Саша продолжал сидеть как заколдованный: тело отказывалось ему подчиняться, он не мог собраться с силами, чтобы встать и уйти. Всё, что он мог сделать, – слегка отодвинуться от незнакомца, чтобы избежать близких прикосновений, которые могли бы спровоцировать новую волну нежелательных эмоций. Они беседовали, как вдруг незнакомец подался к Саше, обхватил его за плечи и притянул к себе. Его дыхание было горячим и тяжелым.

Саша не ожидал такого – он попытался вырваться из мускулистых рук незнакомца и вскочить на ноги, но тот оказался сильнее и крепко сжал Сашу в железных объятиях. В этот момент всё вокруг закружилось, Саша почувствовал прилив знакомого, приятного тепла, от которого он так долго бежал. Незнакомец что-то говорил, но Саша уже не слушал: он был заморожен и парализован. Незнакомец тем временем скользнул рукой к бедру Саши и добрался до ремня на его брюках.

– Что... что вы делаете? Видите ли, я не гомосексуалист... – дрожащим голосом сказал Саша, полузакрыв глаза. Не обращая внимания на протесты Саши, незнакомец расстегнул его штаны, и тогда, смирившись с неизбежным, Саша прошептал себе под нос: – Слушай, это может быть опасно... Тебе не кажется?^[247]

Услышав Сашино замечание, незнакомец остановился.

– Да, ты прав, – кивнул он и за руку потянул Сашу в густые кусты за скамейкой. Там, в тени листвы, было укромное место, по всей видимости, хорошо ему знакомое. Крепко сжав Сашу в объятиях, мужчина тяжело дышал и целовал его лицо, шею, губы. Саша закрыл глаза, поддаваясь настойчивым ласкам незнакомца, а затем, замешкавшись на мгновение, ответил на поцелуй. Они провели в кустах около пяти минут, а когда всё закончилось, незнакомец вскочил и натянул штаны. Саша тоже медленно поднялся, отряхиваясь от пыли и грязи.

– Приятно было познакомиться, – усмехнулся незнакомец, пожимая руку Саше. – Счастливого пути, – добавил он, выбираясь из кустов^[248].

Саша был глубоко разочарован случившимся «рецидивом» – такого нельзя было допускать. С начала терапии прошло почти пять месяцев, и ему должно было стать лучше, а не хуже.

«Но этот незнакомец был так напорист! Именно из-за его настойчивости я и сдался, он крепко держал меня и не хотел отпускать», – сказал себе Саша. Поначалу он планировал скрыть происшествие от Голанда, но всё же решил этого не делать и упомянул о случившемся в своем дневнике. Может быть, Голанд его и отчитает, но это только на пользу.

Поездка в Москву прошла гладко: Саше удалось хорошо провести время, не забывая о своей конечной цели – стать гетеросексуалом. В Москве было гораздо больше соблазнов, чем в Горьком, и Саша прекрасно понимал, что вероятность рецидива там в два раза выше. Но ничего такого не случилось. Инцидент у вокзала в Горьком поселил в Саше чувство жгучего стыда: он корил себя за слабование и поклялся, что это последний раз, когда у него был секс с мужчиной. Он старательно отрабатывал упражнения аутотренинга, заставляя себя не заикливаться на привлекательных незнакомцах, а смотреть на симпатичные женские лица.

Через неделю он вернулся в Горький и сразу же рассказал Голанду о происшествии на вокзале. Голанд немного поругал его и еще раз предупредил, чтобы он не ходил в парки и общественные бани. Он также напомнил Саше, что их психотерапевтические сеансы скоро закончатся и ему придется вернуться в Оренбург, чтобы возобновить учебу и бороться со своим гомосексуальным влечением самостоятельно – исключительно с помощью аутотренинга. Но Саша был готов к этой битве.

Глава 16, в которой юрист предлагает ввести уголовную ответственность для лесбиянок

Москва, 1970

Несмотря на то что в 1960-е годы некоторые советские ученые считали добровольную гомосексуальную связь между двумя взрослыми людьми их личным делом и настаивали, что она не должна рассматриваться как преступное деяние, конечно, были и те, кто категорически отвергал такую точку зрения. В их числе – Борис Даниэльбек, ученый-криминалист из Азербайджанского государственного университета: он презирал гомосексуалов и считал, что их место в тюрьме. Это мнение он выразил в своей докторской диссертации «Уголовно-правовая борьба с половыми преступлениями»^[249], над которой работал с середины 1960-х по 1970-е годы.

Негативное отношение Даниэльбека к гомосексуальности вполне объяснимо: он родился и провел значительную часть жизни в Азербайджане. Местные жители связывали однополые отношения между мужчинами с печальными страницами истории региона – юношей и мальчиков похищали для сексуальной эксплуатации. Никто не рассматривал гомосексуальность как медицинскую проблему, как это делали медики в других, менее «традиционных» республиках СССР^[250]. Такие взгляды на гомосексуальность повлияли на восприятие Даниэльбека: он не мог себе представить, что существуют гомосексуальные контакты по обоюдному согласию, и рассматривал такой секс как практику принуждения, которая обязательно наносит вред более уязвимому.

Будучи специалистом по половым преступлениям, Борис Даниэльбек знал о дебатах по вопросу гомосексуальности в сообществе советских правоведов. Он также знал, что некоторые советские юристы доходили до того, что предлагали СССР последовать примеру ряда капиталистических и социалистических стран и отменить статью 121.1, запрещающую взрослым мужчинам гомосексуальные отношения по обоюдному согласию. Такое предложение казалось Даниэльбеку совершенно неприемлемым: он

считал, что социалистическая мораль, лежащая в основе советского общества, несовместима с подобным поведением.

Но еще больше Даниэльбек поражал тот факт, что в СССР законом не регулировались гомосексуальные отношения между женщинами. Нигде в Уголовном кодексе он не мог найти упоминания женской гомосексуальности, и создавалось впечатление, что существование подобных отношений между женщинами совершенно не беспокоило советскую власть. На то была причина: советские гомосексуальные женщины не выискивали партнерш для секса на улицах, как это делали гомосексуальные мужчины, и потому оставались вне поля зрения милиции. Они вели себя более сдержанно и скрытно. Некоторым женщинам, состоявшим в гомосексуальных отношениях, удавалось завуалировать их под дружбу.

Судебные архивы, с которыми Даниэльбек работал во время написания диссертации, ломились от папок с уголовными делами советских граждан, и женская гомосексуальность иногда упоминалась в них как одно из обстоятельств уголовного дела, но не как фактическая причина вынесения обвинительного приговора.

Одно из таких дел касалось девятнадцатилетней Г. из Тбилиси. Отчиму Г. стало известно о ее тайных романтических отношениях с одной из подруг, девушкой лет двадцати. Пытаясь избежать публичного позора и заставить дочь одуматься, отчим быстро выдал Г. замуж за мужчину. Но в первую брачную ночь Г. в отчаянии выбросилась с балкона и трагически погибла. В конце концов следователи установили, что причиной ее самоубийства стала любовь к другой женщине и насильственный брак^[251].

«Бедная девушка, – думал Даниэльбек, изучая материалы дела. – Если бы ее не совратила опытная лесбиянка постарше [возлюбленной Г. на тот момент было чуть больше двадцати, тогда как самой Г. исполнилось девятнадцать], она не поддавалась бы этому пороку и была бы жива. И если бы эту старшую лесбиянку вовремя осудили, она не распространяла бы свое пагубное влияние на молодые неокрепшие умы. Советский закон должен запрещать и лесбийские отношения».

Убежденный в том, что как мужское, так и женское гомосексуальное поведение должно регулироваться советским законодательством, Даниэльбек выдвинул в своей диссертации два основных тезиса: в Советском Союзе статья 121.1,

криминализирующая добровольное мужеложство, вопреки взглядам отдельных ученых и либеральным тенденциям на Западе, должна остаться в силе; более того, следует отдельно ввести уголовное наказание за лесбиянство.

Во-первых, Даниэльбек подверг критике мнение, высказанное Павлом Осиповым в его диссертации «Половые преступления» (1966), где последний утверждал, что, даже если гомосексуальные акты по обоюдному согласию между взрослыми мужчинами противоречат социалистической морали, это само по себе не может считаться достаточным основанием для признания их преступными. На это Даниэльбек возражал: «Отрицательные свойства личности, если только они наносят существенный ущерб принципам социалистической морали, могут рассматриваться как преступные»^[252]. Осипов также утверждал, что частный характер добровольного мужеложства делает его очень трудным для расследования и поэтому логичнее декриминализировать такие отношения, а не преследовать за них. Даниэльбек, конечно же, не согласился: «Интимный характер гомосексуальных действий, совершаемых добровольно, в значительной степени затрудняет привлечение всех совершающих это деяние к уголовной ответственности, однако вовсе не говорит об исключении по этим соображениям уголовно-правовых мер»^[253]. Наконец, Осипов отмечал, что существующий закон не смог навязать гетеросексуальность гомосексуальным гражданам, поэтому должен быть отменен. Даниэльбек ответил, что «...уголовно-правовое запрещение гомосексуализма не является единственным и “надежным” средством его предотвращения. Для пресечения этой аморальной склонности требуется в первую очередь сочетание общественного и лечебного воздействия; но сбрасывать со счетов воспитательное значение уголовного наказания никоим образом нельзя».

Даниэльбек атаковал и еще одного правоведа, Якова Яковлева, призывавшего к декриминализации мужеложства. Яковлев подчеркивал, что половое воспитание является наиболее подходящим средством профилактики гомосексуальности. Даниэльбек на аргументы Яковлева ответил: «Уголовное наказание играет важную роль в предупреждении гомосексуализма, является сдерживающим фактором для тех, кто подвержен этому пороку... криминализация

добровольного мужеложства в нашем законодательстве вполне обоснованна, и нет причин к изменению действующего уголовного закона в этом вопросе»^[254].

Даниэльбек работал над своей диссертацией почти десять лет и в 1970 году был готов к защите. Для получения степени Даниэльбек должен был представить автореферат диссертации и защитить ее основные положения перед комиссией. Кроме того, за несколько месяцев до защиты он должен был разослать свою диссертацию рецензентам, чтобы они внимательно изучили ее и написали отзывы, которые также должны были быть зачитаны на защите.

Даниэльбек был уверен, что его новаторские аргументы в пользу криминализации лесбиянства будут хорошо восприняты членами комиссии. Он также надеялся, что, заручившись поддержкой экспертов, он сможет обратиться в вышестоящие инстанции с предложением как можно скорее ввести закон о криминализации лесбиянства. Он даже воображал, что за это его могут представить к награде – ведь он защищал социалистическую мораль и боролся за здоровые сексуальные отношения в СССР. Даниэльбеку не терпелось услышать хвалебные отзывы за обнаружение пробела в Уголовном кодексе и наконец-то получить научную степень, ради которой он так старался.

Однако, получив рецензии, Даниэльбек был ошарашен: мало того что экспертов не впечатлило его предложение криминализировать лесбиянство, некоторые члены комиссии даже подвергли сомнению его аргументы в пользу сохранения советских законов о мужеложстве:

Так, несмотря на весьма ограниченную распространенность трибадии^[255] (о чем свидетельствуют и данные, приводимые автором), в диссертации предлагается ввести наказуемость за действия, в которых выражается этот вид половой аномалии. Приводимая при этом автором аналогия между трибадией и педерастией неубедительна с учетом как распространенности этих явлений, так и данных, характеризующих их с точки зрения медицинской науки, которой, кстати, автор при рассмотрении других вопросов уделяет должное и заслуженное внимание.

Заслуженный юрист РСФСР, доктор юридических наук,
профессор В. В. Курляндский^[256]

Диссертант считает необходимым ввести уголовную ответственность за трибадию, которую он считает по своей вредности тождественной мужеложству. Спорное положение о тождественности трибадии мужеложству хотя бы уже потому, что она значительно реже встречается, чем педерастия...

Заслуженный юрист РСФСР, доктор юридических наук,
профессор Марк Якубович^[257]

...Исходя из общей направленности нашего законодательства, по нашему мнению, нет достаточных оснований вводить уголовную ответственность за трибадию между взрослыми женищинами, тем более что данных о распространенности этого деяния не имеется, тогда как диссертант высказывается за их криминализацию.

Доктор юридических наук, профессор Григорий Анашкин^[258]

Со многими выводами автора следует согласиться за исключением необходимости установления уголовной ответственности за добровольную трибадию. В нашей Республике мы не располагаем данными о распространенности такого извращения, и его нельзя считать настолько опасным, чтобы отнести к категории преступных.

А. Г. Ибрагимов, председатель Верховного суда
Азербайджанской ССР^[259]

Аргументация автора в обоснование наказуемости добровольного мужеложства недостаточно убедительна...

В. Кириченко, профессор и заведующий кафедрой уголовного
права Высшей школы МВД СССР^[260]

...Думается, что высказывания целого ряда авторов о необоснованности введения наказуемости добровольного мужеложства в нашем законодательстве с достаточной убедительностью диссертантом не опровергнуты. Ненаказуемость добровольного гомосексуализма, несомненно, позволит безбоязненно обращаться за врачебной помощью по поводу своего извращения, и с этим нельзя не считаться. Трудно сказать, что может принести больше пользы для общества – лечить этих людей или наказывать их... Почему же отдельных лиц благодаря неудачно сложившейся в их жизни обстановке нужно привлекать к уголовной

ответственности, а не принимать соответствующие меры по недопущению этих извращений?

Заслуженный юрист РСФСР, доктор юридических наук,
профессор Марк Якубович^[261]

Останавливаясь на спорных вопросах уголовной ответственности за мужеложство, Б. В. Даниэльбек доказывает необходимость сохранения уголовной ответственности за добровольную педерастию взрослых мужчин без отягчающих обстоятельств. Он отмечает, что сторонники отмены такой ответственности, к которым относится автор данного отзыва, считают, что «гомосексуализм является специфическим видом полового влечения, свойственного некоторым лицам и заложенного в них самой природой». Между тем никто из современных советских ученых медиков и юристов подобного мнения не придерживается. Они полагают, что биологические формы, в которых происходит половое общение между взрослыми людьми, должны быть предметом правового регулирования, только если это общение затрагивает социальную сторону половых отношений – нарушает половую свободу, половую неприкосновенность или нормальное половое развитие и воспитание несовершеннолетних. При этом подчеркивается, что гомосексуальные отношения, безусловно, противоречат социалистической морали и с ними необходимо вести борьбу, однако эта борьба при отсутствии отягчающих обстоятельств должна проводиться не в форме уголовной репрессии, а в первую очередь путем надлежащей постановки полового воспитания в семье и в школе.

Доктор юридических наук Я. М. Яковлев^[262]

Даниэльбек подумать не мог, что найдется так много рецензентов, готовых выступить против криминализации любого вида добровольных гомосексуальных отношений. Он предполагал, что большинство членов комиссии поддержит его взгляды и даже поставит ему в заслугу то, что он выявил важное юридическое упущение – отсутствие уголовного наказания за лесбиянство. Однако он ошибался. Многие правоведы уже давно высказывали идею о том, что сексуальные отношения, если они не причиняют вреда другим людям, не должны регулироваться законом.

Представив экспертной комиссии автореферат своей диссертации и выслушав зачитанные отзывы, Даниэльбек был вынужден признать, что его взгляды на необходимость криминализации лесбиянства нуждались в переосмыслении, и что проблема лежала скорее в медицинской плоскости, чем в юридической. Тем не менее он остался при своем мнении касательно сохранения в Уголовном кодексе СССР статьи о гомосексуальных действиях между мужчинами. Несмотря на то что большинство присутствовавших на защите не были согласны с мнением Даниэльбека, никто не осмелился начать дискуссию. Эксперты рекомендовали Даниэльбеку доработать аргументы, касающиеся лесбиянства, в соответствии с пожеланиями комиссии, после чего единогласным решением присвоили ему степень доктора юридических наук.

Глава 17, в которой бывший солдат страдает от внутренней гомофобии

Владимир, 1978

У Павла, как и у большинства советских мальчиков, родившихся в 1938 году, было тяжелое детство^[263]. Семья была бедной, отец погиб на фронте в 1943-м, когда Павлу было всего пять лет. Мальчик часто терпел побои от отчима, которого редко видел трезвым. В 1949-м, не имея возможности содержать своего одиннадцатилетнего сына, мать Павла отправила его в Суворовское училище. Там мальчикам давали военную подготовку и среднее образование. Большинство курсантов, как и Павел, либо были сиротами, либо воспитывались матерями-одиночками.

Павел рос в строгих казарменных условиях интерната. Он носил военную форму, вставал рано утром, маршировал в строю. Жил Павел как солдат: сплошные тренировки и занятия; лишь изредка у него оставалось время на себя.

Почти сразу после поступления в интернат Павел стал испытывать странные чувства к другим курсантам. Глядя на них и думая о них, он ощущал нечто непривычное, но приятное. Несмотря на то что эти чувства становились всё сильнее, Павел изо всех сил старался заглушить их, отвлекая себя военной подготовкой^[264].

В 1957 году, когда Павлу исполнилось девятнадцать, оказалось, что он единственный среди своих друзей-курсантов не обзавелся девушкой. И хотя у него никогда по-настоящему не было такого желания, он знал: чтобы соответствовать ожиданиям друзей, нужно с кем-то встречаться. Почти у всех однокурсников были истории о сексуальных похождениях. Одному Павлу нечего было вставить в эти разговоры, что очень его расстраивало и заставляло чувствовать себя не в своей тарелке.

И вот как-то вечером на территории военного училища появилась миниатюрная симпатичная девушка по имени Маша. Она была дочерью одного из преподавателей училища, и Павел столкнулся с ней после вечерних занятий. Завязался разговор, и молодые люди проболтали до поздней ночи. Павел подозревал, что нравится Маше, но не знал, как поступить. С одной стороны, давно было пора начать с

кем-то встречаться, и Маша казалась приличной девушкой, с другой стороны, он не испытывал искреннего желания в это ввязываться и даже не был уверен, что Маша достаточно его привлекает. Сидя рядом с Машей на диване в углу аудитории, под портретом Ленина, Павел не мог набраться смелости, чтобы наклониться и поцеловать ее. В итоге девушка просто уснула у него на плече.

Павел тоже закрыл глаза и так до утра и пролежал в неудобной позе и безуспешных попытках заснуть, стараясь не делать резких движений, которые могли бы разбудить Машу. После этого в интернате и среди его друзей поползли слухи о «ночных приключениях» Павла с Машей. Павел не подтверждал и не опровергал их и со временем приобрел репутацию эксперта в любовных делах^[265].

Несмотря на завидную и совершенно незаслуженную репутацию, Павел по-прежнему испытывал трудности с женщинами. Он пытался подходить к ним на вечеринках, целовать и даже прикасаться, подражая поведению друзей, которым, казалось, это давалось куда более естественно, но девушки его отвергали.

«Возможно, они чувствуют мою ущербность, – подумал Павел, испытав облегчение при мысли, что можно оставить попытки. – Может, просто мой разум диктует мне, что делать, а тело хочет чего-то другого. Может, именно поэтому все мои попытки ухаживать за девушками были безуспешны»^[266].

В том же 1957 году влечение Павла к мужчинам впервые нашло выход. Зимой, когда большинство друзей разъехалось по домам, Павел остался в казарме училища. Его сосед по комнате Дмитрий тоже не поехал к семье. Однажды вечером они оба лежали в своих кроватях, между которыми было около метра, и обсуждали планы на жизнь. Дмитрий сказал, что хочет сделать военную карьеру, а Павел признался, что ему надоела военщина и что он мечтает о тихой спокойной жизни. Так они и болтали ни о чем, пока Дмитрий не спросил:

– У тебя есть кто-то?

Павел покачал головой.

– Я никогда не спал с девушкой, – неожиданно несколько робко признался Дмитрий. Он выглядел смущенным. – Я старше тебя, а ты уже эксперт.

– Да там ничего сложного, – соврал Павел. – Хочешь покажу, как это делается?

После недолгих колебаний Дмитрий кивнул, и Павел тут же скользнул к нему под одеяло. Он поцеловал Дмитрия, и тот, к его удивлению, не оттолкнул его, а поцеловал в ответ. В ту ночь они мастурбировали друг другу, и так продолжалось несколько дней, пока Дмитрий не решил резко оборвать их связь, сказав: «Мы должны остановиться. Я должен это с девушками делать, а не с тобой»^[267].

В том же году Павел вернулся к гражданской жизни, устроился работать электриком во Владимире и стал посещать инженерные курсы в вечерней школе. Здесь же он нашел новых друзей. По окончании Суворовского училища Павел ожидал, что его влечение к мужчинам ослабнет, как только он больше не будет ими окружен, но он ошибся. Казалось, тяга к мужчинам только усиливалась. Пытаясь подавить ее, Павел встречался с женщинами, но всякий раз, когда он пытался заняться с ними сексом, у него просто не возникало эрекции.

На курсах у Павла появился друг по имени Егор, приветливый молодой человек, который по выходным часто приглашал Павла присоединиться к его компании в поездках на природу, где они обычно оставались на ночь и спали в палатках у реки. Павел всегда спал в одной палатке с Егором, и иногда, когда они лежали рядом, Егор во сне неожиданно выбрасывал руку и закидывал ее на Павла. Павел не понимал, были эти прикосновения случайны или Егор так пытался обнять его, притворяясь спящим. Такая двусмысленность только подогревала чувства Павла к Егору. В походах они часто фотографировались в плавках, и Павел очень дорожил этими снимками и старался держать под рукой – один взгляд на них поднимал ему настроение и помогал бороться с одолевавшими грустными мыслями. Однако, к разочарованию Павла, Егор женился, и, по мере того как семейная жизнь все больше его затягивала, их дружба разладилась и они стали отдаляться друг от друга^[268].

По окончании курсов в вечерней школе Павел пошел в армию. Здешняя обстановка была ему хорошо знакома: он окончил Суворовское военное училище и в казарме чувствовал себя как дома. Несмотря на то что Павла снова окружали мужчины, у него не было сексуальных связей с сослуживцами, так как он сумел отвлечься от своих желаний, снова сосредоточившись на военной подготовке^[269].

После двух лет службы Павел демобилизовался и поступил в университет, где завел новые знакомства. Его по-прежнему преследовало сильное сексуальное влечение к однокурсникам, и в попытках спастись от него Павел возобновил попытки встречаться с женщинами. Все они, впрочем, заканчивались неудачей. Он уже почти отчаялся, когда встретил Валерию. Когда Валерия увидела, что Павел не может поддерживать эрекцию во время полового акта, она не обиделась и не стала попрекать его «отсутствием мужественности», как это делали бывшие девушки Павла. Напротив, она проявила большую чуткость, дав Павлу понять, что секс для нее не имеет большого значения и ничего страшного не случилось. Терпение Валерии вскоре окупилось: после ряда неудачных попыток Павлу все-таки удалось совершить половой акт, пусть и с очень слабой эрекцией. Для Павла, однако, даже это было победой – впервые в жизни ему удалось переспать с женщиной [\[270\]](#).

Несмотря на вновь обретенную надежду, все последующие попытки Павла сохранить эрекцию терпели фиаско. Однажды вечером, окончательно потеряв терпение, Валерия набросилась на Павла: «Да не вымучивай ты этот секс, ты либо не хочешь меня, либо просто больной...» [\[271\]](#)

Павла как громом поразило: а что, если он действительно болен? Неужели его неспособность к гетеросексуальному половому акту вызвана какой-то страшной болезнью, которую нужно срочно лечить? Было ли его влечение к мужчинам тоже обусловлено болезнью? Никогда раньше ему не приходило в голову, что это может быть недугом, а не его собственной виной. Слова Валерии звенели в ушах Павла еще не одну неделю. Этот случай положил конец их отношениям: Валерия больше не хотела мириться с сексуальными трудностями Павла, а Павел был слишком смущен, чтобы продолжать попытки.

В 1968 году Павлу исполнилось тридцать. Он был по-прежнему холост, что для советских мужчин было очень редким явлением. Все его сверстники женились, многие из них воспитывали детей, пользуясь льготами, которые государство предоставляло молодым семьям. Отчаянно пытаясь соответствовать, Павел бросил все силы на поиски «любви всей своей жизни», которая смирилась бы с его импотенцией и приняла бы его таким, какой он есть. Поскольку женщин в СССР было

больше, чем мужчин, а интимная жизнь большинства советских семей в любом случае была довольно скудной, у Павла были все шансы найти супругу. В конце концов он встретил Анжелу, свою ровесницу, которая, будучи одинокой, тоже испытывала давление со стороны общества и терзалась мыслью, что останется такой навсегда. Недолго повстречавшись, они поженились.

Анжела приняла импотенцию Павла спокойно и смирилась с семейной жизнью без секса. Она старалась ценить в муже другие качества: он отличался трудолюбием, был перспективным инженером и, в отличие от многих советских мужчин с их слабостью к алкоголю, почти не пил. Хотя у Анжелы возникали некоторые сомнения относительно глубинных причин сексуальных проблем Павла, она никогда не задавала неудобных вопросов. В конце концов, в СССР было трудно найти достойного мужа, и Анжела была благодарна за то, что имела.

Павел тоже научился жить в этом «неполноценном» браке счастливо и даже убедил себя, что любит жену и не мыслит жизни без нее. Несколько раз он собирал волю в кулак, чтобы заняться с Анжелой сексом и зачать ребенка, и в конце концов Анжела забеременела. Рождение ребенка только укрепило уверенность Павла в себе: он почувствовал, что он здоровый мужчина, способный заниматься сексом с женщиной. Секс с Анжелой по-прежнему оставался для него обременительной обязанностью, которую он не мог игнорировать. Временами это было непосильно, совершенно мучительно и тягостно, но другого выбора у Павла не было. Иначе его захлестывало чувство вины за то, что он не удовлетворял жену ^[272].

Несмотря на женитьбу, желание сексуальной близости с мужчинами не покидало Павла и даже усиливалось, угрожая выйти из-под контроля. В июле 1970 года, когда Анжела уехала с ребенком к матери в деревню, Павел решил пойти в городской парк, где, как он знал, можно было встретить таких же, как он. Павел часто чувствовал на себе их пронзительные взгляды, когда прогуливался там с женой, но всегда отводил глаза. В парке он вскоре познакомился с мужчиной и после короткой беседы пригласил его к себе домой. Павел понимал, что поступает опрометчиво, но желание было настолько непреодолимым, что затмило все опасения. Дома Павел и мужчина,

имени которого он не помнил, выпили по две рюмки водки и перешли к делу.

Хотя алкоголь заглушил страхи Павла и мгновенно раскрепостил его, он не решался заняться анальным сексом – одна мысль об этом вызывала у него страх и отвращение. Через несколько минут они оба достигли оргазма, и впервые в жизни Павел узнал, что такое настоящее удовлетворение от секса. Около десяти минут они лежали в тишине, пытаясь перевести дыхание. Затем мужчина натянул штаны и вышел за дверь, оставив Павла голым лежать в постели. Павел пролежал так не менее получаса, наслаждаясь каждой секундой доселе неизвестного, но очень приятного ощущения, которое долгое время сохранялось в его теле и о существовании которого он даже не подозревал.

Вскоре действие алкоголя стало ослабевать, и блаженство сменилось горьким раскаянием в содеянном. Павел соскочил с кровати, схватил простыни, наполнил ванну водой с мылом и бросил их туда. Он надеялся, что Анжела ничего не заметит, когда вернется. Он поклялся себе, что это была разовая встреча и что он больше никогда не позволит своему желанию взять верх.

Через несколько дней Анжела вернулась. Как только она появилась в дверях, Павел бросился к ней, крепко обнял, поцеловал в губы, а затем, прижав к себе, стал неуклюже расстегивать блузку. Такой пылкий прием застал Анжелу врасплох – она никогда не считала своего мужа страстным любовником; если на то пошло, в их паре именно она хотела секса. Но вот он – глубоко и жадно целует ее по всему телу и ведет в постель.

«Наверное, так соскучился!» – промелькнуло в голове у Анжелы. Она не знала, что несвойственная Павлу нежность была вызвана не радостью по поводу ее приезда, а его отчаянной попыткой доказать самому себе, что он все еще способен заниматься сексом с женщиной. Кроме того, он хотел загладить свою вину – измену. Секс не был блестящим, член Павла остался довольно вялым, но все же ему удалось достичь оргазма.

«Я нормальный! – успокаивал он себя. – Я только что занимался сексом со своей женой, я не преступник, не больной. Я нормальный»^[273].

Павел не смог сдержать данное самому себе обещание больше никогда не спать с мужчинами. В том же 1970 году его назначили

начальником стройки в небольшом городке Ковров, где он должен был проводить пять дней в неделю. Работа в другом городе, вдали от Анжелы и сына, давала ему возможность передохнуть. В Коврове Павлу выделили небольшую комнату в общежитии, куда он мог приводить мужчин. Тем не менее он долго не решался воспользоваться уединением: он не хотел, чтобы контакты с мужчинами вошли в привычку. Его беспокоило, что чем больше он поддается своим желаниям, тем сильнее от них зависит, поэтому за 1970 год он привел в свою комнату только троих ^[274].

Когда строительные работы в Коврове закончились, из Москвы прибыла комиссия для осмотра и торжественного открытия объекта. Один из чиновников, Эдуард Петрович, мужчина лет сорока, выделялся на фоне других членов комиссии, чьи угрюмые лица были под стать их мрачным серым костюмам. Эдуард Петрович казался более жизнерадостным: он улыбался, носил пеструю рубашку и шейный платок. В его жестах и голосе тоже было что-то особенное, хотя Павел не мог определить, что именно. Эдуард Петрович, в свою очередь, пожирал Павла глазами на церемонии открытия, и, когда все члены комиссии направились в местную столовую выпить водки по случаю, он подошел к Павлу, представился и спросил, не знает ли он, где в городе баня. Павел замешкался, пытаясь понять, чем заинтересовал человека из Москвы.

– Да, тут есть баня, я могу вас туда отвести, если хотите, – к собственному удивлению, сказал наконец Павел.

И он повел Эдуарда Петровича в баню, которую уже посещал. Дальнейшая беседа подтвердила его подозрения: Эдуарда Петровича тоже интересовали мужчины, и он имел виды на Павла. Намыливая Павлу спину, Эдуард Петрович стал нежно водить руками по его телу, задерживаясь на ягодицах и спускаясь к бедрам. Павел готов был провалиться сквозь землю от смущения, так как не ожидал, что начальник проявит такую смелость и начнет трогать его в общественной душевой при других мужчинах. Павел не находил московского начальника привлекательным и постарался дать ему это понять, намылив спину без каких-либо чувственных прикосновений. Эдуард Петрович намек понял и отказался от своих авансов. Этот опыт поселил в Павле чувство вины и отвращения, которое сохранялось в

течение нескольких месяцев и удерживало его от встреч с другими мужчинами^[275].

Хотя Павел постарался вычеркнуть этот неприятный случай из памяти, он заставил его задуматься о том, как живет гомосексуал в Москве. Основываясь на впечатлении об Эдуарде Петровиче, он представлял москвичей смелыми и дерзкими; они могли иметь хорошо оплачиваемую работу и пользоваться уважением в обществе, несмотря на откровенно женственное поведение. Во Владимирской области встретить настолько женоподобного мужчину, как Эдуард Петрович, было немыслимо.

Вскоре у Павла появился шанс своими глазами взглянуть на Москву, так как ему пришлось поехать туда по работе. В первый же день командировки, закончив работу, Павел отправился на Казанский вокзал, где надеялся встретить таких же, как он. Огромное здание, увенчанное башней с часами, поразило Павла красотой и роскошью – никогда в жизни он не видел такого вокзала. От нескончаемых потоков людей, спешащих в разных направлениях, у Павла даже закружилась голова, но потом он привык к суете. Он пробирался по лабиринтам вокзала и многочисленным богато украшенным залам ожидания, восхищаясь окружающим великолепием. У него даже вылетело из головы, зачем он сюда пришел, – настолько величественным было это место.

Затем в углу одного из залов ожидания он увидел табличку «ТУАЛЕТЫ». Павел направился туда, открыл дверь и шагнул внутрь. Вонь ударила в ноздри и заставила его поморщиться от отвращения. Несмотря на то что этот туалет находился на одном из самых красивых вокзалов, которые Павлу доводилось видеть, он насквозь пропах табаком и мочой и в этом отношении ничем не отличался от других туалетов. Павел прикрыл нос рукой и направился к писсуарам.

Стоя у писсуара, он услышал скрип двери и тяжелые шаги за спиной. Через мгновение рядом с ним появился мужчина и стал возиться с ремнем. Павел повернул голову в его сторону и вздрогнул: мужчина посмотрел на него, подмигнул и улыбнулся кривыми зубами. Отпрянув, Павел быстро закончил свои дела и вышел из туалета, не помыв руки. Он просто хотел как можно быстрее покинуть это место и стереть из памяти уродливое лицо.

«Я не такой, как они, – утешал себя Павел в трамвае по дороге в гостиницу. – Они чудовища, которые бродят по этим грязным туалетам и выискивают себе подобных. Они уродливы и несчастны. Я не хочу иметь с ними ничего общего. Я более чем доволен своей жизнью: у меня есть семья, жена, сын».

Мир московских гомосексуалов оказался отнюдь не таким манящим, как представлял себе Павел. Командировка продлилась всего три дня, и Павел вернулся во Владимир, как только закончил дела.

Несколько месяцев спустя он снова поехал в командировку в Москву. И хотя поначалу Павел гнал из головы мысль о посещении туалетов, в конце концов он вернулся на Казанский вокзал. На этот раз он не стал заходить в туалет, а задержался в одном из залов ожидания. Вскоре к нему подошел симпатичный мужчина лет тридцати и представился Антоном. По обыкновению, между новыми знакомыми завязался разговор.

– Не хочешь зайти ко мне? Можешь остаться на ночь. Я живу здесь неподалеку, – предложил Антон.

Павел кивнул, и они вышли из здания вокзала. Антон привел Павла к похожей на дворец сталинской высотке, ничем не напоминавшей тесную хрущевку, в которой жил сам Павел (и подавляющее большинство советских граждан). На входе их встретил консьерж. Они поднялись на лифте и вскоре оказались в просторной, тускло освещенной квартире с паркетными полами и высокими потолками. Квартира, очевидно, принадлежала кому-то из советской элиты, о чем свидетельствовала обстановка: обои с тиснением на стенах, огромные ковры на полу, шкафы с инкрустированными дверцами. Даже античные колонны в прихожей!

Антон выдал Павлу тапочки и провел его на кухню размером почти со всю квартиру Павла. Негромко играла оперная музыка. Посреди кухни стоял большой стол, накрытый для ужина. На бутылках с алкоголем красовались этикетки с названиями, которые ни о чем бы не сказали большинству советских граждан: Hennessy V.S, Red Label, Jameson...

Антон с Павлом были не одни. У плиты стоял человек, чей пол Павел никак не мог определить. На вид ему было чуть за шестьдесят, он был одет в стильный экзотический халат, в одной руке держал

сковороду и что-то переворачивал на ней лопаточкой. Вскоре Павел понял, что это мужчина, но очень похожий на женщину. Человек повернулся к гостям, улыбнулся, осмотрел Павла с головы до ног и сказал:

– Вот это красавца ты привел, Антон. Я так устал от женоподобных педиков, которых ты постоянно притаскиваешь. Поужинаем и сразу перейдем к делу. Не хотите ли французского коньяка? – Он кокетливо улыбнулся Павлу.

Голос и манера поведения пожилого мужчины показались Павлу женоподобными и отталкивающими, ему не понравилось, как прозвучало это «сразу перейдем к делу». Он вдруг почувствовал, что как можно быстрее хочет отсюда уйти.

«Что я здесь делаю? – подумал он. – Что это за урод? Почему Антон живет с ним?»

– Я ухожу! – резко сказал Павел, повернулся и выбежал из кухни, оставив мужчину в халате в недоумении. Антон бросился за Павлом.

– Подождите! Он хороший человек! – Антон окликнул Павла сверху, когда тот бежал по лестнице, перемахивая через несколько ступенек. – У него есть связи, он может тебе помочь!

Но Павел и слышать об этом не желал. Всё, чего он хотел, – раствориться в толпе и никогда больше не видеть ни Антона, ни его сожителя. Он добрался до первого этажа, проскочил мимо консьержа и выбежал на улицу^[276].

После короткого перерыва у Павла снова появились дела в Москве. Третий визит в столицу закончился знакомством с Кириллом, привлекательным молодым человеком, которого он тоже встретил на Казанском вокзале. На этот раз Павел пригласил Кирилла в гостиницу «Ленинградская», в которой остановился. Уже не брезгуя анальным сексом, Павел позволил себе раскрепоститься. Позже он узнал, что Кирилл – оператор в телецентре «Останкино». Кирилл пригласил Павла побыть зрителем на съемках передачи, запланированных на следующий день, и Павел согласился.

– Там работает много наших, – сказал Кирилл. – На самом деле вряд ли в Москве есть место, где их больше, чем в «Останкино».

На следующий день они оказались в телецентре, высоком бетонном небоскребе, на съемках новостной передачи. Павел занял место в зрительном зале, а Кирилл и другие операторы – за камерами,

направленными на серьезного телеведущего в сером костюме. Он зачитывал так называемые главные новости дня.

После съемок Кирилл провел для Павла экскурсию. Среди спешащих ассистентов, декораторов, гримеров и многих других сотрудников «Останкино» Павел замечал известных людей, которых часто видел по телевизору.

– Это?.. – Он кивнул в сторону мужчины в костюме и галстуке. Тот пронесся мимо с микрофоном и скрылся в одной из студий.

– Он самый, и он тоже из наших. – Кирилла позабавило искреннее удивление Павла.

– А что насчет него? – Павел указал на висевший на стене в коридоре календарь с изображением всесоюзной звезды.

– Да, и он тоже, я же говорил, тут почти все такие. Знаешь, их жизнь очень отличается от нашей. У многих есть связи, их покрывают. Был тут один очень известный театральный режиссер, его поймали с поличным с молодыми мальчиками. Суд проходил в закрытом режиме, и судья уже собирался отправить его в тюрьму, как вдруг кто-то высокопоставленный из партийных, его приятель, видимо, вмешался и заставил прекратить дело. Конечно, такое возможно, только если придержишься линии партии и не ругаешь власть. Если нет – никто тебя не защитит.

После экскурсии по «Останкино» Кирилл проводил Павла на вокзал.

– Приезжай ко мне в Москву еще, я буду тебя ждать. Вот мой номер, – сказал Кирилл, протягивая Павлу скомканный листок бумаги. – Ты мне очень понравился.

Признание Кирилла вызвало у Павла неловкость. Да, у него бывал секс с мужчинами, но он не собирался влюбляться в кого бы то ни было из них. Он любил жену и был счастлив с ней – просто время от времени приходилось удовлетворять свои гомосексуальные желания и как-то с этим жить.

«Эти москвичи и правда странные. Позволяют своей болезни взять верх и дают ей волю», – подумал Павел.

– Если хочешь, оставайся со мной и живи здесь, в Москве. Нам здесь гораздо проще, – с дрожью в голосе предложил Кирилл. Казалось, он сейчас заплачет, но его слезы несколько не тронули

Павла, а только усилили неловкость. Не в силах ответить тепло, он сухо сказал:

– Я не могу, у меня семья. Это было бы безответственно с моей стороны.

Они пожали друг другу руки, и, помахав Кириллу на прощание, Павел сел в поезд ^[277].

Однако по дороге домой Павел никак не мог выбросить предложение Кирилла из головы. Он испытывал неоднозначные чувства. Хотя он догадывался, что его жизнь в Москве, несомненно, была бы совсем другой, несравнимо более комфортной, поддаться своему желанию и принимать на его основе настолько важные решения было совершенно неприемлемо. Павлу не просто было трудно представить двух мужчин, живущих как семья, – он знал, что такая семья порицалась бы обществом и подверглась бы остракизму.

«Нет, уж лучше я вернусь к жене и буду жить, как живут все нормальные люди», – говорил себе Павел, пытаясь вернуть душевное спокойствие.

Он решил на некоторое время воздержаться от поездок в Москву, чтобы отойти от столичных впечатлений и позволить себе «вернуться к нормальной жизни». Однако надежды, что время, проведенное с семьей, ослабит его влечение к мужчинам, не оправдались. В середине 1970-х семейная жизнь Павла дала трещину. После череды скандалов Анжела оставила Павла и вместе с сыном переехала к матери в деревню ^[278]. Хотя его семья распалась, Павел сумел воспользоваться обретенной свободой. Он ездил по разным городам СССР по работе и в отпуск, заходил в местные общественные туалеты и бани в поисках партнеров для секса ^[279].

После нескольких таких поездок и анонимных свиданий с мужчинами Павел понял, что больше не хочет так жить. Страсть, как он всегда и боялся, взяла верх, и он, казалось, был уже не в силах остановиться. Павел не испытывал ни малейшего желания вернуться к жене и сыну или найти другую женщину, но хоровод безымянных мужчин лишь вгонял его глубже в депрессию. Ему была нужна помощь.

От одного из своих друзей-гомосексуалов он узнал о горьковском сексопатологе Яне Голанде, который занимался лечением гомосексуалов. Павел без колебаний отправился в Горький, где нашел

клинику Голанда и записался к нему на прием. Выслушав его рассказ и сделав несколько записей, Голанд задал свой главный вопрос – вопрос, решавший судьбу пациента:

– Если завтра власти объявят, что уголовное наказание за мужеложство в нашей стране исключено из Уголовного кодекса, вы по-прежнему будете заинтересованы в моей терапии?

– Конечно, доктор. Иногда я думаю, что, может быть, было бы лучше, если бы меня поймали и отправили в тюрьму – по крайней мере, это помогло бы мне остановиться.

– Тогда, я думаю, мы можем начать терапию. Уверен, мы сможем вам помочь, – широко улыбаясь, сказал Голанд.

Глава 18, в которой мы узнаем о советском гей-активизме

Москва, 1975

При Брежневе государственный аппарат разрастался, а Коммунистическая партия ширилась и становилась все более бюрократизированной. Советские чиновники окончательно перестали изображать аскетичных революционеров и теперь осыпали себя бесконечными привилегиями, о которых большинство советских граждан могли только мечтать. Они жили в роскошных домах, путешествовали за границу, ходили в специальные магазины, где не было дефицита продуктов, получали высококачественное медицинское обслуживание в элитных больницах, оснащенных по последнему слову западной техники, и отправляли своих детей в престижные университеты, чьи двери, как правило, были закрыты для тех, кто не принадлежал к элитарным кругам. Это раздражало советских граждан, так как многие не видели для себя почти никаких материальных перспектив. Недовольство общества росло. Экономический спад середины 1970-х стал сказываться на советской экономике, что тоже подогревало ненависть граждан к властям и обиду на них.

Понимая, что их труд не вознаграждается должным образом, многие отказывались работать на государство и предпочитали направить свою энергию на нелегальную экономическую деятельность, которая казалась куда более выгодной. Это привело к деградации советского общества: трудовая этика как таковая

разрушалась, процветала коррупция, у многих квалифицированных, но демотивированных специалистов опускались руки. Всё более распространенным явлением, особенно среди заводских рабочих, становился алкоголизм.

Из-за всего этого советские гомосексуалы никогда не смогли бы объединиться и отстаивать свои интересы так, как это сделали геи в США в середине 1970-х. Экономический спад, массовый пессимизм и цинизм, самоустранение от общественной жизни в погоне за личной выгодой – всё это шло в ущерб общественному благу. Репрессии против открытой политической активности тоже никуда не делись. В обществе с таким количеством проблем, где к тому же подавлялись любые политические свободы, не могло быть и речи ни о каком гей-активизме.

В отличие от СССР, где гомосексуальные люди не предпринимали никаких попыток самоорганизации, в США в середине 1970-х геи активно отстаивали свои права, участвуя в акциях и протестах против государственной гомофобии. Их совместные усилия привели к ряду важных шагов: так, Американская психиатрическая ассоциация под давлением активистов в 1973 году исключила гомосексуальность из официального списка психических заболеваний. В европейских странах при поддержке сочувствующих медиков и юристов геям также удалось пересмотреть гомофобное законодательство: мужские гомосексуальные половые акты были легализованы в Англии и Уэльсе (1967), Восточной Германии (1968), Болгарии (1968), Западной Германии (1969), Австрии (1971), Норвегии (1972) и других странах. Тем временем в СССР мужская гомосексуальность по-прежнему преследовалась по закону и количество приговоров по статье за мужеложство даже выросло с конца 1960-х годов ^[280].

Несмотря на это, советские гомосексуалы активно налаживали в Союзе неформальную, теневую жизнь. В больших городах они собирались на так называемых Плешках – там они могли общаться, встречаться друг с другом и заводить новые знакомства. Конечно, гомосексуалы, жившие, например, в Москве или Ленинграде, в отличие от жителей небольших городов, более сознательно подходили к собственной гомосексуальности и полностью принимали свой образ жизни. Некоторые из них прекрасно понимали, что являются жертвами

гомофобного угнетения со стороны государства, и иногда даже старались постоять за себя.

В начале 1970-х Владимир Козловский, лексикограф из Нью-Йорка, интересовавшийся советской гомосексуальной субкультурой, решил окунуться в московскую уличную гей-жизнь и так познакомился с Мамой Владой – пузатым, невероятно эпатажным гомосексуалом. Мама Влада не стеснялась говорить о себе и своих друзьях-гомосексуалах в женском роде. Она водила Козловского на экскурсию по окрестностям Большого театра, где часто встречались московские гомосексуалы, и грудным басом рассказывала о суде по сфабрикованному делу над группой ленинградских геев. Многие другие гомосексуалы пришли тогда в суд, чтобы поддержать несправедливо обвиненных товарищей и освистать судью:

Ты слышал, что в Ленинграде устроили показательный процесс над нашими? Так публика начала свистеть. Всё была липа от начала до конца с подставными свидетелями и всеми делами. ГБ дал директиву провести показательный процесс, и провернули его в лучшем виде по рецептам тридцать седьмого. Шантаж, подтасовка фактов, а у гомиков всегда презумпция виновности... ^[281]

Мы растем, сколько бы нас ни притесняли бесовские силы. Только за последний месяц в садике было пять облав. Там, на Плешке, где обычно «девочки» делают свой променад, на днях был просто «девичий переполох»: дружинники похватили всех в узких джинсах и с подмазанными глазами. А сколько наших ребят сидит по тюрьмам и лагерям и сколько боится даже подойти к садику на пушечный выстрел? ^[282]

Мама Влада также рассказала Козловскому о постоянных преследованиях со стороны КГБ, который, несмотря на отсутствие интереса к гомосексуалам в 1960-е, в 1970-е, похоже, поменял свое отношение к ним:

В Ленинграде еще хуже. Там гэбэшники стали засылать своих даже в Катькин садик^[283], борются с нашим братом, но уже не так лихо, как раньше. С потерями. Говорят, одна такая «насадка» нарвалась на нашего карате; тот ему красную книжку, а парнишка не сплеховал, гикнул и врезал тому так, что малая берцовая кость вошла в большую и через жопу вышла! И еще двадцатник из его

партийного бумажника прибрал – за беспокойство и для остротки. В следующий раз не сунется, если из больницы выйдет^[284].

Осмелели наши кадры, хотя нажим все растет. Они теперь в наш огород мальчиков лет восемнадцати засылают. Глаза с поволокой, такие скромницы-давалки, липнут к нашим. Их человек по пять здесь на лавочках околачиваются. Но мы их всех тут наперечет знаем: видишь вон того, в джинсах и синей рубашечке, сама невинность? От него все шарахаются как от прокаженного. И насадки тут сидят, за обстановкой наблюдают, и все как один при шляпах и с газетами...^[285]

Мама Влада отлично осознавала растущий масштаб советской гомофобии:

И что мы им мешаем? А мешаем потому, что нонконформисты, не такие, как весь этот злобучий пролетариат, у которого от пьянства уже ноги в жопу провалились! Мы неблагонадежные, нами управлять трудно. Ох и варварская страна. А мы от этого страдаем в особенности. Смотри, в Швеции или Голландии, говорят, разрешены браки между мужчинами^[286], а у нас иной раз боятся парни под руку по улице Горького пройти^[287].

Не понимают наши вожди-долбоебы, что, сколько меня ни сажай и ни прорабатывай, я не переменюсь. Это просто не от меня зависит. Я родился такой. Для меня все, что вы зовете нормальным сексом, противоестественно, отвратительно. Ах, если бы наверху узнали, какие славные имена в наших рядах... Их же собственные гэбэшники, комиссар милиции, кое-кто в правительстве, а народные артисты, заслуженные деятели искусства...^[288]

Хотя подобные настроения преобладали среди московских гомосексуалов, они не трансформировались ни в какое правозащитное движение.

Иногда, впрочем, помощь приходила из-за рубежа. Поскольку СССР теперь могло посещать все больше иностранных туристов, в их числе приезжали и иностранные гей-активисты, сочувствовавшие бедственному положению советских гомосексуалов. Под видом истовых коммунистов они получали разрешение на въезд в страну и

встречались с гомосексуалами в крупных городах, выражали им поддержку, брали интервью, а в некоторых случаях и открыто бросали вызов гомофобии советских властей.

Один из таких активистов, итальянец Анджело Пеццана, посетивший СССР в 1977 году, даже осмелился выйти на улицу и устроить акцию протеста против притеснения гомосексуалов советским государством. За несколько дней до этого он побывал в гостях у Андрея Сахарова, известного советского диссидента и борца за права человека, в надежде заручиться его поддержкой.

Несмотря на то что Сахаров высоко оценил идею Пеццаны, сам он не выразил желания отстаивать права гомосексуалов и связывать свое имя с этой акцией: «Я не могу вас публично поддержать: скажут, что я гомосексуалист, а я должен бороться за гражданские права каждого. Но то, что вы делаете, это очень правильно». Разочарованный, но не сдавшийся Анджело решил воплотить свою идею без поддержки Сахарова^[289].

Часть IV

При Горбачеве

Глава 19, в которой прибывший из Африки пациент ставит в тупик советских врачей

Москва, 1982

Ясным летним утром 14 августа 1982 года в Московскую инфекционную больницу № 2 на скорой доставили пациента, который только что приземлился в аэропорту Шереметьево. Владимир вернулся из Танзании, где работал при советском посольстве переводчиком. Первичный осмотр показал, что тридцатидвухлетний пациент крайне нездоров и страдает от какой-то неизвестной болезни^[290].

После госпитализации врачи взяли ряд анализов и обследовали Владимира, чтобы узнать больше о загадочном недуге. Молодой человек терял вес из-за непрекращающейся диареи и жаловался на необъяснимую усталость, причину которой врачи никак не могли определить. По словам Владимира, первые симптомы проявились в июле 1982 года, за месяц до его возвращения в СССР, и включали усталость, головную боль, бессонницу и постоянную диарею. Танзанийские врачи заподозрили малярию и после нескольких безуспешных попыток лечения посоветовали Владимиру срочно обратиться за помощью в Москве^[291].

– Вы можете вспомнить... может быть, вы что-то ели, что-то делали? Танзания – экзотическая страна, там водятся всякие причудливые бактерии, – продолжали расспрашивать московские медики. – Происходило ли с вами что-нибудь необычное?

– Нет, ничего такого, я просто плохо себя чувствую, держится температура, и не проходит диарея... – каждый раз отвечал Владимир, сглатывая комок в горле. С его лба лился пот.

После множества анализов и бесконечных пальпаций врачи поставили предварительный диагноз – бактериальная дизентерия, что поначалу успокоило Владимира, который боялся за свою жизнь: бактериальная дизентерия не казалась ужасной болезнью, от которой можно умереть^[292]. Однако после первоначального облегчения Владимир вновь стал беспокоиться, что диагноз поставили неверно и он страдает от чего-то гораздо более серьезного. Переживал он потому, что умышленно утаил от врачей один эпизод из своей жизни в Африке – эпизод, в котором могла крыться причина заболевания. Это могло бы

помочь врачам поставить правильный диагноз, но Владимир был слишком смущен, чтобы с кем-либо делиться. Он знал, что если раскроет свой секрет врачам, то рискует попасть в серьезные неприятности и, возможно, оказаться в тюрьме. Он старался даже не вспоминать об этом эпизоде в присутствии врачей, опасаясь, что они каким-то образом смогут прочитать его мысли и узнать правду.

«Если бы только лечение могло облегчить мои страдания», – думал он, ворочаясь по ночам на своей койке в изолированной палате.

Владимира лечили антибактериальными препаратами, и вскоре диарея пошла на спад. Отметив улучшение, Владимир приободрился и попросил его выписать.

– Я выздоравливаю и чувствую себя гораздо лучше. Думаю, я могу идти домой, – повторял он с энтузиазмом и несколько нервно, возможно, пытаясь убедить в этом в первую очередь себя самого. Врачи, однако, не горели желанием выписывать пациента и убедили его остаться под наблюдением по крайней мере еще на неделю. Для такой осторожности были основания.

К удивлению врачей и ужасу Владимира, через неделю у него поднялась температура, а тело покрылось сыпью, особенно на руках и ногах. Врачи также обнаружили, что у Владимира увеличены лимфатические узлы, а анализ крови показал увеличение количества лимфоцитов. Врачам удалось вылечить сыпь и сбить температуру, и снова казалось, что пациент готов к выписке. Однако вскоре появился новый серьезный симптом – кровь в стуле. Это стало поводом для проведения колоноскопии, которую удалось выполнить только через четыре недели после поступления Владимира в больницу, – до этого он отказывался от процедуры. Колоноскопия выявила уплотнения в толстой кишке и заставила врачей пересмотреть предыдущий диагноз [\[293\]](#).

Колоноскопию проводила строгого вида дама лет пятидесяти, одна из лучших специалистов-проктологов в Москве. То, как Владимир извивался и поворачивался на смотровом столе во время процедуры, навело доктора на неожиданные мысли. Она не знала, что именно заставило ее сомневаться: возможно, странное поведение пациента – его нервозность, женоподобный высокий голос, манерность, – то, как он жаловался, кривил лицо и стонал.

«Неужели он один из них? – спросила себя доктор. – Но даже если и так, какое отношение это имеет к его болезни? Конечно, это моральное развращение, и ему должно быть стыдно. Но могло ли это стать причиной заболевания или способствовать его развитию? Нет, не думаю». Всё это пронеслось у нее в голове, пока она наблюдала за Владимиром, который, радуясь, что процедура наконец-то закончилась, устало натянул штаны и сел на смотровом столе.

После дальнейших анализов и обследований врачи заподозрили опухоль в прямой кишке и перевели Владимира в отделение проктологии Московской больницы № 2, где у него снова поднялась температура и появились резкие непрекращающиеся боли в животе. После дополнительных анализов врачи снова изменили диагноз, на этот раз на болезнь Крона^[294]. Владимиру предстояло долгое и неприятное лечение. Его все больше изматывала неопределенность, бесконечные обследования, испытывающие и осуждающие взгляды врачей, которые казались ему унижительными. Владимира мучили бессонница и кошмары. Он знал, что ему не следовало делать то, что он сделал в Танзании. Он глубоко сожалел об этом. Лежа в унылой больничной палате, он вспоминал начало своей карьеры, как совсем недавно он жил в Москве и мечтал уехать из СССР в какую-нибудь экзотическую страну.

С раннего детства Владимир увлекался иностранными языками, особенно английским, и грезил путешествиями по миру. В 1970-х – начале 1980-х годов рядовым советским гражданам не разрешалось выезжать за границу, и зарубежные поездки были доступны лишь привилегированному меньшинству. Чтобы получить возможность выехать из СССР, необходимо было запросить специальное разрешение, указав железобетонные причины для выезда за пределы страны. Процедура подачи заявления на выезд в капиталистические страны была особенно сложной: желающие посетить капиталистический мир должны были продемонстрировать образцовую репутацию, безукоризненное прошлое, политические связи и свидетельства предыдущих поездок в Восточную Европу. Лица, претендовавшие на выезд в эти части света, должны были заполнить анкету на пяти листах с вопросами о семейном положении и трудовой биографии, случаях нарушения советского законодательства и родственниках, проживающих за границей. Наконец, желающим

покинуть СССР необходимо было предъявить доказательства крепкого здоровья. Весь процесс был трудным и напряженным, а разрешение на выезд выдавали очень долго или не выдавали вовсе^[295].

Строгая система позволяла советским властям отсеивать неблагонадежных кандидатов, которые могли предать Родину и сбежать в капиталистические страны. Иностранцу было гораздо проще приехать в СССР, чем наоборот.

Но были и исключения: представители некоторых профессий, напрямую связанных с зарубежными странами, без проблем получали разрешение на выезд. К привилегированным специальностям относились летчики-международники, моряки и, конечно же, дипломаты. Попасть в любую из этих профессий обычно удавалось благодаря связям или исключительным талантам и достижениям.

Владимир родился в обычной семье и не имел влиятельных родственников, которые могли бы помочь в построении карьеры, поэтому ему приходилось рассчитывать только на себя. Вопреки кумовству и семейственности, процветавшим в дипломатическом ведомстве, после университета Владимиру удалось получить работу переводчика в Министерстве иностранных дел, и в 1980 году ему предложили командировку в Танзанию. Владимир не мог нарадоваться такому предложению.

Работа при дипломатических и военных миссиях в африканских странах считалась достаточно престижной и сулила значительные материальные выгоды. Те, кому предлагали такую работу, могли увидеть страны, чья культура коренным образом отличалась от советской, а также значительно улучшить свое материальное положение. Так, после полутора лет работы в Анголе некоторые дипломаты могли позволить себе купить автомобиль. Зарплата советских представителей в африканских странах зависела от занимаемой должности, наличия вооруженных конфликтов на территории государства и климата. Некоторые должностные лица, определявшие оклад дипломатов и военных, командированных в Африку, считали, что из-за климатических условий работа должна оплачиваться тем выше, чем ближе к экватору находится сотрудник^[296].

Африканские страны представляли особый стратегический интерес для СССР: советские власти поддерживали их в борьбе против

колониализма и активно участвовали в постколониальном восстановлении. В Союз часто приезжали учиться африканские студенты. По сравнению с другими странами региона Танзания считалась относительно безопасной для работы и жизни: там не велись боевые действия и даже имелся выход к океану, так что выходные Владимир мог проводить на пляже.

Чтобы получить разрешение на работу в Танзании, Владимиру пришлось преодолеть множество препятствий. После многочисленных медицинских осмотров, заполнения бесконечных бумаг и бланков и собеседований в КГБ он наконец-то был готов к поездке. Начальник выдал Владимиру заграничный паспорт, а внутренний паспорт и партбилет забрал до возвращения. Он также вручил ему билеты на самолет. Получив их, Владимир не мог сдержать восторга: он никогда раньше не летал на самолете.

Советское посольство располагалось в живописном портовом городе Дар-эс-Салам, бывшей столице Танзании, на берегу Индийского океана. Владимир получил отдельную комнату в посольстве и вскоре познакомился с остальными сотрудниками. Большинство из них были женаты, имели детей и уже давно работали в представительстве в Танзании. Они предпочитали не покидать территорию посольства и проводить время в компании коллег, жаловались на скуку, тоску по СССР и пили водку. Будучи молодым холостым мужчиной, Владимир с трудом находил с ними общие темы для разговора и предпочитал в свободное время исследовать город и окрестности.

Вопреки ожиданиям Владимира, Танзания оказалась страной с богатой культурой, впечатляющей колониальной архитектурой и чистейшими песчаными пляжами. Уставший от городских пейзажей и московской суеты Владимир оценил их особенно высоко.

Перед отъездом из Москвы сотрудники КГБ проинструктировали Владимира не сближаться с местными жителями и не забывать, что он едет не отдыхать, а работать. Владимир пообещал прислушаться к их совету, но, едва оказавшись в Танзании, сразу забыл о своих заверениях. Дружелюбие местных жителей очаровывало, Владимира так и тянуло с ними пообщаться. Само собой, он тоже привлекал к себе внимание местных: на него норовили украдкой посмотреть, а иногда разглядывали с нескрываемым любопытством. Владимир чувствовал

эти взгляды везде: на рынках, в музеях и особенно на пляжах, где его обнаженное белое тело особенно бросалось в глаза.

Именно на пляже Владимир встретил Абдула, высокого широкоплечего темнокожего мужчину лет сорока с очаровательной улыбкой. Абдул сказал ему:

– Солнце слишком сильное для вашей белой кожи... Вам лучше сидеть в тени, иначе вы сгорите. Откуда вы?

Завязался разговор, и Владимир, забыв о данном сотрудникам КГБ обещании не связываться с местными, подружился с Абдулом. В течение последующих недель они несколько раз встречались на одном и том же пляже. Владимир рассказывал Абдулу о Советском Союзе и жизни при коммунизме, а Абдул с интересом слушал. Однажды Абдул пригласил Владимира в уединенное место на пляже, где совершенно неожиданно наклонился и поцеловал Владимира в щеку... Лежа на больничной койке в СССР, Владимир часто думал об Абдуле. Он скучал по нему, но в то же время жалел, что вообще с ним познакомился...

28 апреля 1983 года, спустя почти девять месяцев после поступления в больницу, Владимира выписали. Симптомы загадочной болезни, казалось, окончательно сошли на нет. Он испытывал огромное облегчение и особенно радовался тому, что ему удалось сохранить свою тайну. Владимир все еще чувствовал усталость, но ему очень хотелось поскорее выписаться и забыть месяцы в больнице как страшный сон. Он планировал вернуться в родной город в Подмоскowie и устроиться учителем в среднюю школу.

– Мы бы рекомендовали вам какое-то время не возвращаться в Африку, – напутствовали врачи при выписке.

– Я и не собираюсь возвращаться. Я уже решил оставить дипломатическую карьеру и стать учителем, – ответил он, помахав им на прощание.

Глава 20, в которой советские чиновники пытаются оградить СССР от СПИДа

1982–1985

10 ноября 1982 года Леонид Ильич Брежнев, правивший СССР почти два десятилетия, скончался. Через несколько часов после его смерти члены Политбюро собрались в Кремле, чтобы решить, кто станет новым главой государства. Все они по очереди выступили, каждый произнес хвалебную речь в адрес Брежнева и предложил лучшую, по его мнению, кандидатуру на роль преемника. Было решено, что им станет шестидесятивосьмилетний глава КГБ Юрий Владимирович Андропов.

Андропов имел репутацию прямого, умного и высокообразованного человека с солидным опытом во внутренних и международных делах. Будучи главой КГБ, он был хорошо информирован о многих проблемах, стоявших перед страной. Советское общество переживало глубокий экономический кризис, страна приходила в постыдный упадок, дефицит становился неотъемлемой частью советской жизни, людям приходилось часами стоять в длинных очередях за продуктами и товарами народного потребления. Экономика стагнировала.

Советская идеология тоже пребывала в глубоком кризисе. Граждане страны утратили энтузиазм и веру в светлое коммунистическое будущее: они воспринимали лозунги о построении социализма с цинизмом, посмеиваясь над ними. По мере того как общество шло к неизбежному моральному и экономическому упадку, люди изобретали собственные стратегии выживания: одни ударялись в прогулы, воровство и незаконную коммерческую деятельность; другие находили утешение в ежедневном поглощении дешевой водки. Коррупция среди советских чиновников тем временем достигла беспрецедентного уровня. Главными целями Андропова, таким образом, стали наведение порядка и дисциплины, а также реанимация советской экономики.

На международной арене все тоже было непросто. Несмотря на ослабление враждебности между США и СССР в 1970-х годах, в начале 1980-х, после советского вторжения в Афганистан в 1979 году,

отношения вновь ухудшились. На своей первой пресс-конференции в январе 1981 года новоизбранный президент США Рональд Рейган окрестил СССР «империей зла» и «центром зла в современном мире», что лишь усилило неприязнь Андропова к американскому коллеге.

В середине 1981 года группа советских вирусологов во главе с Рэмом Петровым из московского Института иммунологии стала получать из-за рубежа сообщения о странном вирусе, который впервые был выявлен и описан американскими медиками и, по их наблюдениям, поражал именно гомосексуалов. Петров отнесся к новостям серьезно и решил обсудить их на одном из заседаний Академии медицинских наук СССР, но тут же подвергся резкой критике со стороны коллег-академиков, в особенности президента Академии Николая Блохина, который резко оборвал его: «Где-то в Америке... заболела горстка педерастов, и вы поднимаете на щит эту проблему...»^[297]

Но поскольку заболеваемость в США росла, а болезнь, которая теперь имела название – СПИД, поражала гетеросексуалов и даже детей, Петрову становилось все яснее, что скоро она появится и в СССР. Однако, когда бы Петров ни обращался к чиновникам Минздрава с просьбой разрешить публикацию серии статей о СПИДе, одобрения он не получал.

– СПИД поражает только гомосексуалистов, проституток и наркоманов... У нас в СССР такой грязи нет. Более того, у нас есть законы о мужеложстве, которые защищают наше общество от порока и этой болезни. Разве этого недостаточно? – отвечали чиновники.

– Я понимаю, но все же считаю, что люди должны быть информированы об этой болезни. О ней мало что известно, и лучше перестраховаться, чем потом жалеть, – настаивал Петров.

– В мире происходят более серьезные события. Через пару месяцев все забудут об этой проблеме. Зачем бить тревогу и пугать наших граждан тем, что они могут когда-нибудь заразиться СПИДом? Я уже говорил, в нашей стране нет условий для распространения такого заболевания. Мужеложство наказуемо, а что касается проституток и наркоманов, у нас их просто нет.

После многочисленных попыток Петрова и его коллег из московского Института иммунологии добиться публикации материалов о СПИДе Минздрав разрешил опубликовать статью, но

всего одну. Петрова предупредили, чтобы он не сеял панику, и, несмотря на появляющиеся научные данные о том, что СПИДом может заразиться любой, настоятельно рекомендовали подчеркнуть тот факт, что болезнь по-прежнему распространена в основном среди американских гомосексуалов.

22 июня 1983 года «Литературная газета» опубликовала статью Петрова под довольно неброским заголовком «Иммунодефицит: что это такое?», в которой он впервые сообщил советской общественности о СПИДе:

Особая форма иммунодефицитных состояний у взрослых, описанная три года назад в США, привлекает ныне внимание научных журналов и широкой прессы Соединенных Штатов. Своеобразие проявления и распространения этого заболевания дало ему особое название, отделяющее его от первичных и вторичных нарушений иммунной системы. Этот иммунодефицит назван приобретенным – СПИД. Он распространен среди наркоманов, гомосексуалистов и иммигрантов с острова Гаити, поселившихся в США.

Если это предположение подтвердится, то социальная опасность наркомании и гомосексуализма окажется большей, чем думалось раньше, так как возможно распространение вируса за пределы названного круга людей. Конечно, иммунодефицит данного типа может оказаться просто следствием пагубного влияния на организм указанных пороков. Однако от гипотезы существования опасного для всего общества неизвестного ранее вируса отмахнуться нельзя^[298].

Чиновники из советского Минздрава считали, что этой информации вполне достаточно, чтобы повысить осведомленность людей о болезни, и любые дальнейшие упоминания будут только сеять ненужную панику.

В то время как советский Минздрав предпочитал игнорировать проблему, злорадствуя по поводу несчастий капиталистических стран, КГБ с большим интересом следил за новостями о распространении СПИДа в США, думая, как использовать это в своих интересах. Вскоре в ответ на воинственную риторику Рейгана в отношении СССР КГБ начал международную кампанию дезинформации, обвинив США в

создании СПИДа в секретных лабораториях Пентагона. У КГБ был опыт в организации подобных кампаний: комитет учреждал и финансировал газеты в других странах, а затем в качестве доказательства своей позиции ссылался на них как на «независимые» иностранные источники. Одна из таких газет называлась *Patriot*. Агенты КГБ основали ее в Индии еще в 1967 году^[299]. В 1983 году издание использовали в кампании по распространению дезинформации о СПИДе.

Сотрудники КГБ написали статью с кричащим заголовком «СПИД угрожает Индии: эксперименты США привели к появлению новой загадочной болезни». В ней утверждалось, что СПИД был искусственно создан в Пентагоне и что американцы собираются перевести свои лаборатории в Пакистан, разместив их недалеко от границ Индии. Статью незаметно переправили в редакцию *Patriot*, и в 1983 году она была опубликована, однако, несмотря на сенсационные утверждения, ни индийская, ни международная пресса в то время ее не подхватила. В конце концов, тираж *Patriot* составлял всего 30 000 экземпляров, а в 1983 году СПИД еще не был проблемой на субконтиненте^[300].

Тем временем в СССР назревал очередной кризис преемственности. Здоровье Андропова стремительно ухудшалось на фоне диабета и хронической дисфункции почек. Болезнь приковала генсека к больничной койке, и на шесть месяцев он выпал из общественной жизни. 9 февраля 1984 года, после недолгих пятнадцати месяцев у руля, Андропов скончался.

Андропова сменил протеже Брежнева, семидесятидвухлетний Константин Черненко, который, как и его предшественник, болел все тринадцать месяцев своего пребывания на посту. Вполне предсказуемо, Черненко мало повлиял на положение дел в стране: всё осталось практически без изменений, а проблема СПИДа в открытых источниках продолжала оставаться табуированной темой. Черненко умер от проблем с сердцем, гепатита и цирроза печени в марте 1985 года.

После скорой смерти очередного дряхлеющего лидера члены Политбюро осознали, как важно вдохнуть новую жизнь в ряды старых, уставших и больных советских руководителей. Вскоре после смерти Черненко Политбюро выдвинуло на пост генерального секретаря

Коммунистической партии кандидатуру пятидесятичетырехлетнего Михаила Горбачева. Энергичный, живой и амбициозный, Горбачев стал самым молодым советским лидером со времен Сталина. Ему не терпелось вывести СССР из кризиса и восстановить зашедшие в тупик отношения с США.

Пока советская властная верхушка разбиралась с преемственностью, проблема СПИДа становилась все более актуальной во всем мире. К 1985 году случаи СПИДа были зарегистрированы на разных континентах и в разных странах. Болезнь распространялась и уже унесла жизни некоторых известных людей, включая знаменитого немецкого контртенора Клауса Номы и французского философа Мишеля Фуко. В июле 1985 года обожаемый во всем мире американский актер Рок Хадсон, хрестоматийный «мужественный гетеросексуал», публично объявил, что заражен СПИДом. Признание Хадсона и его последующая смерть заставили мир громко заговорить о СПИДе. Болезнь убивала всеобщих кумиров, ее нельзя было больше игнорировать.

Международное сообщество врачей-исследователей выявило причину СПИДа – вирус иммунодефицита человека. Благодаря этому открытию в начале 1985 года в США началось массовое производство коммерческих тестов на ВИЧ в крови. Даже президент Рейган, который никогда публично не высказывался по проблеме с момента появления первых сообщений о болезни, был вынужден нарушить молчание во время пресс-конференции 17 сентября 1985 года, назвав проблему СПИДа, как ни странно, своим «главным приоритетом»^[301].

У советских властей новости с Запада особой тревоги не вызывали. В стране готовились к крупному международному событию – XII Всемирному фестивалю молодежи и студентов, который должен был пройти в Москве с 27 июля по 3 августа 1985 года. СССР собирался принять около 18 000 участников из 150 стран, а также тысячи туристов. Советские власти предсказуемо использовали фестиваль как инструмент идеологической пропаганды против Запада, и большинство участников приехали из прокоммунистических стран. В культурной программе атлетов значились концерты, политические лекции и выставки, посвященные вопросам антиимпериализма.

В попытке предотвратить проникновение СПИДа на территорию СССР за пару недель до фестиваля чиновники из Министерства

здравоохранения приказали сотрудникам советских международных аэропортов контролировать и обследовать прибывающих иностранных граждан на наличие симптомов СПИДа^[302]. Кроме того, в газетах разместили две небольшие заметки о СПИДе, в которых болезнь называли следствием беспорядочной половой жизни, а также рекомендовали читателям не пожимать руки иностранцам^[303]. Несмотря на эти и многие другие меры предосторожности и профилактики, носители ВИЧ в Советский Союз всё же попали. Некоторые из них были выявлены советскими врачами и немедленно депортированы, но кто-то, как подозревали медики, мог миновать защитные кордоны и передать вирус советским гражданам. Тем не менее чиновники продолжали хранить молчание, а в Минздраве продолжали запрещать публикацию статей и материалов о СПИДе, чтобы не разжигать панику. С эпидемией надеялись справиться, не привлекая внимания общественности.

В ноябре 1985 года Министерство здравоохранения СССР направило двух чиновников, профессоров Федотенкова и Аграненко, в США, чтобы из первых рук получить информацию о том, как американцы борются с вирусом. Федотенков и Аграненко должны были принять участие в медицинских конференциях и перенять иностранный опыт. В декабре 1985 года они вернулись из США и поделились своими наблюдениями с чиновниками Минздрава:

Администрация США и представитель президента постоянно информируются о положении со СПИДом. В Конгрессе США заслушивался вопрос о положении со СПИДом, выступивший конгрессмен обвинил правительство в том, что оно не публикует истинного положения со СПИДом в стране, в частности статистики по смертности. Обсуждаются и принимаются санитарно-эпидемиологические и карантинные мероприятия, а именно: широко исследуются группы населения «повышенного» риска (гомосексуалисты, наркоманы, больные гемофилией...)^[304].

Вдохновившись опытом американских коллег, в Минздраве решили принять аналогичные меры и даже заручились помощью советской милиции. Министерство здравоохранения СССР направило в МВД СССР многочисленные служебные записки, призывающие милицию принять меры «к выявлению групп “повышенного риска”:

гомосексуалистов, женщин легкого поведения, наркоманов – с целью их специального исследования и пресечения деятельности, могущей привести к распространению вирусной инфекции»^[305].

Решение Минздрава доверить проверки так называемых групп риска милиции не было неожиданностью: в предыдущие десятилетия милиция и врачи уже проводили совместные операции, чтобы выявить очаги венерических заболеваний среди городского населения. По инициативе врачей милиция организовывала наблюдение за городскими авто- и железнодорожными вокзалами, парками и скверами, известными как места скопления гомосексуалов и секс-работниц. Милиция устраивала массовые облавы, отлавливала подозрительных лиц и доставляла в диспансеры, где врачи обследовали их на венерические заболевания. Если их причастность к гомосексуальным контактам подтверждалась, такие лица представляли перед судом и отправлялись в тюрьму^[306].

Угроза распространения СПИДа и убежденность Минздрава, что во всем виноваты гомосексуалы, спровоцировали новую волну гонений и преследований по всей стране. В 1987 году во многих крупных городах местные органы внутренних дел создали комиссии по «профилактике распространения СПИДа», в задачи которых входило преследование гомосексуалов и секс-работниц. Министерство внутренних дел даже издало специализированные брошюры для милиции, одна из которых называлась «Задачи милиции по профилактике СПИДа» (1988), в которой гомосексуалов открыто обвиняли в распространении СПИДа в обществе, а милицию призывали пресекать их пагубную деятельность^[307]. Гомосексуальным мужчинам и без того было нелегко: в советском обществе их образ жизни порицался, им не помогали, и ничего не говорилось о распространении новой опасной болезни. Но теперь они оказались под еще большей угрозой преследования, ареста и тюремного заключения. На их плечи легло бремя вины и позора, которые еще много лет будут ассоциироваться со СПИДом.

Глава 21, в которой КГБ вдохновляется американской гей-прессой

1985–1987

30 октября 1985 года в «Литературной газете» вышла большая статья под кричащим заголовком «Паника на Западе, или Что скрывается за сенсацией вокруг СПИДа?». Ссылаясь на малоизвестную индийскую газету *Patriot*, автор статьи, некий Валентин Запевалов, предполагал, что СПИД – это биологическое оружие, созданное в лабораториях Пентагона^[308]. Статья Запевалова стала первым большим материалом о СПИДе в советских газетах с момента выхода в 1983 году статьи Петрова. Ее публикация была инициирована КГБ после решения возобновить планы по запуску кампании дезинформации, задуманной еще в 1983 году. Несмотря на то что Горбачев собирался дать старт либеральным реформам и улучшить отношения между СССР и США, в течение первого года своего правления он не вмешивался в работу КГБ, и комитет действовал практически независимо, по-прежнему обладая большой властью.

История Запевалова основывалась на малоизвестном источнике, но распространилась молниеносно. Миллионы советских людей, ежедневно читавших «Литературную газету», были напуганы новостью, которая на фоне ухудшающихся отношений между США и СССР казалась вполне правдоподобной. Многие боялись, что США создали оружие, которое теперь используют против СССР.

Статья повергла в смятение в том числе и советских врачей, которые, очевидно, ничего не знали о намерениях КГБ использовать проблему СПИДа в своей кампании дезинформации. Чтобы противостоять ложным утверждениям о том, что СПИД был специально разработан как биологическое оружие, и развеять страхи людей, советское Министерство здравоохранения стало публиковать в газетах статьи с научной информацией о СПИДе, впрочем, не оспаривая дезинформационную статью Запевалова. По инициативе Минздрава врачи также стали читать публичные лекции о СПИДе, куда приходили многие желавшие узнать, как можно защититься от болезни.

В декабре 1985 года на одной из таких лекций в Московском институте хирургии имени Вишневского собралась целая толпа. В большой аудитории можно было заметить студентов, домохозяек и даже мужчин в военной форме. Лектор не ожидал такого разнообразия

и количества слушателей. Кое-кто расселся по рядам, но большинство слушали доктора стоя, стараясь подойти поближе к сцене.

– Весь мир давно знает об этой болезни, но, к сожалению, мы здесь ничего не знаем! – выкрикнул кто-то из толпы. – Расскажите нам всё, ничего не скрывайте – вы видите, как люди напуганы! Они переживают за близких и родных!

Доктор за кафедрой выглядел озадаченным.

– Я говорю вам, что ничего не знаю о зарегистрированных случаях СПИДа в нашей стране, – дрожащим голосом отвечал он. В одной руке он сжимал микрофон, а другой вытирал пот со лба носовым платком. – Я знаю, однако, что в Москве диагностировано несколько случаев саркомы Капоши. Это вид рака, который чаще всего летален для больных СПИДом. Однако эта болезнь наиболее распространена в Америке...

– Мы не хотим ничего знать об Америке! – перебил кто-то из зала. – Мы хотим знать о ситуации здесь. Что мы можем сделать, чтобы предотвратить это? Как мы можем защитить себя и своих детей?

– Эта болезнь распространена среди проституток и гомосексуалистов, но случаи заражения СПИДом детей и женатых, к сожалению, действительно также участились, – продолжил доктор. – Я думаю, что здесь, в СССР, мы в относительной безопасности. Просто избегайте контактов с иностранцами и асоциальными элементами: гомосексуалистами, наркоманами и проститутками. Милиция за ними уже следит^[309].

Несмотря на растерянность, страх и явный недостаток достоверной информации о СПИДе в Советском Союзе, КГБ продолжал свою кампанию дезинформации, подбрасывая в советскую прессу всё новые статьи с ложью о том, как СПИД искусственно выращивается в американских лабораториях. Вскоре эти истории подхватила и международная пресса, и к концу 1987 года они появились в СМИ 80 стран на 25 языках, сея панику не только в СССР, но и среди граждан других стран.

Пропаганда КГБ, которая теперь приобрела мировой масштаб, значительно затруднила международные усилия по борьбе с эпидемией и нанесла серьезный ущерб репутации Америки. Поскольку СССР уже давно занимался распространением ложных сведений о США самого разного характера, американцы содержали

штат квалифицированных экспертов по дезинформации, которые неустанно работали над тем, чтобы указывать на несостыковки в советских пропагандистских историях.

Тщательно проанализировав возможные истоки советских легенд о СПИДе, американский эксперт по советской пропаганде Тодд Левенталь пришел к поразительному выводу, что для самой первой статьи в *Patriot* 1983 года сотрудники КГБ использовали цитаты из американского квир-журнала *New York Native*. Поскольку в начале пандемии СПИД был большой загадкой и, казалось, поражал только гомосексуальных мужчин, некоторые американские журналисты из гей-сообщества много спекулировали о происхождении болезни. Один из таких авторов, опубликовавший статью в *New York Native*, предположил, что в действительности СПИД мог быть результатом экспериментов Пентагона^[310]. Эта самая статья каким-то образом попала в поле зрения советских спецслужб, и те решили использовать ее в качестве основного источника своих обвинений.

Левенталь быстро понял, что его открытие можно использовать против советских ханжей, чтобы заставить их прекратить распространять дезинформацию. Он поделился идеей с коллегой, другим экспертом по советской пропаганде, писателем и бывшим коммунистом Хербом Ромерштейном. Тот как раз собирался в Москву на переговоры о недавних советских публикациях, обвинявших США в разработке СПИДа в тайных лабораториях. Левенталь с усмешкой протянул Ромерштейну номер *New York Native*, указав на обложку, на которой были изображены трое мужчин в костюмах: один в длинном платье и ковбойской шляпе, двое других – в ковбойских сапогах и трусах-джоках.

– Может, возьмете их с собой в Москву? – предложил Левенталь.

– Я не могу показывать такое на переговорах, – ответил Ромерштейн.

– Возьмите, – настаивал Левенталь. – На всякий случай^[311].

И Ромерштейн с журналом в портфеле полетел прямо в Москву на встречу в штаб-квартире журнала «Военный вестник», который распространял статьи с дезинформацией о биологическом оружии США. В зале заседаний присутствовали несколько человек в шинелях: как сразу понял Ромерштейн, это были агенты КГБ. По прибытии

журналистов и главного редактора «Военного вестника» Ромерштейн перешел к делу.

– Вы публикуете истории о том, что вирус СПИДа был создан Соединенными Штатами в качестве биологического оружия и что он появился в результате американских ядерных испытаний, – начал он. – Мы читали эти безумные домыслы – перестаньте их тиражировать, потому что всё это неправда.

– История о СПИДе не нашего авторства, – усмехнулся человек в шинели. – Это было в вашей прессе.

В ответ на это Ромерштейн открыл портфель, достал номер *New York Native* и протянул его собравшимся, чтобы все могли рассмотреть обложку.

– Вот ваш источник, – произнес Ромерштейн. – Мы не хотим ставить вас в неловкое положение и предавать огласке, какие именно издания вы цитируете. Вряд ли это хорошо скажется на вашем имидже. Если у вас возникнет вопрос по поводу источника информации в Штатах, позвоните нам, мы будем рады помочь!

– Раз вы делаете нам такое одолжение, – сказал человек в шинели, – мы дарим вам годовую подписку на «Военный вестник». Обычно она стоит двести долларов^[312].

Осведомленность Ромерштейна о том, что советская дезинформация о СПИДе позаимствована из американского журнала для геев, действительно поставила КГБ в неловкое положение: впоследствии сотрудникам пришлось оправдываться, чтобы спасти свою репутацию. Комментируя теорию о том, что СПИД был создан в американских лабораториях, автор советской брошюры о СПИДе, опубликованной в 1988 году, писал: «Эта версия проникла на страницы нашей прессы, а родилась она... в среде американских гомосексуалистов. Нам трудно порой представить себе особенности жизни в других странах. В США, например, гомосексуалисты существуют вполне легально, имеют свои клубы. На конец 1987 года в этих клубах было зарегистрировано 2,5 миллиона человек. Правда, в последнее время отношение к ним в общественности весьма негативное. Потому-то гомосексуалисты и стали утверждать, что этот вирус создан в лабораториях спецслужб США только для того, чтобы физически уничтожить их всех. В наших газетах только

перепечатывались сообщения из американских газет и другой западной прессы»[\[313\]](#).

Поскольку Михаил Горбачев упорно работал над улучшением советско-американских отношений и началом демократических реформ внутри страны, советская кампания по дезинформации о СПИДе постепенно утратила смысл, и к 1988 году эта история исчезла из советских изданий.

Глава 22, в которой советские медики обнаруживают «нулевого пациента»

Москва, 1987

– Нужно найти нашего первого больного СПИДом; я убежден, что он уже есть в СССР. Не может быть, чтобы его не было, – сказал Вадим Покровский аудитории. Перед ним сидело несколько десятков врачей в белых халатах, собравшихся послушать лекцию о СПИДе. Все внимательно слушали его и делали записи^[314].

К своим тридцати двум Вадим Покровский успел стать важнейшей фигурой в борьбе со СПИДом в СССР. Сын выдающегося советского эпидемиолога и президента Академии медицинских наук СССР Валентина Покровского, Вадим решил пойти по стопам отца и посвятить жизнь изучению вирусов. Новости о СПИДе, загадочном заболевании, которое, как позже выяснилось, было вызвано вирусом, озадачили и заинтриговали Покровского. В итоге изучению нового вируса он посвятил всю свою медицинскую карьеру. К 1987 году Покровский успешно защитил диссертацию по СПИДу и даже открыл в Москве лабораторию по тестированию на ВИЧ, где советские граждане могли анонимно проверить кровь на наличие антител.

Несмотря на то что советские врачи старшего поколения все еще не торопились публично признавать, что СПИД может представлять опасность в СССР, уверенно заявляя, что из горстки случаев, зарегистрированных на территории Советского Союза, большинство приходилось на иностранцев, в кулуарах они призывали коллег противодействовать эпидемии. К концу 1987 года, когда советская кампания по дезинформации стихла, Министерство здравоохранения СССР посвятило СПИДу широкую просветительскую кампанию и открыло сеть центров тестирования, которые занимались в основном проверкой донорской крови. Большинство чиновников от здравоохранения были убеждены, что проверять стоит в первую очередь иностранцев, и ввели строгие требования к тестированию приезжающих из-за рубежа.

Несмотря на это, Покровский был убежден, что советские чиновники копают не там. Он считал, что вирус наверняка уже циркулирует среди советских граждан и регистрация первого случая

СПИДа внутри страны – лишь вопрос времени. Он знал, что ни один советский пациент еще не был официально зарегистрирован только из-за отсутствия в клиниках оборудования для тестирования и невежества большинства врачей. Покровский также понимал, что ужасающее состояние советских больниц с постоянным дефицитом, плохими санитарными условиями и нарушением процедур, особенно в больницах вдали от больших городов, создавало благоприятные условия для распространения инфекции. Кроме того, в стране ощущалась острая нехватка презервативов, а те, что производились в Советском Союзе, часто были некачественными.

В 1987 году Покровский начал читать цикл лекций о СПИДе, чтобы повысить осведомленность о вирусе среди врачей Москвы и других крупных городов, а также поделиться новейшей научной информацией о нем. Покровский считал, что некоторые врачи уже могли вести больных СПИДом, не подозревая об этом из-за своего невежества в отношении заболевания. Постановке правильного диагноза препятствовали в том числе успокоительные заявления советских чиновников, утверждавших, что болезнь поражает только иностранцев, а в СССР в любом случае нет условий для ее распространения^[315].

В конце февраля 1987 года, после одной из таких лекций в Москве, к Покровскому обратилась молодая врач Елена Фабрикова^[316].

– Доктор, не хочу показаться смешной, но симптомы одного из моих пациентов, похоже, соответствуют всему, что вы сегодня описали, – тихо сказала она.

– Как думаете, у него СПИД? – спросил Покровский, показывая, что относится к предположению серьезно.

– Я не уверена. – Фабрикова пожала плечами. – Он недавно поступил в нашу больницу. Сейчас мы проводим анализы и пытаемся связаться с врачами, которые раньше лечили его здесь, в Москве. Он говорит, что подобные симптомы у него были еще несколько лет назад, в 1982 году, после возвращения из Африки. Тогда врачи не могли понять, что с ним происходит, но им удалось добиться некоторого облегчения симптомов. Теперь, похоже, они вернулись с новой силой.

– Вы позволите мне взглянуть на него? – спросил Покровский.

Фабрикова пригласила Покровского в проктологическую клинику, где она работала. Осмотрев пациента, Покровский убедился в правоте

Фабриковой. Ее пациент, Владимир, имел все типичные симптомы СПИДа: его лицо, туловище, руки и ноги были покрыты сыпью, которая местами сливалась в бляшки. Фабрикова также познакомила Покровского с историей болезни Владимира: с августа 1982 года по апрель 1983 года он лечился от болезни Крона в Москве. Затем вернулся в родной Рыбинск, где с 1983 по 1985 год пережил два эпизода опоясывающего лишая и пневмонию. В начале 1985 года у него появились симптомы саркомы Капоши, неагрессивного рака кожи, который обычно поражает пожилых мужчин средиземноморского и еврейского происхождения. В 1986 году Владимир обратился за медицинской помощью в Рыбинске, но местные врачи не смогли ему помочь. Тогда он вернулся в Москву и попал под наблюдение Фабриковой.

– Есть в нем что-то странное, доктор. Вы только взгляните на эти крашенные волосы... – шепнула Фабрикова Покровскому после того, как они осмотрели Владимира. – А еще он пользуется косметикой, как женщина^[317].

Покровский и сам отметил несколько женоподобное поведение пациента, и, хотя на долю секунды врач задумался, не связано ли это с состоянием здоровья Владимира, поначалу он отбросил эту мысль. Покровский посоветовал Фабриковой проверить Владимира на ВИЧ, но, когда она попыталась объяснить это главному врачу клиники, тот впал в ярость.

– Что за бред вы тут несете? Вы в своем уме? – огрызнулся он, ударив кулаком по столу.

– Я убеждена, что у него ВИЧ. Мы обязаны его проверить, – настаивала Фабрикова, не желая уступать^[318].

При поддержке Покровского Фабриковой удалось убедить главврача дать добро на тестирование Владимира. Анализ, проведенный 7 марта 1987 года, показал, что в его крови присутствуют антитела к ВИЧ. Врачи также диагностировали саркому Капоши и установили, что Владимир действительно страдает от прогрессирующего СПИДа^[319]. Его перевели в московскую инфекционную больницу № 2, где врачи, лечившие его в 1982 году, сразу узнали бывшего пациента. После недолгих раздумий Фабрикова и Покровский сообщили новость Владимиру, который уже подозревал, что болен СПИДом, – он тоже читал газеты.

Владимир был опустошен, но старался держать себя в руках и не падать духом.

– Уже в 1982 году я подозревал, что в Африке заразился чем-то ужасным, – признался он Покровскому.

* * *

Покровский взялся лечить Владимира и ответил на все вопросы о болезни, объяснив пациенту, что может ожидать его в дальнейшем. В отличие от других врачей, которые, казалось, мало сочувствовали Владимиру, Покровский относился к нему с добротой и состраданием.

– Доктор, откуда у меня эта болезнь? Что я сделал не так? – спросил как-то Владимир, лежа на кушетке в кабинете Покровского в Институте эпидемиологии.

– Ну, то, что у вас внутри, – это вирус, которым можно заразиться в результате переливания крови или незащищенного сексуального контакта. Врачи также отмечают, что риск заражения велик у гомосексуалистов и проституток, потому что они более склонны к беспорядочным половым связям. Вам когда-нибудь делали переливание крови?

– Нет. – Владимир покачал головой. – Знаете, поскольку я все равно умру, я могу сказать вам правду. Я гомосексуалист, и во время командировки в Африку у меня были сексуальные отношения с мужчиной из Танзании. Когда я вернулся из Африки, я был слишком напуган, чтобы кому-то в этом признаться, но теперь мне все равно.

– Спасибо за откровенность. По крайней мере, теперь картина прояснилась, хотя я и так подозревал гомосексуальный контакт. И вы не умрете завтра, у вас относительно легкая форма СПИДа, так что давайте смотреть на вещи позитивно: мы сделаем все возможное для вашего лечения. В Америке некоторым больным СПИДом удавалось прожить пять лет. Может быть, ученые изобретут лекарство. Я также попрошу вас подписать документ о том, что вы больше не будете иметь сексуальных контактов с другими людьми. У нас, как вы знаете, есть закон, по которому вы можете оказаться в тюрьме, если сознательно передадите вирус кому-то еще [\[320\]](#).

Действительно, в 1987 году, пытаясь сдержать распространение СПИДа, советские власти приняли строгий закон, предусматривающий тюремное заключение за сознательную передачу вируса.

– Я и так преступник: я же мужеложец. – Владимир нервно хихикнул. – Но, как я уже сказал, теперь мне это безразлично, я все равно умру.

– Расскажите, что вы делали после выписки из больницы в 1983 году?

– Я уехал в Рыбинск, мой родной город. Там работал учителем в средней школе. Чувствовал себя в целом нормально, но иногда казалось, что симптомы возвращаются. Потом они снова исчезали.

– Были ли у вас сексуальные контакты в Рыбинске? – продолжал Покровский.

– О, много – не думаю, что смогу вспомнить все. Мне нужно время.

– Я дам вам бумагу и ручку; вспоминайте, – сказал Покровский, стараясь не выдать, как потрясен признанием Владимира.

– Знаете, когда я вернулся в Рыбинск, я думал, что все мои беды начались после встречи с Абдулом. Поэтому я пообещал себе, что больше никогда не буду иметь сексуальных отношений с мужчинами. Но через два года сдался – больше не мог сдерживать свое желание.

Демократические реформы, включая либерализацию СМИ, которую Горбачев начал в 1987 году, привели к увеличению числа публикаций о СПИДе в советских газетах и журналах. Информация о том, что официально зарегистрирован первый советский больной СПИДом, привлекла к Владимиру пристальное внимание. Поначалу ему это даже льстило, но вскоре устал от постоянных вопросов и назойливых вторжений в личную жизнь. Он отказывался от всех интервью. В поисках сенсации журналисты, которые теперь могли писать о чем угодно, обратились за комментариями к врачам, которые лечили Владимира в 1982 году. Одна из них, чье интервью было опубликовано в «Огоньке», с трудом скрывала свое презрение к Владимиру:

Я его видела, первого нашего, того самого, что завез к нам эту страшную болезнь... Тщедушный, с остро торчащими лопатками, с красными пятнами на лице... Похожий на инфантильного подростка, а не на тридцатилетнего мужчину... Он охотно показывал себя врачам, а их здесь было немало, приехали из других институтов, – и в этой его готовности демонстрироваться тоже было что-то противоестественное. Тоненьким – не голосом –

голосочком жаловался: «Знаете, все бы ничего... Только вот ноги, больно стоять, сидеть...» ^[321]

Личную трагедию Владимира превратили в страшилку, которую тиражировали советские журналисты и врачи, чтобы показать, что в распространении СПИДа в СССР виноваты именно коварные гомосексуалы. Так, в учебной брошюре 1988 года под названием «СПИД» говорилось, что советский нулевой пациент стал гомосексуалом из-за того, что в его руки «попал американский журнал»:

Поучительна судьба первого больного СПИДом, выявленного в СССР. Он рос избалованным, изнеженным ребенком... В его руки попал американский журнал, прочитав который он сделал умозаключение, что является гомосексуалистом. В это время он находился за границей, где легко сумел найти себе полового партнера мужского пола. Не ведая, что заразился СПИДом, он вернулся на родину и здесь умело «реализовал» знания, полученные за рубежом. С помощью мелких подарков, порнографических изданий, привезенных из-за рубежа, алкоголя и красноречия он склонял молодых людей 18–20 лет к сексуальным отношениям. За три года ему удалось найти более 20 партнеров, пять из которых заразились вирусом СПИДа ^[322].

Владимир, который был далеко не тем избалованным ребенком и хищным коварным монстром, каким его стремились выставить в брошюре, умер в 1991 году. Свои последние годы он провел в одной из московских больниц, борясь с непрекращающимися инфекционными заболеваниями, под наблюдением Покровского и любопытными взглядами ученых, врачей и интернов.

Глава 23, в которой советская гомофобия достигает своего пика

Москва, 1988

В апреле 1985 года на Пленуме Центрального комитета Коммунистической партии Михаил Горбачев произнес вошедшие в историю слова: «Мы стремимся к большей гласности... Люди должны знать и хорошее, и плохое»^[323]. В мае того же года в Ленинграде Горбачев выступил с речью, в которой открыто критиковал замедление темпов роста советской экономики и недостаточно высокий уровень жизни советских людей. Наконец, он заявил о своем намерении улучшить отношения с Западом. Несмотря на скептическое отношение западных политиков к заявлениям Горбачева – большинство из них считали его слова пустыми лозунгами очередного лицемера из Политбюро, – Горбачев верил в то, что говорил, и действительно выполнил свои обещания.

В начале 1986 года, в надежде перезапустить буксующее социально-экономическое развитие страны, Горбачев провозгласил перестройку советского общества, сделав ее своим основным политическим лозунгом. Он также объявил о важности гласности – политики поощрения открытых и честных дискуссий о проблемах страны. Горбачев считал, что либерализация прессы и телевидения, которые до сих пор находились под жестким партийным контролем, позволит стране найти эффективные пути решения проблем, мешавших ее экономическому и социальному развитию. Открытость в прессе должна была восстановить доверие общества к политическим лидерам и их обещаниям, которым большинство советских граждан давно не верило. Чтобы продемонстрировать свою приверженность открытости и либерализации, Горбачев сделал то, чего не делал ни один советский лидер до него, а именно – совершил поездку по СССР, чтобы встретиться с людьми из разных слоев общества и услышать их мнение о реформах.

В 1987 году советские СМИ претерпели быстрые и радикальные преобразования. Впервые в советской истории газеты стали открыто критиковать провалы правительства в экономике, здравоохранении и культуре, освещать запретные темы непростой советской истории,

например зверства и репрессии сталинской эпохи. СПИД, который до сих пор был табуированной темой, также оказался в фокусе внимания журналистов.

Стали появляться обстоятельные статьи с научной информацией о вирусе, способах его передачи, первых случаях смерти от СПИДа и статистикой по ВИЧ-инфицированным на территории СССР. Газеты муссировали историю советского «нулевого пациента» Владимира, смакуя подробности его личной жизни и гомосексуальность, намекая на то, что его предрасположенность к болезни определяла сексуальная ориентация. Другие журналисты открыто обвиняли в распространении вируса представителей так называемых групп риска – гомосексуалов, секс-работниц и наркоманов, – так что теперь эти и без того презируемые люди рассматривались как еще бóльшая угроза для советского общества. Разъяренные читатели писали в газеты пламенные письма с призывами казнить гомосексуалов или ссылать их на какой-нибудь остров и таким образом изолировать. Степень ненависти к гомосексуалам в СССР в это время была настолько высока, что даже некоторые медицинские работники не стеснялись выступать с подобными публичными заявлениями:

Уважаемые коллеги! Мы, выпускники медицинского института (16 парней), категорически против борьбы с новым «заболеванием» – СПИДом! И намерены всячески препятствовать поиску средств борьбы с этой эпидемией. Выражаем уверенность, что СПИД за короткое время уничтожит всех наркоманов, гомосексуалистов, проституток. Уверены: Гиппократ одобрил бы наше решение. Да здравствует СПИД!^[324]

Многие поддержали и всячески одобрили это предложение. Один двадцатилетний читатель написал:

Полностью поддерживаю мнение 16 парней-медиков относительно того, что СПИД – это санитар человечества, который спасет его от наркоманов, гомосексуалистов, проституток. Вы пишете, что гибнут люди, но любое полезное дело не обходится без жертв, тем более если учесть, что на планете много лишних людей, не хватает пищи, жилья, в том числе и в нашей стране. Этот вирус поможет убить двух зайцев: избавиться от отбросов человечества и решить ряд жизненных

проблем. Вы скажете: а вдруг это коснется и меня, – пусть, значит, судьба, зато другим будет жить легче. Немного о себе: 26 лет, образование высшее, занимаюсь спортом, веду здоровый образ жизни, член КПСС, секретарь комсомольской организации.

С уважением, Виктор С. ^[325]

Другие читатели предлагали не менее бесчеловечные меры. В письме, посвященном группам риска, один читатель заявлял тогдашнему министру здравоохранения СССР Чазову:

Если мы будем уповать на их обещания вести нормальный образ жизни, то очень скоро зараженными будут миллионы, как в США. Эти люди никогда не будут порядочными, и ни о какой нравственности не может быть и речи! Все гомосексуалисты, проститутки, наркоманы погрязли в своих сексуальных связях и не слишком себя сильно ограничивают!

И еще с ними разводят какую-то анонимность! Всех их надо проверять принудительно! Ведь все порядочные люди ежегодно проходят диспансеризацию и не боятся сдать свою кровь на анализ – им не нужна анонимность! А эти подонки сами никогда не пойдут себя проверять! Зачем? Если болен, то все равно не вылечиться: лучше не знать и жить без страха.

Ужасно, что они склоняют к сожительству несведущих подростков! Незамедлительно надо принимать экстренные меры по изоляции всех выявленных (хотя, повторяю, и очень жаль людей, заразившихся невинно).

Мое предложение: где-то в глухой тайге, откуда трудно сбежать, организовать лагеря типа лепрозория, и пусть они там живут, работают и общаются между собой своим излюбленным методом... и потихоньку вымирают, пока не будет найден эффективный метод лечения (а на это уйдет, видно, десяток лет). Только полная изоляция может остановить этот ужас двадцатого века! ^[326]

В отличие от США, где эпидемия СПИДа и предсказуемый общественный резонанс только сплотили гей-сообщество и придали новый импульс борьбе за свои права, приход СПИДа в СССР озлобил общественность, сделав положение гомосексуалов еще более шатким. Большинство советских гомосексуалов по-прежнему предпочитали

вести закрытый образ жизни, и лишь немногие пытались оправдать и защитить себя на страницах советских газет.

В декабре 1988 года советский журнал «Молодой коммунист» опубликовал письмо читателя, подписавшегося Володей. Он открыто признался в своей гомосексуальности и выразил гнев по поводу шквала гомофобных статей в советских газетах:

Будем знакомы: меня зовут Володя Д. Мне 27 лет, и, самое главное, я – гомосексуалист, а значит, по-вашему, существо из «повышенной группы риска». Я никогда бы вам не написал, но меня довела до белого каления ваша статья. Она меня просто взбесила. Меня очень долго отговаривали писать это письмо, говорили, что оно ничего не изменит и что я очень дорого могу заплатить за эту дерзость. А я и не собираюсь ничего менять, я просто хочу, чтобы население всё поняло беспристрастно. А то ваша статья была расценена нашим кругом как крайне реакционная, как толчок кампании по борьбе с гомосексуализмом. Иначе как расценить слова, сказанные В. И. Покровским, академиком, президентом Академии меднаук, ученым с мировым именем, – о том, что заниматься проблемой СПИДа должны органы внутренних дел, органы юстиции, Советы народных депутатов? Вам не кажется, что это уж слишком?

Нас и так отовсюду гонят, преследуют. Нам и без СПИДа органы внутренних дел не дают жить, у нас и безо всяких запугиваний существует статья в Уголовном кодексе под номером 121, в которой говорится о том, что если двое мужчин никому никогда не причиняли и не причиняют ни зла, ни вреда (то есть никого не убивают, не насилуют, не грабят), а просто живут вместе и любят друг друга, то их нужно наказать. А это значит, посадить за решетку на срок не менее трех лет, хотя теперь, наверное, срок будет больше.

Но все равно это очень подло с вашей стороны, господа из юстиции и органов внутренних дел. Гомосексуалистом я являюсь уже 15 лет, при этом меня никто не совращал, и в свои 12 лет я этого хотел сам. За гомосексуализм меня выгнали из комсомола (я, как дурачок, плакал), за гомосексуализм меня судили (я год и шесть месяцев провел в тюрьме и «на химии»). Там я научился ненавидеть наши правоохранительные органы, которые, по-моему, и созданы

специально для того, чтобы унижать, оскорблять, уничтожать... После вашей ужасной статьи, я уверен, увеличится число самоубийств, и если я заболею СПИДом, то уж простите, но лечиться не пойду, а постараюсь в качестве мести за те полтора года заразить как можно больше всех вас – честных и морально устойчивых. Буду мстить за все моральные унижения, вытерпленные от органов нашего правосудия и от нашей советской милиции, которая охраняет убийц и преследует гомосексуалистов...

Мне нечего больше сказать глухой стене. Добавлю только одно: гомосексуалисты тоже люди и имеют такое же право на жизнь, как и все остальные. Хоть это постарайтесь понять ^[327].

В том же номере было опубликовано письмо другого гомосексуала. Он не испытывал такого гнева, но ужасно боялся за свою жизнь. Убежденный в том, что его гомосексуальное желание – это болезнь, он просил редакторов газеты взять интервью у врачей и опубликовать их мнение по этой проблеме:

Меня очень беспокоят появившиеся публикации о СПИДе. Это, конечно, хорошо, что вы предупреждаете об этой угрозе, но ни одного слова о том, куда можно обратиться людям из «группы риска» – я имею в виду проституток, наркоманов, гомосексуалистов. Я тоже из этой группы и очень хотел бы избавиться от своей дурной привычки. Но не знаю, где можно вылечиться анонимно.

Я молод, красив, и тем отчаяннее мое положение. В институте девушки предлагают мне свою дружбу, а я обхожу их за версту. Несколько раз пытался покончить с собой, но все время кто-то мешал. Действительно, не можете же вы не замечать эту проблему: общественные туалеты заполнены гомосексуалистами, в автобусах творится то же самое – так и норовят обтереться. Я сам, правда, до этого еще не дошел и не дойду, скорее всего, покончу с собой. А ведь многие бы с удовольствием обратились бы к врачу – но только если знать, что это будет анонимно и даст какой-то результат. Ведь я даже и не знаю, излечимо это или нет. Уважаемая редакция, если вы не побоитесь опубликовать честное интервью со специалистом на эту тему, то вернете к жизни многих таких, как я ^[328].

Журналист газеты «Молодой коммунист» Алексей Новиков, получивший письма молодых людей, решил ответить на их просьбы и взять интервью у советских юристов и врачей, компетентных в проблеме гомосексуальности. Первым, с кем поговорил Новиков, был юрист Алексей Игнатов, который уже почти два десятилетия пытался добиться отмены статьи 121.1. До горбачевской политики гласности он мог поднимать проблему гомосексуальности лишь в узком кругу специалистов или в научной литературе, недоступной широкой публике. Теперь он впервые мог высказать свои взгляды на страницах популярного советского журнала, тираж которого превышал миллион экземпляров.

– Большинство авторов, которые пишут на эту тему, – начал Игнатов, – приходят к выводу, что ответственность за гомосексуализм нецелесообразна. Почему? Во-первых, если это патология, то наказывать за болезнь вообще нельзя. Во-вторых, здесь отсутствует общественная опасность. И вообще опровергаются все основные доводы сторонников уголовной ответственности за гомосексуализм. Какие именно? То, что он ведет к снижению мужественности нации. Но пример Спарты свидетельствует об обратном. Другим следствием является якобы снижение рождаемости. Статистика не подтверждает и этот довод. Дальше утверждается, что это ведет к деградации личности. Однако мы знаем многих великих людей-гомосексуалистов – Чайковский, Леонардо да Винчи и так далее, – творчество которых опровергает данное утверждение^[329].

– То есть вы считаете, что этот закон совершенно не нужен? – спросил Новиков.

– Конечно, разращение несовершеннолетних – будь это мальчик или девочка – и вовлечение их в гомосексуальные или гетеросексуальные связи, организация притонов разврата в любом их виде, публичное оскорбление общественной нравственности влекут ответственность. Всё это само собой разумеется. Но добровольные гомосексуальные связи взрослых людей – кому они мешают? Они же это делают не публично, не демонстративно, а мы стараемся подглядывать в замочную скважину и, увидев, что они не такие, как все, привлекаем их к уголовной ответственности^[330].

Новиков согласно кивнул.

– Допустим, мы навешиваем на человека ярлык гомосексуалиста и отправляем его в исправительно-трудовую колонию, которая, кстати, еще ни одного гомосексуалиста не исправила, – продолжил Игнатов. – Это значит, что мы отдаем его на потребу той мужской компании, которая в течение многих лет лишена нормальной возможности удовлетворить сексуальные потребности. Ведь в местах лишения свободы даже нормальных людей насилуют, а уж этих-то – тем более^[331].

– Так что же такое гомосексуализм, по вашему мнению?

– Целесообразно ли такое наказание, можно ли исправить человека, если у него значительно нарушена сексуальная сфера? Это ведь связано с психикой, с нервной системой, и наказанием тут ничего не сделаешь. Тем более что во многих случаях у человека существует органическое отвращение к связям с лицами другого пола. Мы ломаем его, заставляем совершать над собой насилие. Существует чисто обывательское представление, что, если отменить статью 121 Уголовного кодекса, чуть ли не все сразу начнут заниматься гомосексуализмом! Глупость! Наличие ответственности не влияет и на того, у кого эта склонность есть. Ответственность здесь мало что дает – она не сокращает и не ликвидирует гомосексуализм^[332].

– А как же СПИД?

– Преследования могут только навредить, они создают порочный круг. Например, некоторые гомосексуалисты вполне поддаются коррекции, но сейчас они ни за что не пойдут к врачу, потому что существует статья в Уголовном кодексе и реальная возможность того, что из кабинета врача они прямиком последуют в тюремную камеру. То же и с угрозой СПИДа. Одно дело – прийти и анонимно обследоваться, и другое – просить о лечении, будучи вынужденным признать, что ты гомосексуалист^[333].

– Вы верите, что добровольное мужеложство когда-нибудь будет легализовано?

Игнатов пожал плечами.

– Будет изъята эта статья или нет, сказать пока трудно... По крайней мере, в соответствующий раздел нового Уголовного кодекса эта статья не включена в том виде, в каком она существует сейчас. С этим согласилась рабочая комиссия, но это пока проект. Он будет вынесен на обсуждение, потом будет проходить инстанции... Раньше

ведь бывало такое, что человек, не юрист, но занимающий высокий пост, в самый последний момент говорил: «А это что такое? Давайте-ка это вычеркнем!» Или, наоборот, добавим. И всё. Продуманный, тщательно обоснованный проект кардинально менялся^[334].

Затем Новиков побеседовал с врачом из Московского психоэндокринологического центра Львом Герциком. Герцик сочувственно относился к гомосексуалам и прекрасно понимал их положение:

– Честно говоря, страшен не столько сам гомосексуализм, сколько так называемая гиперсексуальность гомосексуалистов, – сказал он. – Как показывают исследования, гомосексуалисты значительно более эротичны, нежели все остальные люди. Среди гомосексуалистов очень широко распространены анонимные связи, когда партнеры даже не знают имен друг друга. Но их гиперсексуальность... – это результат враждебности, которую они ощущают со стороны общества, стремления уйти от одиночества и чувства неполноценности. И в этом смысле уголовная ответственность за гомосексуализм приносит только вред. Она запугивает гомосексуалистов, озлобляет их, загоняет их в подполье вместе со множеством проблем, которые требуют разрешения. У меня лично не вызывает никакого протеста возможность создания гомосексуальной семьи. Общество от этого не пострадает, хотя я понимаю, что сейчас моя мысль будет воспринята в штыки, как крамола. Потому что против этих людей в общественном сознании существует масса социальных комплексов, предубеждений, которые с возникновением и распространением СПИДа будут только углубляться. Для средств массовой информации здесь еще масса работы – нужно выработать правильное к этому отношение. В принципе человек, наверное, имеет право решать, что ему больше нравится. И вообще, чем терпимее будет общество, тем меньше оно будет иметь проблем – это совершенно очевидно^[335].

Новикову даже удалось взять интервью у Арона Белкина, который в сталинские годы лечил гомосексуалов в Сибири под руководством своего наставника Игоря Сумбаева. Белкин также выразил сожаление по поводу того, что в течение многих десятилетий проблема гомосексуальности в СССР игнорировалась:

– Будучи пуританами, мы закрывали глаза на проблему гомосексуализма, заматали ее под ковер, – сказал он. – Все попытки

исследований, все идеи оставались в рамках узкого круга ученых. Упомянуть слово «гомосексуалист» в печати? Да вы смеетесь!

— Однако сейчас, — парировал Новиков, — обстановка начинает меняться, признаком чего является хотя бы это наше с вами интервью. Может быть, теперь самое время подумать о том, как наладить лечение гомосексуалистов, по крайней мере той их части, которая хочет этого и имеет шансы вылечиться? Неужели у советской медицины нет вообще никакого опыта в этой области?

— Отчего же! — ответил Белкин. — В 20-е годы гомосексуалистов лечили, и довольно эффективно. В конце 40-х годов ими очень успешно занимался профессор И. С. Сумбаев в Иркутске, хороших результатов добивался своими методами профессор Н. В. Иванов в Горьком. Если человек хочет лечиться, вопросов быть не должно — надо ему помочь. Но для этого нужно в первую очередь подготовить врачебные кадры. Профессор Иванов организовал специальную терапию, а после его смерти ею занялся его ученик Я. Г. Голанд. Я, кстати, тоже его ученик, и в моей практике было очень много таких случаев. Кроме того, необходимо применять психоанализ — очень серьезную, очень длительную психотерапевтическую работу. У нас психотерапевтическая школа в тех конкретных условиях, в которых мы жили, просто не могла развиваться. Потому что психотерапия — наука очень демократичная, и любые идеологические препоны для нее смерти подобны.

И вот что мы имеем? Советская психотерапия ограничивается очень небольшим набором методик, ориентированных в основном на групповое лечение (потому что так экономически выгоднее), а глубинной психотерапии — как раз той, которая необходима для коррекции сексуальной ориентации, — у нас нет. Эта область знаний, как никакая другая, требует серьезной системы образования, которой у нас тоже не существует ^[336].

— То есть вы хотите сказать, что двум читателям, обратившимся в нашу редакцию, нельзя помочь?

— Вот я — врач и, допустим, знаю психоанализ. Но я не могу позволить себе принимать больного в течение полутора часов три раза в неделю на протяжении года, поскольку у меня существует почасовая нагрузка и, не выполнив ее, я нарушу должностную инструкцию. И тогда меня в любой момент могут спросить, почему я «получаю деньги

зря». Если однажды мы будем свободнее, богаче и освободимся от бюрократии, может быть, я действительно решусь: придет ко мне, допустим, тот парень, который написал вам письмо, я закрою свою записку на неделю и скажу, что пока я буду заниматься только этим человеком^[337].

– Из ваших слов следует, что появление у нас в стране глубинной психотерапии – или, иначе говоря, психоанализа – возможно лишь спустя десятилетие, а то и несколько десятилетий. Допустим, сегодня, прямо сейчас в редакцию обращается человек и просит помочь ему избавиться от гомосексуализма. Что мы можем ему ответить?

– Ничего, мы безоружны, – вздохнул Белкин. – Пока нет людей, которые бы этим занимались. И я не беру таких больных, хотя мог бы. Даже те, кто может лечить, за это не возьмутся. Минздрав сразу же должен думать о выделении денег...^[338]

В декабре 1988 года Новиков опубликовал в «Молодом коммунисте» длинную и обстоятельную статью «Синдром трех обезьянок», где он представил письма двух гомосексуалов вместе со своими интервью с Игнатовым, Герциком и Белкиным. Статья начиналась так:

По отношению к гомосексуализму годами, десятилетиями формировалось весьма определенное общественное отношение: создавался стереотип чего-то омерзительного, совершенно неприемлемого, преступного, а сами гомосексуалисты представлялись в сознании окружающих какими-то скотами, подонками рода человеческого. Я наглядно убедился в этом, когда читал почту, пришедшую на статью «СПИД». Подавляющее большинство авторов категорически требовало для этих представителей «группы риска» самых суровых наказаний – от «ссылки на Северный полюс» до расстрела – «чтоб неповадно было СПИД разносить!».

Оказавшись наиболее доступной жертвой для этого страшного заболевания, гомосексуалисты в одночасье превратились в козлов отпущения и главных виновников распространения СПИДа в СССР. Не вдаваясь в долгие рассуждения, хочу только сказать, что это не так: хотя первым СПИД в СССР привез именно гомосексуалист, но сейчас, как говорит статистика, основными его

распространителями у нас в стране являются женщины, вступающие в интимные контакты с иностранцами... ^[339]

Финал статьи также наводит на размышления:

По данным ученых, от 2 до 6 процентов людей являются гомосексуалистами или имеют гомосексуальные наклонности. Даже если взять минимальную цифру – 1 процент, – это уже будет один человек из сотни, десять из тысячи... А если перевести эти подсчеты на все население Советского Союза? И есть среди этой огромной группы – «группы риска»! – много таких, которые нуждаются в помощи, но пока что брошены на произвол судьбы. Поможет ли им общество?» ^[340]

Несмотря на то что Новиков искренне хотел помочь советским гомосексуалам, инициируя экспертную дискуссию и стараясь вызвать к ним сочувствие, он также невольно распространял неверные представления о гомосексуальности. Конечно, он призывал к состраданию, но только исходя из предпосылки, что гомосексуалы больны и нуждаются в помощи. Лучше бы он доказывал, что гомосексуальность – это нормальный вариант человеческой сексуальности: следовательно, люди, представляющие этот вариант, подвергаются несправедливому угнетению. Советскому обществу, несмотря на стремительную демократизацию и честные публичные дискуссии на доселе запретные темы, предстояло еще многое узнать о своих согражданах-гомосексуалах.

Глава 24, в которой советские гомосексуалы наконец-то говорят о себе публично

Москва, 1989

В январе 1989 года советские газеты облетела шокирующая новость: в детской больнице Элисты двадцать семь младенцев оказались заражены ВИЧ. В Калмыкию была направлена комиссия московских врачей, которые в ходе расследования установили, что заражение произошло по вине персонала больницы: для инъекций использовались нестерильные иглы и одни и те же шприцы^[341]. Подобные инциденты позже происходили в детских больницах других советских городов, как, несомненно, и в других частях мира, где нехватка оборудования и общее невежество в отношении передачи ВИЧ привели к катастрофическим последствиям. Цепь этих ужасных инцидентов глубоко потрясла советское общество.

Журналисты либеральных СМИ обрушили на правительство новый шквал критики за ужасающее состояние советского здравоохранения. Газеты наконец-то признали, что распространение СПИДа произошло из-за разваливающейся системы здравоохранения с повсеместным дефицитом и коррупцией, а не из-за гомосексуалов, наркоманов и секс-работников:

Мы привыкли к мысли, что вероятность заражения СПИДом угрожает в основном «группам риска»: проституткам, наркоманам, гомосексуалистам, – забывая, что есть и более «невинные» пути заражения. Как же проник вирус в детскую больницу?»^[342]

Корреспондент газеты «Труд» подверг резкой критике равнодушие и цинизм Петра Бургасова, высокопоставленного чиновника Министерства здравоохранения, который несколько раз публично заявлял, что СПИД – это результат «гомосексуализма и западного, американского образа жизни». Журналист восклицал:

Как я могу верить в наше «светлое будущее», когда нет никакой гарантии, что медсестра не использует шприц не один, а много раз, а остальные шприцы не продаст наркоманам? Последние случаи заражения СПИДом – в Ленинграде, Одессе и Элисте –

доказывают, что эта болезнь не где-то за границей, а у нас, в нашем доме... ^[343]

Растущее недовольство неэффективностью советской системы и ее провалами помогло сгладить гомофобную риторику в советской прессе и позволило людям осознать, что гомосексуалы не несут ответственности за распространение ВИЧ в стране. Тем не менее гомосексуальность оставалась частой темой для обсуждения в контексте СПИДа, и после многих десятилетий ущемления свобод и цензуры амбициозные журналисты горбачевской эпохи были не прочь поднять ее снова.

Журналист «Литературной газеты» Олег Мороз заинтересовался темой СПИДа и его влияния на социальные отношения с тех пор, как в начале 1987 года стал получать письма от читателей с жалобами на недостаток публичной информации о вирусе, и особенно – о его социальных аспектах. Хотя поначалу Мороз, как и большинство его читателей, не испытывал особой симпатии к представителям «группы риска», вскоре он изменил свое мнение. Это произошло после того, как ему стали приходить анонимные письма от гомосексуальных мужчин, в которых они делились печальными историями своей жизни и рассказами о том, как СПИД отравил их и без того несчастное существование. Одно из них особенно тронуло Мороза – это было письмо от матери человека, которого посадили за мужеложство:

Я мать троих детей, женщина, и мне очень трудно писать об этом, но и молчать тоже нелегко. В таких вопросах советчиков не найдешь, не с кем и поделиться, не у кого спросить, как жить дальше, что делать.

Хочу рассказать о своем сыне Игоре. В детстве он мне не доставлял никаких хлопот. Закончил школу с отличными оценками, отслужил в армии. Затем поступил в институт, закончил его с отличием. Постоянно выполнял различные общественные поручения. Всегда был активен, жизнерадостен, эрудирован, общителен. Легко находил контакт с людьми. Они всегда к нему тянулись. Но, сказать по правде, близких друзей у него не было. Я начала ему говорить, что пора обзавестись семьей, привести в дом жену. Но он уклончиво отвечал, что еще рано, что он не готов к

семейной жизни, что хочет посвятить себя науке и все в таком роде. Я не настаивала.

И тут – как гром среди ясного дня! Меня вызывают в РОВД не то как на допрос, не то чтобы я узнала, кто есть на самом деле мой сын. Оказывается, один из его знакомых попал в кожнодиспансер с венерической болезнью. При выяснении контактов он назвал моего сына и рассказал, что был с ним в гомосексуальной связи.

Начались допросы, очные ставки. Игорь не выдержал и хотел покончить жизнь самоубийством. Его спасли. Я плакала, просила, чтобы он остался жить хотя бы ради меня. И он пообещал мне это. Исключили из партии. Уволили с работы по статье. Закончилось следствие. Следователь состряпал дело на 20 листах. Все, что мог, туда наплел. Ведь знал, что никуда не пожалеешь, будешь молчать, если хочешь, чтобы меньше людей знало. На суде, если это можно назвать судом, никаких оправданий не слушали, присудили ему год заключения.

Когда я подошла к прокурору и сказала, что будем жаловаться и подавать апелляцию, он ответил: «Что ж, жалуйтесь, если вам не стыдно», – а потом добавил, что он такую мразь вообще расстреливал бы.

Не скажу, что я испытываю симпатию к такому явлению. Но я мать, и мне, может, еще больше жаль такого ребенка. Ведь потом он мне рассказал, что это влечение исходит помимо его воли. Что по-другому он не может. Не оттого, что он испорчен, извращен, а оттого, что это его потребность. И если он даже будет жить на безлюдном острове, все равно другим не станет.

Через год Игорь пришел из заключения. В настоящее время он рабочий. Он остался таким же добрым и чутким, незлым к людям. Но это все равно уже не тот человек. Мы, родные, близкие, соседи, к нему относимся по-прежнему. Пытаемся сделать вид, что ничего не произошло, все забыто, все осталось в прошлом. Но он-то знает, что на самом деле это не так.

Я хотела узнать, что же это – болезнь или действительно преступление. Литературы по этому вопросу так и не нашла. Только узнала, что таких людей немало. Что к ним отношение особое. Но почему так! Разве нельзя иначе! Почему наука еще не

сказала своего объективного слова по данному вопросу! Надеюсь, что кто-то из ученых выскажет свое слово на страницах вашей газеты.

С уважением, К.

К сожалению, по известной причине назвать своего имени и домашнего адреса не могу. Работаю экономистом, г. Одесса. Имя сына вымышленное. Все остальное правда^[344].

Письмо потрясло Мороза до глубины души и заставило его начать работу над книгой под названием «Группа риска», в которой описывалась жизнь советских гомосексуалов, наркоманов и секс-работников и приводились беседы и неформальные интервью автора с ними^[345]. Нигде ранее в советских СМИ таким людям не предоставляли трибуну, что делало работу Мороза еще более сенсационной.

Чтобы разыскать гомосексуальных мужчин для интервью, Мороз связался с врачом Вадимом Покровским, одним из ведущих советских специалистов по СПИДу. Тот пригласил Мороза в свою больницу и познакомил с пациентами: Алексеем, Михаилом и Павлом. Все они были открытыми гомосексуалами в возрасте около тридцати лет, и у каждого из них был диагностирован СПИД. Когда Мороз увидел их впервые, его поразило, насколько они отличались от стереотипного представления о «типичном гомосексуалисте» с мягким женским голосом и поведением. Все мужчины выглядели вполне обычно, и Мороз поймал себя на мысли, что никогда бы не предположил, что они гомосексуалы, не скажи они об этом сами. Они производили впечатление интеллигентных и начитанных молодых людей. Михаил работал инженером и даже имел семью и двоих детей. Говоря о диагнозе, они использовали сложную медицинскую терминологию, и по их речи было ясно, что они имеют высшее образование. «Вот тебе и советская пропаганда, которая всегда выставляла гомосексуалистов развращенными деградирующими личностями», – подумал Мороз. Михаил, Павел и Алексей согласились на интервью, которое Мороз провел в коридоре больницы.

– У вас было много сексуальных контактов? – спросил Мороз у Михаила, надеясь, что вопрос не прозвучал слишком прямолинейно.

– Ну, если хотите знать... лет с шестнадцати, думаю, человека три в месяц, – задумчиво ответил Михаил.

– Новых?

– Иногда новых, иногда тех же самых... Может быть, скорее два в месяц, – протянул Михаил, все еще припоминая.

– Менять по два-три партнера в месяц... Вы считаете, это нормально для гомосексуалиста? – спросил Мороз, пытаясь скрыть удивление.

– Я считаю, не только для гомосексуалиста, – вклинился Алексей. – Это вообще нормально... Для нормального молодого человека, независимо от того, кто он.

– Обычные мужчины и женщины меняют партнеров не реже, чем гомосексуалисты, – добавил Михаил.

«Не согласен, – подумал Мороз. – Гомосексуалисты, как правило, чаще».

– Здесь, во-первых, социальные условия играют роль... – попытался объяснить Алексей. – Если бы у меня была квартира, я бы, конечно, не бегал бы... а жил бы с одним человеком...

– Да, если бы у нас было как на Западе, – продолжал Павел. – Гомосексуалисты ведь там живут друг с другом официально... Не таясь. И квартирные условия позволяют...

– У нас тоже есть такие пары... – попытался возразить Мороз.

– Да, но их очень мало, – перебил Алексей. – Большинство гомосексуалистов у нас живут с родителями. Чтобы встретиться, им надо искать квартиру где-то на стороне, к кому-то в гости ехать. Или ждать, когда родители из дома уйдут. Поэтому и получается это... Сегодня с одним, завтра с другим. С третьим... Потому что все определяется возможностью... Квартирой.

– Сколько вы знаете устойчивых пар? – спросил Мороз.

– Я знаю пары четыре, – сказал Михаил. – Две из них живут подолгу – лет по десять. Сейчас им лет по тридцать шесть... Уж не знаю, какие там у них отношения с соседями и как улаживается юридическая сторона... Но в большом городе это все как-то растворяется. А на периферии... Не могу себе такого представить. Там все друг друга знают, все суют повсюду свой нос [\[346\]](#).

– Насколько хорошо вам знакомы люди, с которыми вы вступаете в связи? Случайные партнеры часто бывают?

– Бывают, конечно, – ответил Павел. – Но чаще, как и у прочих людей, они бывают на отдыхе. На юге. А так, если человек хороший, поддерживаешь отношения с ним. У меня есть друзья, с которыми был контакт пять или шесть лет назад один раз... Потому что постель – это ведь не самое главное. Помимо секса, есть ведь общие интересы...

– Были ли у вас контакты с женщинами? – продолжил Мороз.

Все трое ответили утвердительно, признавшись, что когда-то в юности занимались сексом с женщинами, но теперь считают себя «чистыми гомосексуалистами»^[347].

– А где вы все сейчас живете?

– Я по-прежнему живу с мамой, – ответил Алексей.

– Я живу с женой в ее квартире, но собираюсь разводиться, – вставил Михаил.

– Моя мама умерла не так давно, – сказал Павел. – Так что я теперь живу один. Знаете, как говорят: «В большинстве своем гомосексуалистами становятся те, кто растет без отца». Я об этом и матери говорил, когда она жива была. Женщины, конечно, этого не могут признать... Что они сами виноваты...^[348]

– Ваша мать знает, что вы гомосексуалист? Каково ее мнение по этому поводу? – спросил Мороз у Алексея.

– Знает, конечно. Относится к этому не очень хорошо. Но она ничего не может сделать и вынуждена принимать всё как есть. Теперь она мне все время говорит: «Я ведь тебя предупреждала, что ты подцепишь какую-нибудь гадость!»

– Михаил, а вы не боитесь, что на работе узнают, что вы гомосексуалист?^[349]

– Ну, узнают и узнают... Что делать? Сам я это не афиширую.

– В нашей стране до сих пор существует закон, криминализирующий подобные отношения между мужчинами, – напомнил собеседникам Мороз.

– Это возмутительно! Я считаю, что это нарушение прав человека! – воскликнул Михаил.

– Вы знаете, некоторые говорят, что гомосексуалисты не оставляют потомства? – продолжил Мороз.

– Большинство гомосексуалистов женаты. И имеют здоровых, полноценных детей, в отличие от тех – из числа «нормальных», – которые жрут, пьют и рожают уродов, переполнивших сейчас все

клиники. – В голосе Алексея звучала злость, и Мороз почувствовал, что зашел слишком далеко^[350].

– А вы не пьете? – продолжил Мороз.

На секунду Михаил, Алексей и Павел обменялись взглядами и даже хихикнули. Вопрос показался им настолько неожиданным и не по теме, что они недоумевали, какое отношение он имеет к их разговору.

– Я не раз слышал, что гомосексуалисты очень мало пьют, – пояснил Мороз.

– Я бы сказал так: они пьют меньше, чем другие люди, – сказал Павел. – Если все время пить – какой уж тут секс. Конечно, есть любители выпить, но все-таки их меньше...

– Почему я сейчас не женюсь? – неожиданно сменил тему Алексей. – А на что я буду жить? На стипендию, которую получаю? На пенсию матери? Пойдут дети... Мне еще кое-как хватает, но ни жена, ни ребенок, как вы понимаете, на эти деньги прожить не смогут. Даже если жена будет работать.

Видимо, вспомнив о том, что у него СПИД, он добавил несколько печально:

– Правда, сейчас эти планы у меня вообще отпали... Временно, надеюсь^[351].

Подумав, что это как-то поможет отвлечь Алексея от грустных мыслей, Мороз решил направить разговор в другое русло.

– Я не понимаю, как можно жениться и жить с женщиной, будучи к ней равнодушным, – сказал Мороз.

– Ну почему равнодушным? Секс – это ведь не главное! – возразил Павел. – Большинство людей женятся не потому, что им надо удовлетворять свои... потребности... А просто чтобы не быть одиноким. Одиночество – это ведь ужасно. Поэтому и после, когда любовь или то, что считалось любовью, улетучивается, муж и жена ходят, как говорится, «на сторону», но все равно живут вместе, возвращаются друг к другу... Потому что, кроме как друг другу, они больше никому не нужны^[352].

– Вы наверняка слышали о распространенности проституции среди гомосексуалистов, – сказал Мороз. – Как с этим обстоит дело?

– Вы знаете, проституция в последнее время стала распространяться, но только с иностранцами, – сказал Алексей. – Особенно часто этим занимаются иногородние. У большинства

москвичей есть друзья-иностранцы, хотя вовсе не обязательно они с ними спят. Просто друзья. Видя такие дружеские отношения, приезжие гомосексуалисты начинают гоняться за иностранцами, просто-напросто предлагать себя. Чаще всего за подарки...

– А сами вы не имели дела с проститутками? Я подразумеваю проституток-гомосексуалистов.

– Нет. Зачем? Они слишком дорогие, – ответил Павел.

Затем разговор перешел на СПИД.

– Конечно, если говорить о СПИДе, то гомосексуалисты больше этому подвержены, – сказал Павел. – Но тут у нас опять перегнули палку: огульно заявили, что в этом только мы виноваты. И в результате у гомосексуалистов появился какой-то страх, а нормальные люди, живущие с женщинами, так и продолжают верить, что «это не про нас»^[353].

Эпилог, в котором Борис Ельцин декриминализирует добровольное мужеложство, но гомофобия никуда не исчезает

Москва, 1989–1993

Гласность и либерализация содействовали политическому и культурному пробуждению, которого советское государство не видело за семь десятилетий своего существования. В 1989 году, впервые в истории, в СССР прошли относительно демократические выборы. Однако, в то время как политическая и социальная жизнь становилась всё оживленнее, катастрофические экономические реформы Горбачева ввергли страну в еще более глубокий кризис. С полок магазинов исчезли основные потребительские товары и продукты питания, цены взлетели до небес, а безработица распространялась со скоростью света. Резкое снижение уровня жизни и стремительное обнищание нации усиливали разочарование в реформах. Горбачев быстро терял популярность.

Несмотря на то что Горбачеву удалось положить конец гонке вооружений между СССР и США, в социалистических странах престиж СССР падал, а коммунизм уже не казался таким привлекательным. В 1989 году по странам соцлагеря прокатились революции, приведшие к свержению коммунистических диктатур и демократическим выборам. В отличие от своих предшественников, подавлявших инакомыслие в странах-сателлитах с помощью танков и военной силы, Горбачев не вмешивался.

На фоне экономических неурядиц СССР погружался в политический хаос. Стремительное падение коммунизма в странах Восточного блока спровоцировало в советских республиках появление местных движений за независимость. Опасаясь, что Горбачев уступит их давлению, группа сторонников жесткой политики среди членов правительства, разгневанная утратой контроля над некогда коммунистическими восточноевропейскими странами, в 1991 году попыталась организовать переворот, сформировав так называемый Государственный комитет по чрезвычайному положению (ГКЧП). Хотя переворот провалился и Горбачеву удалось восстановить контроль над страной, политические беспорядки упрочили позиции

республиканских лидеров. Видя слабость Союза, те настаивали на независимости. В декабре 1991 года лидеры РСФСР, Украины и Республики Беларусь подписали Беловежские соглашения. Советский Союз прекратил свое существование, распавшись на пятнадцать независимых государств. Понимая, что он больше не в состоянии повлиять на ситуацию, Горбачев ушел с поста президента СССР.

В последние бурные годы перестройки советские гомосексуальные мужчины и женщины пытались объединиться: создавали различные союзы и организации и даже издавали собственные газеты. 23 июля 1991 года в Москве и Ленинграде состоялся Международный симпозиум и кинофестиваль геев и лесбиянок. Хотя статья о мужеложстве по-прежнему официально действовала, применялась она редко.

29 апреля 1993 года новый президент России Борис Ельцин под давлением Совета Европы в рамках сводного законопроекта, в спешном порядке внесенного в парламент, отменил статью 121.1, криминализировавшую половые отношения между мужчинами по обоюдному согласию. Подобно тому как Сталин без консультаций принял решение о принятии закона о мужеложстве в 1933 году, Ельцин и его команда не консультировались с российскими организациями, защищавшими права сексуальных меньшинств, и никак не прокомментировали причины, по которым статья была упразднена. Хотя геи и лесбиянки по всей России были обрадованы этим решением, оно застигло их врасплох. Статью упразднили тихо, без их участия и каких-либо дебатов, несмотря на то что решение напрямую влияло на их жизнь. Геи в новой России по-прежнему были отстранены от власти, а их судьбы по-прежнему решали гетеросексуальные политики – как правило, гомофобы.

Многие чиновники не были готовы к отмене статьи, как и в 1933 году их предшественники не были готовы к ее появлению. Действительно, добровольное мужеложство было внезапно декриминализировано, однако за этим не последовало ни сопутствующего приказа для должностных лиц освободить осужденных по статье 121.1, ни руководства о том, как правильно это осуществить^[354]. Ни официальные лица, ни СМИ не следили за исполнением нового законодательства.

В отсутствие каких-либо указаний от властей о том, как проводить амнистию, ожидалось, что МВД проинформирует сотрудников 744 российских тюрем о правовой реформе, а те, в свою очередь, должны будут выявить заключенных, осужденных по статье 121.1, и направить их дела в местные суды для пересмотра. Однако ничего подобного не произошло. Активисты «Московской рабочей группы», для которых безразличие правительства к заключенным гомосексуалам не оказалось сюрпризом, стали обращаться в колонии за разъяснениями, какие меры предпринимаются для освобождения заключенных.

Когда активисты позвонили в колонию в Кунгуре, трубку взяла одна из сотрудниц, Елена Ивановна.

– Мы хотели бы узнать, есть ли в вашей колонии осужденные по статье 121.1? – поинтересовался активист.

– У нас здесь тысяча человек. Вы действительно хотите, чтобы я просмотрела личное дело каждого? – удивилась она.

– Да, это очень важно. Эти люди больше не преступники. Они никогда ими не были, и статьи, по которой они осуждены, больше не существует. Их надо освободить. Пожалуйста, не могли бы вы это выяснить?

– перезвоните мне через два часа, – сказала Елена Ивановна.

Через два часа она ответила:

– Да, есть два дела по статье, которая вас интересует, мы собираемся отправить их в суд для пересмотра^[355].

Когда активисты связались с другой колонией в городе Северо-Онежске Архангельской области, трубку взял некий Анатолий Третьяк.

– Поиск осужденных по статье 121.1 был начат по вашему запросу и будет завершён к следующей неделе, – заверил он активистов. Когда они попытались дозвониться до него через несколько недель, трубку никто не взял. Сотрудники колонии игнорировали неоднократные телеграммы и письменные запросы о предоставлении информации^[356].

Другие гей-активисты, работавшие в России, также пытались добиться освобождения заключенных, осужденных по статье 121.1. Когда Юрий Ереев, президент Фонда культурной инициативы и защиты сексуальных меньшинств им. П. И. Чайковского, посетил исправительную колонию «Яблоневка» вместе с западным журналистом, начальник колонии вышел на крыльцо и закричал: «Мне

все равно, что там отменили. Они все сидят и буду сидеть дальше!» На территорию колонии активистов так и не пропустили^[357].

Размышляя об исключении статьи 121.1 из Уголовного кодекса и ее влиянии на жизнь российских геев, активистка и писательница Маша Гессен в 1994 году написала:

До сих пор существование статьи 121.1 было главной, наиболее значительной угрозой, препятствием и мотивацией к действию в сообществе геев и лесбиянок в России. С отменой этого закона начинается процесс пересмотра статуса геев и лесбиянок в России де-юре и де-факто – и приходит тревожное осознание, что еще многое предстоит сделать, прежде чем геи и лесбиянки в России будут пользоваться базовыми правами и свободами... Отмена статьи 121.1 далеко не гарантирует геям и лесбиянкам равенство перед законом в сфере частной жизни^[358].

Хотя советский закон о криминализации добровольного гомосексуального поведения был отменен почти три десятилетия назад, это утверждение справедливо и сегодня. Жизнь российских ЛГБТК+ остается крайне тяжелой, они постоянно подвергаются преследованиям и гонениям со стороны государства, а в некоторых регионах их даже убивают.

Дэн Хили, ведущий исследователь истории ЛГБТК+ в России, утверждает, что для борьбы с современной российской гомофобией и начала разумного и информированного диалога о месте ЛГБТК+-граждан в современной России необходим «подробный и сложный рассказ об истории бытовой гомофобии в России, Украине и других постсоветских обществах»^[359]. Хили пишет:

Чтобы бороться с враждебностью по отношению к ЛГБТ-людям, активисты должны понимать, как формировались и развивались советские и российские предрассудки по отношению к этой социальной группе. Защитникам прав человека также необходимо рассказывать истории о страданиях и стойкости [советских гомосексуалов], чтобы вдохнуть жизнь в заезженный нарратив и вдохновить новое поколение молодых ЛГБТ-людей и приверженцев демократии – вне зависимости от их сексуальной ориентации^[360].

Все это, к сожалению, максимально далеко от российской действительности.

Не стоит забывать, что исследование ЛГБТК+ в России – это не дежурное упражнение в написании исторических статей и не красивая строчка в академическом резюме, а безотлагательное дело, которое может серьезно повлиять на настоящее и будущее российских ЛГБТК+-сообществ. Поэтому активистам и ученым необходимо писать о преследовании гомосексуалов в СССР понятным и доступным языком, чтобы вынести эти истории за пределы академических кругов и обратиться к ЛГБТК+-людям без специального образования, но с глубоким интересом к политике в отношении ЛГБТК+ в современной России.

Используемые аббревиатуры

ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации

ГУЛАГ – Главное управление исправительно-трудовых лагерей

КГБ – Комитет государственной безопасности

ЛГБТК+ – лесбиянки, геи, бисексуалы, трансгендеры, квир-люди

МВД – Министерство внутренних дел

НКВД – Народный комиссариат внутренних дел

ОГПУ – Объединенное государственное политическое управление

РСФСР – Российская Советская Федеративная Социалистическая
Республика

СПИД – синдром приобретенного иммунного дефицита

Архивные цитаты сопровождаются следующими сокращениями:

Ф. – фонд

Оп. – опись

Д. – дело

Л. – лист

Хронология (XX век)

1917 – Гомосексуальность декриминализована в России.

1933 – Гомосексуальность декриминализована в Дании.

1934 – СССР вновь криминализует добровольные сексуальные отношения между мужчинами на территории всей страны

1942 – Гомосексуальность декриминализована в Швейцарии.

1944 – Гомосексуальность декриминализована в Швеции.

1957 – В Великобритании доклад Вedomственного комитета по гомосексуальным преступлениям и проституции («Отчет Вольфендена») рекомендует более не считать гомосексуальность уголовным преступлением.

1961 – Гомосексуальность декриминализована в Чехословакии и Венгрии.

1967 – Спустя десять лет после публикации «Отчета Вольфендена» гомосексуальность декриминализована в Великобритании.

1968 – Гомосексуальность декриминализована в Восточной Германии (ГДР) и Болгарии.

1969 – Гомосексуальность декриминализована в Западной Германии (ФРГ).

1969 – В Нью-Йорке вспыхивают Стоунволлские бунты, вызванные протестом против дискриминационных полицейских рейдов. Эта дата считается ключевой вехой в истории борьбы американских гомосексуалов за гражданские права.

1971 – Гомосексуальность декриминализована в Австрии и Финляндии.

1972 – Гомосексуальность декриминализована в Норвегии.

1973 – Американская психиатрическая ассоциация исключает гомосексуальность из официальной классификации психических заболеваний и из Диагностического и статистического руководства по психическим расстройствам.

1979 – Гомосексуальность декриминализована в Испании.

1983 – Гомосексуальность декриминализована в Португалии.

1993 – Гомосексуальность декриминализована в России.

Примечания

1

Karlinsky S. Russia's Gay Literature and Culture // Hidden from History: Reclaiming the Gay and Lesbian Past / ed. by M. B. Duberman, M. Vicinus, G. Chauncey-Jr. Chicago: Chicago University Press, 2002. С. 349.

2

Там же. С. 357.

3

Healey D. Homosexual Desire in Revolutionary Russia. Chicago: Chicago University Press, 2002. С. 3.

4

Simkin J. The Individual in History: Stalin. Skipton: Spartacus Educational, 1987. С. 50.

5

Service R. Stalin: A Biography. Belknap Press, 2004. С. 264.

6

Ennker B. The Stalin Cult, Bolshevik Rule and Kremlin Interaction in the 1930s // Apor B.; Behrends J.C.; Jones P.; Rees E.A. Rees. The Leader Cult in Communist Dictatorships: Stalin and The Eastern Bloc. Palgrave Macmillan, 2004. С. 84.

7

Healey D. Homosexual Existence and Existing Socialism: New Light on the Repression of Male Homosexuality in Stalin's Russia // GLQ. 2002.

Т. 8. № 3. С. 360.

8

Healey D. Homosexual Desire... С. 184.

9

Там же. С. 329.

10

Там же. С. 190.

11

Морев Г. Михаил Кузмин и русская культура XX века. Л., 1990. С. 144.

12

Куняев С. Николай Клюев. М.: Молодая гвардия, 2014. С. 467.

13

Fitzpatrick Sh. Everyday Stalinism: Ordinary Life in Extraordinary Times: Soviet Russia in the 1930s. Oxford University Press, 2000. С. 26.

14

Там же. С. 27.

15

Essig L. Queer in Russia: A Story of Sex, Self, and the Other. Duke University Press, 1999. С. 6.

16

Максименков Л. Сумбур вместо музыки: сталинская культурная революция, 1936–1938. М.: Юридическая книга, 1997. С. 204.

17

Там же. С. 206.

18

Montefiore S. S. Stalin: The Court of the Red Tsar. Phoenix, 2003. С. 223.

19

Петров Н., Янсен М. «Сталинский питомец» – Николай Ежов. М.: РОССПЭН, 2009. С. 156.

20

Там же. С. 203.

21

Эта глава основывается на событиях, описанных Гарри Уайтом в его письме к Иосифу Сталину. См.: Уайт Г. Может ли гомосексуалист состоять членом Коммунистической партии? // Источник. 1993. № 5–6. С. 185–191.

22

Серейский М. Гомосексуализм // Большая советская энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 1930. С. 596–598.

23

Healey D. Homosexual Existence and Existing Socialism... С. 358.

24

Khlevniuk O. Letters to Stalin: Practices of Selection and Reaction // Cahiers du Monde Russe. 2015. С. 327–344.

25

Это сокращенная версия письма. Полный текст можно найти здесь:
Уайт Г. Указ. соч.

26

Healey D. Homosexual Desire... С. 231.

27

Глава основывается на материалах уголовного дела, которое хранится в Центральном городском архиве г. Москвы: Ф. 819. Оп. 2. Д. 51.

28

Healey D. Moscow // Queer Sites: Gay Urban Histories since 1600. L., 1999. С. 44.

29

Idem. Homosexual Desire... С. 30–36.

30

Solomon-Jr. P. H. Soviet Criminal Justice under Stalin. Cambridge: Cambridge University Press, 1996. С. 458–459.

31

Huskey E. Russian Lawyers and the Soviet State: The Origins and Development of the Soviet Bar, 1917–1939. Princeton: Princeton University Press, 1986. С. 189.

32

Савченко Б. Вадим Козин. Смоленск: Русич, 2001. С. 78–79.

33

Там же. С. 80.

34

Козин В. Проклятое искусство. М.: Вагриус, 2005. С. 14.

35

Там же.

36

Там же. С. 15.

37

Там же. С. 16.

38

Там же.

39

Montefiore S. S. Op. cit. С. 517–518.

40

Савченко Б. Вадим Козин. С. 130.

41

Healey D. Russian Homophobia from Stalin to Sochi. Bloomsbury, 2018. С. 77–78.

42

Савченко Б. Вадим Козин. С. 198.

43

Цит. по: *Healey D. Russian Homophobia...* С. 83.

44

Савченко Б. Вадим Козин. С. 110–111.

45

Там же. С. 301–302.

46

Там же. С. 314.

47

Козин В. Проклятое искусство. С. 364–365.

48

Healey D. Russian Homophobia... С. 79.

49

Глава основана на следующих архивных материалах: ГАРФ. Ф. П-9474. Оп. 13. Д. 1077.

50

Nakachi M. Population, Politics and Reproduction: Late Stalinism and its Legacy // Late Stalinist Russia: Society Between Reconstruction and Reinvention / ed. by J. Furst. L.; N.-Y.: Routledge, 2006. С. 23.

51

Filtzer D. Standard of Living versus Quality of Life: Struggling with the Urban Environment in Russia during the Early Years of Post-War Reconstruction // Там же. С. 85.

52

ГАРФ. Ф. П-9474. Оп. 13. Д. 1077.

53

Schluter D. P. Gay Life in the Former USSR: Fraternity without Community. L.: Routledge, 2001. С. 102.

54

Healey D. Russian Homophobia... С. 63.

55

ГАРФ. Ф. П-9474. Оп. 13. Д. 1077. Л. 21.

56

Там же. Л. 8.

57

Там же. Л. 23.

58

Там же.

59

Там же. Л. 8.

60

Alexander R. New Light on the Prosecution of Homosexuals under Brezhnev // Russian History. 2019. T. 46. № 1. С. 16.

61

ГАРФ. Ф. П-9474. Оп. 13. Д. 1077. Л. 21.

62

Там же. Л. 22.

63

Solomon-Jr. P. H. The Case of the Vanishing Acquittal: Informal Norms and the Practice of Soviet Criminal Justice // Soviet Justice. 1987. T. XXXIX. С. 531.

64

Там же. С. 533.

65

Там же.

66

Белкин А. И. Фрейд З. Избранное. М.: Внешторгиздат, 1989. С. 14.

67

Там же. С. 18.

68

Сумбаев И. С. К психотерапии гомосексуализма // Советская психоневрология. 1936. № 3. С. 60.

69

Там же.

70

Там же. С. 59–60.

71

Там же. С. 61–62.

72

Cavendish R. Death of Joseph Stalin: The Soviet Leader Died on March 5th, 1953 // History Today. URL: <https://www.historytoday.com/archive/months-past/death-joseph-stalin>.

73

Hardy J. S. The GULAG after Stalin: Redefining Punishment in Khrushchev's Soviet Union, 1953–1964. Ithaca; L.: Cornell University Press, 2016. С. 27.

74

ГАРФ. Ф. П-9414. Оп. 1. Д. 2882. Л. 78.

75

Alexander R. Regulating homosexuality in Soviet Russia, 1956–1991: A Different History. Manchester: Manchester University Press, 2021. С. 28.

76

ГАРФ. Ф. П-9414. Оп. 1. Д. 2882. Л. 91.

77

Alexopoulos G. Illness and Inhumanity in Stalin's GULAG. New Haven; L.: Yale University Press, 2017. С. 163.

78

ГАРФ. Ф. П-9414. Оп. 1. Д. 2896. Л. 234–235.

79

Там же.

80

Там же. Л. 214.

81

Там же. Л. 215.

82

Там же. Л. 234–235.

83

Там же. Л. 193.

84

Там же.

85

Там же. Л. 228.

86

Там же.

87

ГАРФ. Ф. П-9414. Оп. 1 доп. Д. 608. Л. 76.

88

Hardy J. S. Op. cit. С. 194.

89

Эта глава основывается на материалах из главы “Comrades, Queers, and ‘Oddballs’: Sodomy, Masculinity, and Gendered Violence in Leningrad Province in the 1950s” книги: *Healey D.* Russian Homophobia... С. 51–73.

90

Healey D. Russian Homophobia... С. 68.

91

Там же. С. 61.

92

Там же. С. 55.

93

Там же. С. 56.

94

Healey D. Homosexual Desire... С. 68.

95

Там же.

96

Там же.

97

Там же. С. 69.

98

Там же. С. 56.

99

Solomon-Jr. P. H. Soviet Criminologists and Criminal Policy: Specialists in Policy – Making. N.-Y., 1978. С. 52–53.

100

ГАРФ. Ф. А-385. Оп. 26. Д. 153. Л. 182–183.

101

Карнович Г. Б., Коршик М. Г. Расследование половых преступлений: пособие для следователей. М.: Гос. изд-во юрид. литературы, 1958. С. 77.

102

Авдеев М. И. Судебная медицина. М.: Гос. изд-во юрид. литературы, 1951. С. 452.

103

Гарф а-385, опись 26, дело 152, листы 292–293.

104

Государственный архив Латвии. Ф. 938. Оп. 6. Д. 66. Л. 82.

105

Горфин Д. Половая жизнь // Большая советская энциклопедия. Т. 46. М.: Советская энциклопедия, 1940. С. 163–169.

106

Bayer R. Homosexuality and American Psychiatry: The Politics of Diagnosis. N.-Y.: Basic Books, 1981. С. 43.

107

Деревинская Е. М. Материалы к клинике, патогенезу, терапии женского гомосексуализма: дисс. на соискание ученой степени кандидата медицинских наук. Карагандинский медицинский университет, 1965. С. 253.

108

Там же. С. 39.

109

Там же. С. 117.

110

Там же.

111

Там же. С. 119.

112

Там же. С. 129–130.

113

Там же. С. 139.

114

Там же. С. 121.

115

Там же. С. 211–212.

116

Там же. С. 195.

117

Таламотомия – нейрохирургическая операция, в ходе которой пациенту наносится локализованное повреждение одного из отделов мозга (таламуса). Опасный метод лечения, чреватый серьезными рисками инсульта, нарушений речи, проблем со зрением, применяется только в случаях, когда более традиционные методы не дают результатов. – *Здесь и далее прим. ред., если не указано иное.*

118

Деревинская Е. М. Указ. соч. С. 197.

119

Eaton K. B. Daily Life in the Soviet Union. L.: Greenwood Press, 2004. С. 198.

120

Деревинская Е. М. Указ. соч. С. 199.

121

Там же. С. 201.

122

Там же. С. 204.

123

Там же.

124

Там же. С. 215–217.

125

Там же. С. 217–218.

126

Там же. С. 219.

127

Там же. С. 227.

128

Там же. С. 231–232.

129

Там же. С. 236.

130

Там же.

131

Свядош А. М. Женская сексопатология. М.: Медицина, 1974.

132

Fedor J. Russia and the Cult of State Security: The Chekist Tradition, from Lenin to Putin. L.: Routledge, 2013. С. 33.

133

Там же. С. 38.

134

Государственный архив Службы безопасности Украины. Д. 66876. Т. 6. Л. 270 (далее – Дело Петренко). Чтобы сохранить анонимность фигурантов, все имена изменены.

135

Там же. Т. 4. Л. 95.

136

Там же. Т. 3. Л. 57.

137

Там же. Л. 103.

138

Там же. Т. 3. Л. 123.

139

Там же. Т. 5. Л. 113.

140

Там же. Т. 6. Л. 114.

141

Там же. Л. 117.

142

Там же. Л. 88.

143

Там же. Л. 20.

144

Там же. Л. 89.

145

Там же. Т. 4. Л. 1.

146

Там же.

147

Там же.

148

Там же.

149

Там же.

150

Там же.

151

Там же.

152

Там же. Т. 6. Л. 106.

153

Там же. Л. 270.

154

Там же. Л. 69.

155

Там же. Л. 62.

156

Там же.

157

Там же. Л. 120.

158

Там же. Л. 181.

159

Там же. Л. 182.

160

Там же. Т. 2. Л. 109.

161

Там же.

162

Там же. Т. 3. Л. 21.

163

Там же. Т. 6. Л. 125.

164

Там же. Л. 224.

165

Там же. Л. 270.

166

Stern M., Stern A. Sex in the USSR. N.-Y.: Times Books. C. 88–89.

167

Kon I. The Sexual Revolution in Russia: From the Age of the Czars to Today. N.-Y.; L.: The Free Press, 1995. C. 172.

168

Там же.

169

Посвянский П. Б. Современные проблемы сексопатологии // Актуальные вопросы сексопатологии: сборник статей / под ред. Д. Д. Федотова. М.: Моск. науч. – исслед. ин-т психиатрии, 1967. С. 17.

170

Название Нижнего Новгорода в 1932–1990 годах.

171

Иванов Н. В. Вопросы психотерапии функциональных сексуальных расстройств. М.: Медицина, 1966. С. 4.

172

Порудоминский И. М. Кто же лечит половые расстройства? // Медицинская газета. 1963. 29 ноября. № 96. С. 3.

173

Alexander R. Regulating homosexuality... С. 87.

174

Там же.

175

Иванов Н. В. Указ. соч.

176

Там же. С. 133–139.

177

Там же.

178

Там же.

179

Там же.

180

Там же.

181

Там же.

182

Там же.

183

Строчка из стихотворения Альфреда Дугласа «Две любви» (здесь приводится в переводе Александра Лукьянова). Лорд Альфред Дуглас (1870–1945) – английский поэт и переводчик, друг и любовник Оскара Уайльда.

184

Chernyshova N. Soviet Consumer Culture in the Brezhnev Era. L.; N.-Y.: Routledge, 2013. С. 2–3.

185

Rubenstein J. Soviet Dissidents: Their Struggle for Human Rights. Boston: Beacon Press, 1980. С. 31–44.

186

Там же. С. 63–97.

187

The Prague Spring and the Warsaw Pact Invasion of Czechoslovakia in 1968 / ed. by G. Bischof, S. Karner, P. Ruggenthaler. Lexington Books, 2009.

188

Healey D. Russian Homophobia... С. 98.

189

Хлынцов М. Н. Расследование половых преступлений. Саратов: Приволжск. кн. изд-во, 1965. С. 145.

190

Там же. С. 141–147.

191

Там же. С. 145.

192

Там же. С. 152.

193

Seidl J. Decriminalisation of Homosexual Acts in Czechoslovakia in 1961 // Queer Stories of Europe / ed. by K. Verdins, J. Ozolins. Newcastle upon Tyne: Cambridge University Press, 2016. С. 174–195.

194

Игнатов А. Н. Ответственность за преступления против нравственности: Половые преступления. М.: Юридическая литература, 1966. С. 180.

195

Осипов П. П. Половые преступления: общее понятие, социальная сущность и система составов: дисс. на соиск. уч. степ. канд. юрид. наук. Л., 1966. С. 202.

196

Там же. С. 202–203.

197

Там же. С. 204–205.

198

Яковлев Я. М. Ответственность за мужеложство по советскому уголовному праву // Вопросы криминалистики и криминологии. Душанбе, 1968. С. 45.

199

Эта глава основывается на истории болезни бывшего пациента Яна Голанда Андрея Тарасова, в 1968 году прошедшего психотерапию от гомосексуальности (далее – Тарасов, отчет). В главе также использованы воспоминания жены Андрея Надежды (далее – Отзыв Надежды), зафиксированные в сентябре 1968 года, после того как Андрей прошел курс психотерапии. Оба документа находятся в частной коллекции Яна Генриховича Голанда и используются с его разрешения. Все имена изменены.

200

Отзыв Надежды. С. 1–4.

201

Там же.

202

Там же.

203

Там же.

204

Там же.

205

Там же.

206

Там же.

207

Впервые знаменитый роман Булгакова был напечатан в СССР незадолго до описываемых событий, в 1966–1967 годах (в журнале «Москва» вышла версия со значительными купюрами). Полноценная редакция увидела свет в 1973 году.

208

Тарасов, отчет.

209

Отзыв Надежды. С. 3–4.

210

Alexander R. Regulating homosexuality... С. 110–111.

211

Эта глава основана на автобиографии Александра (Саши) Быкова из частной коллекции Яна Григорьевича Голанда; используется с его разрешения (далее – Быков, автобиография). Глава также опирается на дневник Быкова, который он вел во время лечения от гомосексуальности (далее – Быков, дневник). Имя автора изменено.

212

Eaton K. Op. cit. С. 267.

213

Rotkirch A. What Kind of Sex Can You Talk about? Acquiring Sexual Knowledge in Three Soviet Generations // Living through the Soviet System / ed. by D. Bertaux, P. Thompson, A. Rotkirch. New Brunswick: Transaction Publishers, 2005. С. 106.

214

Быков, автобиография. С. 2.

215

Там же. С. 4.

216

Там же. С. 7.

217

Там же. С. 7.

218

Там же. С. 8.

219

Там же. С. 9.

220

Там же.

221

Там же.

222

Там же. С. 10.

223

Там же.

224

Там же.

225

Там же. С. 10–11.

226

Там же. С. 11.

227

Там же.

228

Там же. С. 12.

229

Там же.

230

Там же.

231

Там же.

232

Там же.

233

Там же.

234

Там же. С. 13–14.

235

Там же. С. 14.

236

Там же. С. 17.

237

Там же.

238

Там же.

239

Там же.

240

Быков, дневник, 3 марта 1971.

241

Быков, дневник, 7 марта 1971.

242

Быков, дневник, 17 мая 1971.

243

Быков, дневник, 19 мая 1971.

244

Там же.

245

Быков, дневник, 18 июля 1971.

246

Там же.

247

Там же.

248

Там же.

249

Даниэльбек Б. В. Уголовно-правовая борьба с половыми преступлениями: автореф. дисс. на соиск. уч. степ. докт. юрид. наук. М., 1970.

250

Healey D. Homosexual Desire... С. 96.

251

Даниэльбек Б. В. Половые извращения и уголовная ответственность. Волгоград: Высшая следственная школа МВД СССР, 1972. С. 105.

252

Там же. С. 89.

253

Там же. С. 90.

254

Там же. С. 92.

255

Здесь это слово употребляется в качестве синонима половых контактов между гомосексуальными женщинами.

256

ГАРФ. Ф. Р-9506. Оп. 75. Д. 57. Л. 35–36.

257

Там же. Л. 97.

258

Там же. Л. 81.

259

Там же. Л. 104–105.

260

Там же. Л. 110.

261

Там же. Л. 97.

262

Там же. Л. 125–126.

263

Эта глава основана на автобиографии Павла Кротова из частной коллекции Яна Григорьевича Голанда; используется с его разрешения

(далее – Кротов, автобиография). Имя автора изменено.

264

Кротов, автобиография. С. 2.

265

Там же. С. 4.

266

Там же.

267

Там же.

268

Там же. С. 5.

269

Там же. С. 6.

270

Там же. С. 7.

271

Там же.

272

Там же. С. 8.

273

Там же. С. 9.

274

Там же.

275

Там же.

276

Там же. С. 10.

277

Там же.

278

Там же. С. 11.

279

Там же. С. 11–12.

280

Healey D. Homosexual Desire... С. 262.

281

Козловский В. Аргументы русской гомосексуальной субкультуры: материалы к изучению. Chalidze Publications, 1986. С. 16.

282

Там же.

283

Екатерининский сквер на площади Островского в Санкт-Петербурге (напротив Александровского театра) в советское время

считался одним из главных мест встреч ленинградских гомосексуалов.

284

Козловский В. Указ. соч. С. 16.

285

Там же.

286

Однополые браки впервые в мире были легализованы в Нидерландах в 2001 году, а в Швеции – только в 2009 году.

287

Там же. С. 17.

288

Там же.

289

Schiavazzi V. L'urlo di Pezzana per la difesa dei gay 37 anni fa a Mosca // La Repubblica. 2014. 11 February. URL: https://torino.repubblica.it/cronaca/2014/02/11/news/l_urlo_di_pezzana_per_la_difesa_dei_gay_37_anni_fa_a_mosca-78282247/.

290

Покровский В. В. Первый случай синдрома приобретенного иммунодефицита у гражданина СССР // Терапевтический архив. М., 1988. С. 10.

291

Там же.

292

Там же.

293

Там же. С. 11.

294

Там же.

295

Gorsuch A. E. All This is Your World: Soviet Tourism at Home and Abroad After Stalin. Oxford: Oxford University Press, 2011. С. 111.

296

Григорьева С. Советская повседневность в африканских представительствах 1960–1980-х гг. // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2017. № 6. С. 18.

297

Иванов Н. А., Богач В. В. СПИД без сенсаций. Хабаровск: Книжн. изд-во, 1988. С. 15.

298

Петров Р. «Иммунодефицит: что это такое?» // Литературная газета. 1983. 22 июня. С. 15.

299

Boghart Th. Operation INFEKTION: Soviet Bloc Intelligence Disinformation Campaign // Studies in Intelligence. 2009. T. 53 (December). С. 6.

300

Там же.

301

Несмотря на то что о СПИДе стало известно с 1981 года, администрация Рональда Рейгана долгое время предпочитала замалчивать проблему, что привело к широкому распространению этого заболевания и серьезно увеличило число жертв.

302

ГАРФ, ф. Р-8009, оп. 51, д. 1765, л. 11.

303

Mydans S. Moscow Clears Deck for Anti Imperialist Youth // The New York Times. 1985. July 27. С. 2.

304

ГАРФ. Ф. Р-8009. Оп. 51. Д. 1765. Л. 224.

305

Там же. Л. 224–225.

306

Там же. Л. 57.

307

Загорнов А. В. Кузьмичев В. С. Задачи органов внутренних дел по предупреждению СПИДа: Методическая разработка. М.: МВД СССР, 1988. С. 10–13.

308

Запевалов В. Паника на Западе, или Что скрывается за сенсацией вокруг СПИД? // Литературная газета. 1985. 30 октября.

309

Lee G. Soviets Try to Quiet AIDS Fears // The Washington Post. 1985. December 12. URL: <https://www.washingtonpost.com/archive/politics/1985/12/12/soviets-try-to-quiet-aids-fears/3550d9d0-19b8-4b0f-9004-4a2c5e140fe4/>.

310

Snyder A. A. Warriors of Disinformation: American Propaganda, Soviet Lies, and the Winning of the Cold War: An Insider's Account. N.-Y.: Arcade Publishing, 1997. С. 113.

311

Там же. С. 114.

312

Там же.

313

Иванов Н. А., Богач В. В. Указ. соч. С. 13.

314

Мороз О. Группа риска. М.: Просвещение, 1990. С. 61.

315

Там же.

316

Покровский В.В. Указ. соч. С. 11.

317

Там же. С. 12.

318

Мороз О. Указ. соч. С. 61.

319

Покровский В. В. Указ. соч. С. 12.

320

Мороз О. Указ. соч. С. 58–62.

321

Куликовская Г. Обратного хода нет // Огонек. 1987. № 23. С. 19.

322

Покровский В. И., Покровский В. В. СПИД: Синдром приобретенного иммунодефицита. М.: Медицина, 1988. С. 18.

323

Strovsky D., Schleifer R. Soviet Politics and Journalism under Mikhail Gorbachev's Perestroika and Glasnost: Why Hopes Failed // Athens Journal of Mass Media and Communications. 2021. Т. 7. № 4 Октябрь. С. 242.

324

Комсомольская правда. 1987. 1 августа. С. 3.

325

Новиков А. Еще раз о СПИДе // Комсомольская правда. 1987. 28 октября. С. 3.

326

ГАРФ. Ф. 8009. Оп. 51. Д. 2959. Л. 43.

327

Новиков А. Синдром «Трех обезьянок» // Молодой коммунист. 1988. Декабрь. С. 68.

328

Там же. С. 69.

329

Там же. С. 70.

330

Там же. С. 71.

331

Там же.

332

Там же.

333

Там же.

334

Там же.

335

Там же. С. 72.

336

Там же. С. 73.

337

Там же. С. 74.

338

Там же.

339

Там же. С. 70.

340

Там же. С. 75.

341

Бояркина Н. СПИД и дети: прокуратура начала расследование // Комсомольская правда. 1989. 28 января. С. 1.

342

Там же.

343

Remnick D. Unwashed Needles Infect 27 Infants with AIDS // The Washington Post. 1989. 29 January. URL: <https://www.washingtonpost.com/archive/politics/1989/01/29/unwashed-needles-infect-27-infants-with-aids/8ffcd771-7810-48bc-a7f3-c3b6f2f3f34c/>.

344

Мороз О. Указ. соч. С. 51–52. Письмо приводится в сокращении.

345

Там же.

346

Там же. С. 65.

347

Там же. С. 66.

348

Там же. С. 67.

349

Там же. С. 68.

350

Там же.

351

Там же.

352

Там же. С. 69.

353

Там же. С. 70.

354

Gessen M. Op. cit. С. 27.

355

Там же. С. 28.

356

Там же. С. 29.

357

Там же. С. 32.

358

Там же.

359

Healey D. Russian Homophobia... С. 174.

360

Там же. С. 175.